

АНТОН ДЕМЧЕНКО

ХОЛЬМГРАДСКИЕ ИСТОРИИ

ЧЕЛОВЕК

ДЛЯ ОСОБЫХ ПОРУЧЕНИЙ

САМОЗВАНЕЦ

ПО ОСОБОМУ ПОРУЧЕНИЮ

БЕГЛЕЦ

ОТ ОСОБЫХ ПОРУЧЕНИЙ

Антон Витальевич Демченко
Хольмградские истории:
Человек для особых поручений.
Самозванец по особому
поручению. Беглец от
особых поручений (сборник)
Серия «Хольмградские истории»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22468296

*Демченко, Антон Витальевич Хольмградские истории: Человек для особых поручений. Самозванец по особому поручению. Беглец от особых поручений: сборник: Издательство АСТ, Издательский дом «Ленинград»; Москва; 2016
ISBN 978-5-17-100618-1*

Аннотация

Из начала двадцать первого века — в конец века девятнадцатого. Да полно, а только ли отсюда туда? С каких это пор Новгород стал Хольмградом, да еще и столицей? А магия? Разве в нашем просвещенном девятнадцатом веке она была в ходу? Вопросы, вопросы... И интерес Особой канцелярии на закуску...

Спокойствие... Это слово, кажется, начисто отсутствует в словаре бывшего офицера, не менее бывшего детектива и почти настоящего князя Виталия Родионовича Старицкого. Уважаемый директор серьезного учебного заведения, заводчик и титулованный дворянин... Судьба щедро одаривает его приключениями и вовсе не желает признать, что всякого рода авантюры попросту не приличествуют человеку его статуса. Но может, избавившись от груза обязанностей, непременно сопутствующих достигнутому положению, Виталий Родионович сможет отдохнуть от незавидной роли игрушки Рока?

Содержание

Человек для особых поручений	7
Пролог	7
Часть 1	8
Глава 1	8
Глава 2	22
Глава 3	38
Глава 4	53
Глава 5	69
Глава 6	83
Глава 7	98
Глава 8	113
Глава 9	129
Часть 2	146
Глава 1	146
Глава 2	161
Глава 3	177
Глава 4	193
Глава 5	208
Глава 6	224
Глава 7	239
Глава 8	255
Глава 9	271
Часть 3	288

Глава 1	288
Глава 2	304
Глава 3	319
Глава 4	335
Конец ознакомительного фрагмента.	351

Антон Демченко
Хольмградские истории:
Человек для особых
поручений. Самозванец
по особому поручению.
Беглец от особых
поручений (сборник)

Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону

© Антон Демченко, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Человек для особых поручений

Пролог

Вас никогда не приносили в жертву? Нет? А вот меня пытались... Впрочем, почему пытались? Принесли. Со всеми ритуалами, призываниями Черного Козла (на кой там еще один, и так вокруг жертвенника от них не протолкнуться было?) и прочей мерзостью. М-да. Но абонент оказался временно недоступен, и я отправился на тот свет, так и не увидев кумира моих палачей.

На самом деле это сейчас вспоминать забавно, а тогда, помнится, страшно было до предела, причем больше, чем смерти, я боялся оказаться в гостях у того, кому меня замыслили в жертву принести. Вот такие выверты психики. А получилось... что получилось.

Часть 1

Глава 1

Проснулись от боли? Радуйтесь – вы живы!

Меня знобит. Тело будто ватное и трясется, как холодец в руках алкоголика. А еще жуткий холод продирает до костей, время от времени сменяясь жаром, испепеляющими волнами прокатывающимся по моим внутренностям. Сил нет даже на то, чтобы открыть глаза. А когда я вспоминаю жертвоприношение, пропадает и всякое желание осматриваться. Наваливается страх. Страх оказаться там, куда меня наладили чертовы сатанисты. Правда, сейчас он приглушенный, словно бы не свой, ватный, как и моя брэнная тушка, но и этих отголосков давешнего ужаса хватает, чтобы сердце зашлось истерической дробью, а, казалось бы, неподъемно тяжелые руки принялись шарить в поисках чего-нибудь, что может сгодиться для защиты.

– Ну-ну. Спокойней, голубчик, спокойней. – Глубокий баритон с типично «докторскими» интонациями, раздавшийся над ухом, слегка меня отрезвил. Вряд ли у дьявола, в его вотчине, есть необходимость изображать из себя домашне-

го доктора разлива одна тысяча девятьсот третьего года. – Незачем так метаться, молодой человек. Сейчас мы вам сделаем инъекцию, и вы поспите. А к утру будете как огурчик.

– В смысле, такой же зеленый и в пупырышках? – пробормотал я, чувствуя, как в руку входит игла.

– Ну раз вы уже способны шутить, волноваться не о чем. В том числе о цвете и фактуре вашей кожи. Спите. – Мой невидимый доктор хмыкнул, и я провалился в сон.

В очередной раз я проснулся от резкого толчка. Где-то что-то лязгнуло, раздался короткий свист, мое ложе качнулось, и я почувствовал движение. Поезд... И как я здесь оказался, интересно? Или это пресловутый «Небесный экспресс»? Я приоткрыл глаза и понял, что недавняя разбитость и озноб прошли, словно их и не было, а тело вполне повинуется моим приказам и не думает стонать от боли, хотя легкая слабость все еще ощущается. Порадовавшись этому открытию, я огляделся. Что можно сказать об обычном купе в спальном вагоне? Об обычном и говорить нечего, но вот конкретно это место к таковым не относилось.

За окном, судя по всему, если не ночь, то поздний вечер, и в «моем» купе темно. Не горит небольшой изящный плафон под потолком, а закрепленное у изголовья моей кровати бра только тускло мерцает хрустальным блеском стекла, когда проносящиеся за окном редкие фонари на мгновение озаряют купе оранжевым светом. Несмотря на это, я отчетливо вижу все до малейших деталей. Резко, контрастно, с уголь-

но-черными тенями и почти неразличимыми цветами, скорее угадываемыми, нежели действительно видимыми. Купе оказалось гораздо больше привычных размеров, сплошь отделано деревом, с многочисленными то ли медными, то ли латунными деталями. У противоположной стены, меж двумя дверьми, под широким зеркалом в тяжелой раме, нашлось место небольшому креслу антикварного вида, в паре с маленьким круглым столиком, больше похожим на подставку для чашки кофе или бокала коньяка. А слева от меня еще одна дверь. Массивная, на всю высоту стены, она явно ведет в коридор вагона... Но туда мы пока не полезем. Сначала определимся с двумя другими.

Я осторожно сел в постели, спустил ноги на пол, и мои ступни ощутили мягкий шелковистый ворс ковра. Это что-то нереальное. Ездил я в поезде «Золотой Орел», не пожалел десяти косых евриков, но даже там, несмотря на все навороты, таких ковров не было! А уж хороший ковер от ширпотреба я отличу с закрытыми глазами, на ощупь. Нравятся они мне, особенно персидские...

Все же, не доверяя своим ногам, я шагнул вперед, едва не потеряв равновесие от плавного покачивания вагона, почти неощутимого, пока я лежал, и, опустившись на четвереньки, провел рукой по очень короткому ворсу ковра. Нет, это явно не «Исфахан», хоть и похож, или все же... Найдя край, провел по нему рукой, коснулся изнанки... Вот в такой позе меня и нашел давешний «доктор». Внезапно входная

дверь скользнула в сторону, заливая купе леденцовым светом из коридора, и на пороге возникла худая фигура человека небольшого роста, с тростью в руке. Черты лица, как и костюм, были неразличимы. Просто черный силуэт в дверном проеме.

– Молодой человек, что с вами? – Фигура метнулась ко мне, благо для этого и нужно было сделать всего пару шагов, но в этот момент поезд дернулся, лязгнули сцепки и поспешный шаг «доктора» превратился в неизящный полет утюга... прямо на мою несчастную тушку. Сдавленный мат с моей стороны и чертыхания доктора стали продолжением нашей беседы. Наконец, кое-как разобравшись, где чья конечность, мы расползлись в стороны. Я уместился на кровати, а мой визави, включив верхний свет в купе, удобно устроился в кресле, напротив.

– Прошу простить меня за неловкость, – повинился «доктор».

Только сейчас я смог толком рассмотреть его и даже фыркнул от неожиданности. Настолько первое «слепое» впечатление оказалось правильным, особенно по поводу «даты разлива». Вытянутое лицо, тонкие черты, узкая бородка и пенсне, старомодный сюртук и часы в жилетном кармане. В общем, классический «доктор» конца девятнадцатого – начала двадцатого века. Чем-то к тому же похожий на Антона Павловича Чехова. Или это из-за пенсне?

– Не стоит внимания, э-э-э... – протянул я.

– Грац, Меклен Францевич Грац, адъюнкт-профессор Хольмского университета, кафедра криминалистики и судебной медицины, – понял мою заминку собеседник и даже привстал, представляясь. Чудны дела твои, Господи! Куда же я попал? Что за Хольмский университет, что за адъюнкты такие?

– Очень приятно, господин профессор. – Я кое-как справился со своим удивлением и попытался, в свою очередь, подняться. Но Грац тут же кинулся ко мне, удержал, положив руку на плечо. Пришлось представляться сидя. – Виталий Родионович Старицкий. Бизнесмен.

– Хорошее имя. Vitalis – живой, на латыни. Вам подходит, Виталий Родионович, – улыбнулся профессор, снова уминаясь в кресле. – А вот бизнесмен... это непонятно, уж извините. Вроде бы похоже на англо-норманский, но я, к сожалению, не специалист. Что это?

– А... – Вот тут я малость завис. Какой англо-норманский?! О чем он говорит?

– Виталий Родионович, с вами все в порядке? – забеспокоился Грац.

– Да-да. Вполне, – пробормотал я. – Просто слабость накатила.

– Ничего, бывает. Но на всякий случай примите вот эти пилюли. – Меклен Францевич выудил из кармана жилета небольшую плоскую коробочку и, открыв, протянул мне. Внутри, на вошеной бумаге лежала пара желтоватых горо-

шин.

– Что это? – осторожно поинтересовался я.

– О! Это всего лишь тонизирующее средство. То, что нужно ослабленному организму, для общего укрепления. Я, собственно, за этим к вам и шел. Берите-берите. Худого не посоветую.

– Ну что ж. – Я взял обе пилюли и решительно бросил их в рот. Кажется, они начали действовать, не успев упасть в желудок. По крайней мере, я почти сразу почувствовал себя намного уверенней, и, судя по тому, как довольно кивнул Грац, это не прошло незамеченным для профессора.

– Так о чем мы говорили? А... бизнесмен! – Профессор поерзал в кресле и обратил на меня вопросительный взгляд.

– Да. – Я вздохнул. – Бизнесмен, говоря просто: человек дела. Тот, кто ищет выгоды. В производстве, торговле или посредничестве, уже не так важно.

– Интересно. Первый раз слышу такое определение, – хмыкнул профессор. – Но все-таки чем же вы занимаетесь, Виталий Родионович?

– Занимался. В основном услугами различного рода, – уклончиво ответил я и уточнил в стиле того же времени, что так явно выглядывал из слов и вида профессора: – Так сказать, человек для особых поручений.

– О! – Господин Грац поправил пенсне и надолго замолчал. Несколько минут в купе был слышен только перестук колес да редкие лязги сцепки. Наконец я решил, что стражей

порядка мы нарожали в достаточном количестве, так что пора и самому разузнать кое-что у господина адъюнкт-профессора.

– Меклен Францевич, не подскажите, как я здесь оказался и куда мы едем?

Профессор вынырнул из своих размышлений, несколько секунд рассматривал меня отрешенным взглядом. Но вскоре до него дошел смысл вопроса.

– А вы разве ничего не помните, Виталий Родионович? – осведомился профессор, смерив меня цепким взглядом.

– Знаете, я даже свою смерть помню, – вздохнул я. – А вот что было дальше, как отрезало.

– Все бы вам, молодым, шуточки шутить, – покачал головой профессор, – да в подпитии по раскопкам шляться. А они, между прочим, под защитой государя. Так-то, юноша.

Раскопки... подпитие... Государь? Юноша?! Это я-то? Нет, мне многие говорили, что я в свои тридцать похож на мальчишку. Но это больше характера касается... А здесь. Да тот же профессор от силы лет на пять меня старше!

– Хм. Меклен Францевич, верите ли, но никаких раскопок я не помню, – тихо проговорил я.

– А что помните?

– Жертвоприношение.

Глаза профессора округлились.

– Что-о?! – Грац вскочил, выглянул в коридор и тут же захлопнул дверь, напоследок сделав какой-то пасс рукой. Купе

погрузилось в абсолютную тишину. Даже стука колес не стало слышно. Профессор, с абсолютно каменным лицом, повернулся ко мне и, облокотившись на стену, сухо приказал: — Рассказывайте.

Хрен с ней, с этой звукоизоляцией по мановению руки, перемены в поведении самого профессора удивили меня куда больше! И куда только подевался милый «доктор»? Тяжело вздохнув, я принялся рассказывать, как по заказу одного уважаемого человека ввязался в поиски его дочери, сбежавшей из-под присмотра папиных охранников. Поведал, как нашел возжелавшую приключений «золотую» девочку среди повернутых на мистике придурков, как впоследствии оказалось, сатанистов. Здесь мой собеседник недоуменно приподнял бровь, но прерывать рассказа не стал, и я продолжил повествование. Рассказал, как, отказавшись от быстрого решения (мешок на голову, и к папе под крыло), вошел в их круг, чтобы иметь возможность внимательно осмотреться и прикинуть возможные варианты действий, и как глупо прокололся перед беглянкой... которая, не пожелав возвращаться в отчий дом, сдала меня своим приятелям, «чтобы проучили этого идиота». Ну а те, недолго думая, решили подарить меня своему «повелителю», заодно и избавиться от свидетеля их, не таких уж невинных, забав. Вот интересно, а до этой юной дуры вообще дошло, что это была вовсе не игра?

Молча слушавший меня, профессор только костяшками пальцев хрустнул, когда я рассказывал ему, как мне вскры-

вали грудную клетку.

– А потом я очнулся здесь. И как я понимаю, это отнюдь не моя страна и даже не мой мир, хотя и тут говорят по-русски, – закончил я свой рассказ. – Если, конечно, мне это все не мерещится в предсмертном бреду.

– Виталий Родионович, вы меня чуть до апоплексического удара не довели. Я уж думал, у нас опять эта зараза с жертвоприношениями появилась. Но идея насчет другого мира... Это вполне возможно. Насколько я знаю, ни наука, ни философия не отрицают возможности существования иных миров. М-да... Знаете, если бы я не видел шрам на вашей груди, сказал бы, что вы стали жертвой качественной иллюзии или были под воздействием галлюциногенов. Шрам, правда, выглядит так, словно рану вам нанесли минимум с полгода назад, но вот состояние тонких оболочек в данном случае говорит в вашу пользу... – задумчиво произнес профессор, вогнав меня в ступор.

– Тонкие оболочки?! Профессор, вы же ученый, неужели верите во всю эту ахинею?

– Вот как? – усмехнулся Грац, и над его рукой зажегся небольшой, но яркий огонек. – А это тоже «ахинея»?

– Е-е-о-п. – Я охренел.

– Вот так-то, Виталий Родионович. – Огонек над рукой моего визави погас, и он опустился в кресло. Устало посмотрел на меня и заговорил: – Я приехал на Киевы горы по приглашению моего старинного приятеля – археолога, профес-

сора Ренского. Свенельд Нискинич как раз собирался начать там раскопки, а мне было интересно приложить свои знания и методы в таком необычном деле. Вот в одном из раскопов мы вас и нашли. С вечера яма была пуста, а утром, глянули, лежит на обожженном камне человек. Голый. Пришлось мне вами заняться. Съездили в Киево городище, сняли в управе метрики по уезду, сверились. Нет такого. Я дал запрос в местную канцелярию. Пусто. Вывод? Надо везти вас в столицу и там уже разбираться. Заказал билеты до Хольмграда, и вот... Завтра уже будем в столице.

– Но зачем это вам? – не понял я.

– Как это «зачем»? – даже удивился Грац. – Обязан, по Уложению. К вашему сведению, по велению Святослава Ингваревича, батюшки-государя нашего, любые археологические исследования должно проводить только в присутствии чиновников от Особой канцелярии. И любые происшествия во время раскопок в их ведении. Вот я и есть тот чиновник. Собственно, потому приятель меня и звал в свою экспедицию, не хотелось ему с дуболомами местными вошкаться.

– Вы же говорили, что являетесь профессором Хольмского университета, – напомнил я, холодея от одной мысли, что сам, своим, неожиданно оказавшимся таким длинным языком, сдал себя в руки местной спецуре. А что еще могут обозвать Особой канцелярией?

– Именно так. Но поскольку моими заключениями поль-

зуются при расследованиях, проводимых Особой канцелярией, я и был произведен в чин коллежского советника этого ведомства. Но за советом из канцелярии приходят не так уж часто, а чин при мне постоянно. Вот и пользуется Свенельд близким знакомством. Не любит он с местными властями работать. Уж больно, говорит, на руку нечисты, – пояснил Грац.

– Дела-а, – протянул я. – И что теперь со мной будет?

– Да ничего страшного, – отмахнулся спецпрофессор. – Сверим общие метрики и, ежели за вами, юноша, худых дел нет (а их, с учетом вашего рассказа, полагаю, и быть не может), выдадим паспорт. Устраивайтесь, живите. Только законов не нарушайте. А то идите учиться. С дипломом-то всяко сподручней на хлеб с маслом зарабатывать.

– Да ну! Что-то не верится. Неужели к пришельцу из другого мира возможно такое вот простое отношение? – ухмыльнулся я.

– А что, у вас не так? – удивился профессор.

– У нас по-всякому бывает. – Я вздохнул. – Вот только отчего-то среди народа бытует мнение, что даже если появится какое чудище пятиногое из иного мира, его тут же спецслужбы сцапают и на опыты пустят.

– В чем-то, конечно, народ прав, – покивал профессор и рассмеялся. – По крайней мере, я вас уже «сцапал», если, конечно, правильно понял слово «спецслужбы». Вот только не вижу смысла пускать вас на опыты. Вы же не чудище пя-

тиное. Обычный человек. С тем же успехом можно отправить на стол прозектора любого ваганта-философа.

– Почему именно философа? – Я не сдержал ответной улыбки. Слова профессора меня несколько успокоили.

– Ну голубчик, – развел руками Грац. – А где, по-вашему, люди должны обучаться обращению с тонкими оболочками и энергетикой, на уроках биологии?

– Ек. – Я опешил. – Получается, что любого человека таким фокусам с огоньком обучить можно?

– Было бы желание, – утвердительно кивнул Грац.

– Это что, я вслух, что ли, сказал? – пробормотал я, и профессор снова изобразил китайского болванчика.

– Хм. Побочное действие пилюли-говоруна. Уж извините, но мне нужна была ваша полная откровенность, – ни капли не смутившись, развел руками профессор и тут же протараторил, заметив, как изменилось выражение моего лица: – Зато теперь действительно нет необходимости в долгих и нудных расследованиях. Вам же лучше, не так ли?

Ну профессор, ну кот ученый, гэбня кровавая, пицот милёнов честно замученных! Или это из другой оперы? А, один черт! А я-то еще удивился, с чего бы на меня такая говорливость напала? Чуть по именам заказчика с дочкой не назвал. Да сроду за мной такого не водилось. А он, оказывается, мне местную сыворотку правды подсунул, «для оживляжу разговора»! И ведь не обидишься. Действовал-то он не из корыстных побуждений, а исключительно «на благо Ро-

дины». То есть обидеться-то можно. А смысл? Что мне это даст в нынешних, фиговых обстоятельствах?

– Виталий Родионович. – Грац, явно почувствовавший мое состояние, поднялся с кресла и всучил мне в руки открытый бумажник с укрепленной в нем бляхой в виде красного щита, на котором был изображен глаз под короной. Профессор вытянулся передо мной по стойке смирно, и лицо его при этом было абсолютно серьезно. – Я приношу вам извинения за свои действия. Но если вы посчитаете это недостаточным, я готов выйти на хольмганг по прибытии в столицу с любым, угодным вам оружием или без оногo.

Если я правильно понял, господин профессор готов биться со мной на дуэли. Правда, насчет оружия, точнее его отсутствия, как-то недотумкал. Вроде бы дуэли всегда проводились на чем-нибудь остром или громко стреляющем. А вот без него... Смерив сухощавую фигуру профессора оценивающим взглядом, я вздохнул. Соплей такого, конечно, не перешибешь, но и на тренированного бойца господин Грац явно не тянет, как и меня не тянет начинать новую жизнь с избиения местного научного светила... А в том, что начинать новую жизнь придется обязательно, я уже не сомневался. Да и вообще лучше бы сохранить дружеские отношения с профессором. Все же я в здешних реалиях ни бум-бум, а устраиваться как-то нужно будет. В этом мой визави абсолютно прав, и помощь его может оказаться очень кстати, значит...

– Господин адъюнкт-профессор. – Я кое-как поднялся на

ноги, оказавшись выше своего собеседника на целую голову, и даже попытался принять такой же строгий вид, как и у него. Впрочем, мне это не слишком-то удалось. Может, сказался тот факт, что я, в отличие от господина Граца, был не в сюртуке, а в шелковой пижаме? Ну и ладно. – Меклен Францевич, я принимаю ваши извинения, поскольку вы действовали не по собственной прихоти, но лишь по долгу службы. А посему я не считаю себя вправе требовать от вас сатисфакции.

Эк завернул! Могем, когда хотим. Не зря же я в свободное время зачитывался историческими и не очень романами! Пригодилось. Вон и профессор расслабился. Даже улыбнулся чуть-чуть.

– Я рад, что вы не держите на меня зла, Виталий Родионович. Знаете, сейчас редко можно встретить такое понимание. Благодарю вас, – проговорил Грац.

– Да полно вам, – пожал я плечами, протягивая руку своему собеседнику. – Забудем об этом.

Профессор с готовностью пожал мою руку и тут же собрался уходить. Я пытался его остановить, уж очень хотелось узнать что-нибудь об этом мире, но Грац отвертелся. Пользуясь своим авторитетом врача, профессор настоял на том, чтобы я немедленно лег спать, но клятвенно пообещал удовлетворить мое любопытство за завтраком.

– В пределах моих скромных познаний, разумеется. Покойной ночи, Виталий Родионович, – уже будучи за порогом

купе, произнес профессор и ушел. А мне не осталось ничего иного, как погасить свет и отправиться на боковую. Но перед этим я все-таки обследовал заинтересовавшие меня двери, обнаружив за левой отделанную деревом и латуnią уборную с душем, а за правой – гардероб, в котором висели одинокий темно-серый костюм да удивительно легкое, шерстяное пальто того же оттенка. Тут же, на полке лежала сорочка, а внизу стояли лаковые штиблеты... Обалдеть. Только котелка и трости не хватает. Впрочем, заглянув на верхнюю полку, я нашел и «котелок». А вот с тростью облом. Ну да ничего. Обзаведусь при первой же возможности. «Дабы являть вид», как было написано в наставлениях по ассамблеям Петра Первого.

Представив себя упакованным в такой наряд, я хрюкнул от смеха, захлопнул дверь гардероба и завалился спать без каких-либо терзаний, кусаний подушки от невозможности вернуться домой и прочих душевных метаний. Некуда мне возвращаться. И незачем. Там я мертв, и оплакивать меня некому, а здесь я жив, и это здорово!

Глава 2

Мыслительный процесс и столичные штучки

Нас утро встречает прохладой... М-да. Насчет прохлады это в самую точку. Утром, не успел я выбраться из-под оде-

яла, как хорошо отдохнувшее тело послушно доложило, что температура «за бортом» едва ли выше пятнадцати градусов по земному Цельсию. Впрочем, наверняка здесь был свой «дядюшка Андэрс», кстати, надо не забыть узнать у профессора о местной системе мер, да и не только. А то вляпаюсь ненароком в какие-нибудь непонятки с ярдометрами, а это не есть гуд... Так, скрипя интеллектом, я добрался до душа, по пути глянув в окно, за которым проплывал достаточно унылый равнинный пейзаж. Судя по желтеющей листве проносящихся мимо редких деревьев, здесь царила осень. Причем скорее всего ранняя, потому как трава, в отличие от деревьев, продолжала нагло зеленеть, на зависть сородичам-великанам. Вдохнув, я закрыл за собой дверь уборной, где за каких-то минут сорок привел себя в порядок. Долго? А вы попробуйте побриться опасной бритвой... лично я таким агрегатом пользовался всего несколько раз, на даче у давнего приятеля. Так что полчаса и всего один порез – это, можно сказать, рекорд.

В тот момент, когда я закончил одеваться и старательно наводил последние штрихи, поправляя перед зеркалом пластрон (спасибо все тому же приятелю; на его свадьбу мне пришлось нарядиться во фрак, посему разобраться с предоставленным мне нынче костюмом труда не составило), в дверь купе кто-то настойчиво постучал. Оказалось, профессор Грац пришел пожелать доброго утра и пригласить на завтрак. При упоминании последнего слова мой желудок

предвкушающе заурчал, заставив Меклена Францевича понимающе улыбнуться, и мне не осталось ничего иного, кроме как с радостью согласиться.

Ресторан расположился в трех вагонах от нас, и пока мы до него добирались, я пришел к выводу, что: а) этот поезд поражает меня своей чистотой, б) радует плавностью хода (впрочем, этот факт я отметил еще вчера) и в) здешние вагоны значительно длиннее и шире, чем на моей далекой родине.

По раннему времени в ресторане было пусто. Только мялся за стойкой некий господин в накрахмаленной куртке. Впрочем, увидев нас, он тут же перестал безучастно пялиться в противоположную стену и двинулся навстречу. Остановившись в двух шагах, сей господин констатировал доброту утра и предложил нам устраиваться за любым приглянувшимся столом.

Завтрак... Судя по всему, англичан в этом мире нет (раз английского языка никто не знает), но их принцип: «завтрак – самая главная пища дня» здесь явно в фаворе. Увидев количество блюд, мисочек, салатниц и прочей посуды, наполненной соответствующим содержимым, принесенных нам стюардом в безупречно белоснежной форме (язык не повернется назвать эту чопорную морду гарсоном или официантом), я немного офигел. КАК все это можно сожрать?

Ну все не все, но половину тарелок я опустошил, вполне прилично орудуя многочисленными столовыми приборами.

Это только поначалу количество сияющего серебра на столе привело меня в легкий шок. Но присмотрелся к действиям сидящего напротив меня профессора, и оказалось, что это не такая уж хитрая наука. Так что к середине завтрака я, уже не особо напрягаясь, управлялся с этим «хирургическим набором» и всю разглядывал окружающую нас обстановку. Это, доложу вам, да-а. Благородное темное дерево, хрусталь плафонов и бокалов, белоснежные скатерти-салфетки и никакого пластика. Шик! Про качество еды и предупредительность стюардов я вообще молчу. Эх. А ведь это обычный поезд, как я понимаю, а вовсе не выпендрож перед иностранцами, как пресловутый «Золотой Орел».

– А что, Виталий Родионович, – заговорил Грац, когда многочисленные блюда были унесены прочь, – вы с таким интересом разглядываете вагон... неужели у вас ТАМ нет чугунки?

– Чугунка? – Я невольно улыбнулся архаичному словцу. – Отчего же, имеется. Но выглядит совершенно иначе. Менее претенциозно, что ли...

Тут я вспомнил убожество наших вагонов и передернулся.

– Ну уж, скажете, – покачал головой профессор. – Где вы увидели эту самую претенциозность, друг мой? Обычный поезд класса «стандарт». Вот в «империале» да, согласен – роскошь и блеск. А это... Нет, не могу сказать ничего дурного, кухня, например, в этом экспрессе лучшая на всем Южном направлении, но в остальном ничего примечательного.

– То есть вы хотите сказать, что у вас здесь все поезда такие?

– Нет, что вы?! – замахал руками профессор, чудом не сбив свою чашку на пол. – Я говорю об экспрессах, обычные поезда проще, ресторанов в них нет, только буфеты, горячие блюда готовятся на станциях, а это, как вы понимаете, не тот уровень, да и купе рассчитаны на двоих пассажиров.

– И два туалета на вагон? – усмехнулся я.

Тут профессор аж глаза вытаращил.

– Как можно?! На восемнадцать пассажиров-то! При каждом купе непременно имеется небольшая уборная. Правда, там приходится обходиться душем. Ванна не помещается. – Тут Грац запнулся. – Виталий Родионович, извините за нескромный вопрос... Из какого ада вы сбежали?

– Знаете, профессор, – я покрутил головой, – если честно, в тот момент я считал, что именно в ад и отправляюсь, а оказывается...

Не договорив, я обвел глазами вагон-ресторан и, не найдя подходящих слов, пожал плечами.

– Только не нужно делать скоропалительных выводов, Виталий Родионович, – заметил Грац и коротко глянул в сторону небольшой стойки, за которой расположился стюард. Через мгновение тот был уже у нашего стола. – Вот что, милейший, откройте-ка нам салон и принесите туда кофейник да не забудьте табак.

– Сию минуту. – Стюард кивнул и, уже собрался было уй-

ти, но задержался. – Не желаете уточнить обеденное меню?
– А что, сегодня есть что-то особое? – оживился профессор.

– На ночной станции доставили великолепных осетров...
– чуть растянул губы в улыбке стюард.

– Замечательно. – Грац аж зажмурился от удовольствия. – Запеченный осетр с лимонным соусом и зеленью, думаю, отлично впишется в наш обед... И вино. Белое. Сухое. Хорошее.

На последних словах стюард даже чуть укоризненно взглянул на профессора и предложил следовать за ним. Кряхтя после сытного завтрака, мы с профессором выбрались из-за стола и двинулись за «белой курткой». Миновав небольшой тамбур, мы оказались в салоне. Просторное помещение в полвагона размером, уставленное глубокими кожаными креслами, такими же диванами и небольшими журнальными столиками. Нижнюю половину стен закрывают деревянные панели, верхняя обита темно-зеленой тканью. На ней зеркала, картины и изящные светильники. А вот люстр нет. Верхнее освещение прячется за забраным в латунную решетку матовым стеклом, утопленным в потолок. Лепота. Вот интересно... А в «ординарных» поездах вместо фортепиано в салоне аккордеон держат или гитару?

Ничуть не скрывая собственного интереса, я обошел помещение, полюбовался на картины и гравюры, настучал на «пианине» корявыми пальцами «собачий вальс», а если бы

не вернувшийся с кофейником стюард, я бы и ковры, укрывающие пол, полез осматривать...

– Присоединяйтесь, Виталий Родионович, – позвал меня профессор.

Я отвлекся от изучения интересного орнамента ковра и двинулся в его сторону. Грац удобно устроился в кресле, а рядом с ним, на небольшом столике, примостился поднос с кофейником, сахарницей и парой изящных чашек. Втянув носом аромат кофе, я уселся в кресло напротив моего собеседника, и рядом со мной тут же возник стюард с небольшим деревянным ящиком, в котором обнаружился большой выбор папирос, сигарет, сигарилл и сигар. Немного подумав, я выбрал обычные сигареты и уж хотел было задать Грацу пару вопросов, но тут профессор, остановив меня жестом, обратился к стюарду:

– Любезнейший, а нейтрализатор у вас найдется?

– Разумеется, – кивнул стюард, протягивая профессору невзрачную бусину бурого цвета.

– Благодарю. – Грац выбрал себе небольшую сигару и, дождавшись, пока стюард исчезнет в дверях, отдал бусину мне. – Положите в жилетный карман. Пока не научитесь самостоятельно нейтрализовывать вред от курения, этим будет заниматься он.

– Однако. Лекарство? – Я покрутил в руках матовую горошину, внимательно ее рассматривая. Ничего необычного, тяжеловата, правда, для таких размеров, но на вид обычный

каменный шарик.

– Не совсем, – покачал головой профессор. – Он нейтрализует только тот вред, что вы наносите себе в данный момент. От ранее принятых токсинов нейтрализатор не избавит... Да, у вас же был ко мне какой-то вопрос, а я его так невежливо перебил.

Не спорю, тема безопасного курения мне была интересна, но у меня и кроме этого было полно вопросов, причем куда более животрепещущих, нежели особенности местных амулетов.

– Меклен Францевич... – Я замялся. В голове крутились сотни вопросов, и какой из них задавать в первую очередь, я просто не представлял. В конце концов, разведя руками, я сообщил об этом профессору.

– Понимаю. Признаться, окажись я на вашем месте, тоже не знал бы, с чего начинать допрос аборигена. – Грац чуть улыбнулся. – Но давайте попробуем так. Допустим, что вы просто-напросто оказались в неизвестной вам дотоле стране...

– Хороша заграница, – фыркнул я. – И рад бы согласиться с этим допущением, но наличие магии... Знаете, на моей родине бытует устоявшееся, общепризнанное мнение, что магии не существует.

– Странно... – покачал головой профессор. – Ну что же, тогда с нее и начнем. Попробую вас просветить, в меру своих скромных способностей, но только в самых общих чертах...

Чтобы вы хотя бы могли знать, чего можно ожидать от людей. Во-первых, начнем с того, что термин «магия» мы почти не применяем; если вы и встретитесь с ним, то разве что на страницах учебников по истории философии и естествознания... ну и, может быть, в некоторых соседних государствах. Мы же предпочитаем говорить о проявлениях подобного типа как о прямой работе с энергиями и полями.

– Прямой? То есть управляете энергией силой мысли?

– Можно сказать и так... – Грац покрутил сигару в руках. – Ведь что такое мысль, как не энергия? Сравнение, конечно, крайне неточное, но для первого приближения сойдет. Представьте каплю вина, упавшую в бокал с водой. Каков будет эффект?

– Ну думаю, первым эффектом станут круги на воде. – Я усмехнулся.

– Верно. Все в том же первом приближении. Во втором же мы увидим, что изменился, пусть и незначительно, цвет. А в третьем можно наблюдать изменение химического состава, а затем можно увидеть изменения структуры, а если присмотреться к моменту соприкосновения жидкостей? И дальше, дальше, дальше.

– Но тем не менее эффекты эти достаточно незначительны, – заметил я.

– А представьте, что в воду попала не капля вина, а, например, крайне активное вещество в жидком состоянии, – улыбнулся Грац. – И эффект будет уже не так незначителен,

правда? А ведь свойства мысли задаете вы. К тому же не стоит забывать и об объекте воздействия. Скажем, а что будет, если бокал окажется неполон и воды там будет на самом доньшке?

– Возможно. – Я кивнул. – Но тогда мы имеем лишь ограниченное влияние «капли». Ведь как бы то ни было, но она одна не сможет «наполнить бокал».

– Вы правы. И слава богам, что это так. Иначе мы просто уничтожили бы мир, в котором живем, одними лишь противоречиями в своих желаниях, облеченных в такую всемогущую мысль. Но даже в нынешнем своем состоянии мы можем многое и, как мне кажется, только начинаем подбираться к истинным пределам чистого управления мыслью. А ведь есть еще и инструменты, которые расширяют спектр возможных воздействий на окружающий мир и нас самих. Например, работа с помощью полей позволяет опосредованно влиять на энергию и материю подчас намного эффективнее, нежели прямое мысленное воздействие. И опять-таки мы только-только начинаем понимать простейшие принципы этой работы, хотя некоторыми приемами человечество пользуется уже тысячелетиями.

– Как так? – не понял я. Судя по всему, тема здешней философии была «коньком» Меклена Францевича, и он его с удовольствием оседлал, заполучив такого собеседника, как я.

– Ну скажем, такой пример. Давно замечено, что воздей-

ствие, произведенное даже сильным «философом», чуть ли не на два порядка слабее, чем то же действие в исполнении группы, состоящей хотя бы из трех-четырех «среднячков». Так называемый «магический круг». Так вот, лишь два десятка лет назад было обнаружено, что при работе в группе ее действующие лица образуют своего рода локальное ментальное поле, входящее в резонанс с общим менталом и оказывающее на него свое влияние, в определенных пределах, конечно. А те же действия одного, пусть и сильного мага менталом попросту поглощаются, без какого-либо эффекта резонанса и усиления. Но есть и обратное воздействие, недоступное магическому кругу именно по причине возникновения резонанса. Опытный манипулятор может точно воздействовать на ментал, например, создавая в нем определенную информационную структуру, увязав которую с некой материей может попросту преобразовать последнюю в тот предмет, чью структуру он создал в ментале. А это, знаете ли, путь куда более простой, чем попытки создать что-либо прямым воздействием мысли на материю. Собирать по атомам кусок отбивной, например, можно сотню лет, и результат не гарантирован. Зато, изучив в ментале информационную структуру той же отбивной и привязав ее к любой деревяшке подходящих размеров, можно получить обед в течение нескольких секунд. Привязанная структура сама воздействует на материальную составляющую, не требуя от создателя ни капли концентрации.

– Однако. И все же, Меклен Францевич, я не понимаю, каким образом мысль может сотворить все эти безобразия. – Я развел руками.

– Сама по себе никак, – ответил профессор, вдыхая аромат кофе. – За редкими исключениями. А вообще для развития способностей к управлению мыслью существуют целые методики, системы, состоящие из медитативных, расслабляющих и концентрирующих комплексов.

– Знаете, профессор, если бы дело было только в медитациях, каждый второй на моей родине был бы великим магом, – рассмеялся я. Вот ведь понимаю, что Грац говорит правду, да и фокус этот его с огнем в руке убедителен, а все равно в голове не укладывается...

– Хм, Виталий Родионович, я, конечно, небольшой специалист, все-таки это хобби, а не основная моя работа, но даже такому дилетанту ясно, что все ваше неверие происходит из обычного для среднего человека убеждения: «То, что я не вижу, не существует». – Профессор чуть пожевал губами и, бросив на меня чуточку сердитый взгляд, вздохнул. – Давайте попробуем разрешить ваши сомнения... Вы говорили, что многие ваши соотечественники знают, что такое медитация. Могу ли я предположить, что и вам известны какие-то методики?

– Разумеется, – кивнул я. Вот уж действительно, что-то, а некоторые техники нашему брату вдалбливались, словно сваи в грунт. До сих пор в некоторых ситуациях я перехожу

в медитативное состояние, что называется, «на автомате».

– Замечательно! – Грац радостно потер руки. От его сердитости не осталось и следа. – Тогда предлагаю следующее. У нас есть пара часов до приезда в Хольмград, давайте доберемся до вашего купе, там вы продемонстрируете, что ваши соотечественники понимают под медитацией. А я попробую научить вас какому-нибудь простому воздействию.

– Думаете, получится? – Я с интересом посмотрел на своего визави. Но тот только отмахнулся и тут же вскочил с кресла. Профессора явно увлекла эта идея, и он определенно не собирался терять ни единой секунды. Надо сказать, что я и сам был бы не против провести подобный эксперимент. Вряд ли, конечно, из этого выйдет что-то толковое, но... попробовать-то стоит! А вдруг?

Спустя полтора часа от оптимистического настроения профессора остались рожки до ножки. Да, показанная мною техника Грацу оказалась знакома, и, по его словам, она была весьма эффективна для необходимой настройки мыслительного процесса. Но вот никаких ожидаемых профессором *ощущений*, я так и не испытал.

– Право, ничего не понимаю. – Меклен Францевич в очередной раз вынырнул из транса, в котором он пребывал, наблюдая за моими потугами, и, сосредоточенно помассировав переносицу, пробормотал: – Очень и очень странно, Виталий Родионович. Ваши тонкие оболочки реагируют как положено, но любые попытки осознанного манипулирования

ими словно чем-то блокируются. Не понимаю. Может, продемонстрируете еще раз процесс ускорения?

– Меклен Францевич, мы уже пришли к выводу, что эта техника действует исключительно потому, что ускорение для меня это неосознанное действие, на уровне рефлексов. Я не могу его жестко контролировать, – проворчал я и, случайно взглянув в окно, хмыкнул: – К тому же боюсь, что время наших экспериментов подошло к концу. Если не ошибаюсь, мы подъезжаем к конечной точке нашего маршрута.

– Ох... как не вовремя. Да еще и обед пропустили! – вздохнул Грац, разводя руками. – Ладно. Давайте собираться, но учтите, молодой человек, так просто вы не отделаетесь. Сегодня же я телефонирую своему коллеге с философского факультета, и мы займемся вашими заблокированными способностями всерьез.

Я улыбнулся и поднял руки вверх, «сдаюсь», мол. Профессор с его просто-таки феноменальной тягой к решению всяческих загадок мне откровенно импонировал, и лишать его возможности поломать голову над моими гипотетическими заблокированными способностями мне не хотелось. Да и самому стало интересно, что из всего этого может получиться, чего уж тут скрывать?

– Вот и договорились. А сейчас я пойду собираться, а вы, Виталий Родионович, как приведете себя в порядок, зайдите в мое купе, сделайте одолжение. А то знаете, я хоть и люблю путешествовать налегке, но Свенельд собрал такую посылку

в университет из своих находок, что одному, боюсь, мне с ней не совладать.

Нищему собраться – только подпоясаться... Или как-то так. М-да. А ведь здесь я, действительно, нищий, да еще и бомж в прямом смысле этого слова. Я глянул в зеркало и невольно усмехнулся. Ага. Хорош бомж! В «визитке», котелке и лаковых штиблетах. Да, еще пальто из шерсти, типа кашемира. Ох-ре-неть.

Столичный вокзал встретил нас шумом толпы, свистом перепускных клапанов многочисленных паровозов и поднимающимся к стеклянному куполу над перронами паром. Грохочут массивные тележки, управляемые рослыми усатыми носильщиками, тявкает маленькая наглая собачонка какой-то дородной дамы, дефилирующей по перрону с грацией гиппопотама, под ручку с не менее внушительным господином. Опа, а вот это интересно! Не успели мы с профессором выйти из вагона, как начались приключения. Я в этот момент как раз принимал из рук проводника в отутюженной форме и белоснежных перчатках тяжеленный чемодан Меклена Францевича и поэтому только краем глаза заметил какое-то движение рядом с профессором. Чемодан тут же был аккуратно водружен на коляску проходящего мимо носильщика, а рука дернулась в сторону ввинчивающегося в толпу субчика в кургузой клетчатой куртке невнятно-желтого цвета.

– Ай! Пусти! Чего вцепился?! – завизжал паренек, едва я ухватил его за химок. – Пусти, а не то...

– Не то что? – усмехнулся я, выуживая из кармана неудачливого воришки бумажник профессора. Начавшие скапливаться вокруг нас зеваки с любопытством пялились на неожиданное представление. А парень продолжал орать как резаный, требуя вернуть ему «его» бумажник. Тут же нарисовалась еще троица парней постарше. Протолкавшись сквозь толпу, один из них хмуро на меня взглянул и лениво процедил:

– Ты бы отпустил мальчика, дядя. Заодно и лопатничек ему вернул бы. А то нехорошо получается.

– Нехорошо? А это точно его лопатник? – ухмыльнулся я. Стоящий рядом со мной профессор вдруг расхохотался. Кажется, до Граца дошло, какую бяку сотворил им их подельник.

– Атож, недавно вместе покупали, – криво улыбнулся парень, демонстративно опуская взгляд. Проследив его направление, я заметил в сложенной «лодочкой» ладони прищипка тонкое лезвие. Пугает. Ну точно – идиот. Народу вокруг тьма, куда ж он лезет? Воришка этот еще дергается... да и зеваки. А вот хрен вам всем на рыло!

– Значит, говоришь, вместе покупали? – Я демонстративно раскрыл бумажник, демонстрируя бляху Особой канцелярии. – И в какой же лавке такие занятные украшения продают?

– Ё-е-о. – Шпана замерла. Зеваки загомонили, а воришка и вовсе обмяк, потеряв сознание. Хорошо еще не обмочился

со страху. Все, с этих можно писать картину: «Трое в шоке».

Уйти придуркам не удалось. Только придя в себя, субчики было рыпнулись бежать, но почти тут же уткнулись в белоснежный китель здорового как медведь мордоворота, с шикарными вислыми усами и неожиданно веселым блеском в глазах.

– Та-ак. Оп-пять, Си-ивый, барого-озишь! Я тебя-я предупрежда-ал, чтобы ты на вокза-але не появля-ялся? Во-от. – Полиционер (или как его тут местные величают?), говоривший с ярко выраженным прибалтийским акцентом, что меня несказанно насмешило, правой рукой перенял ухваченного мною воришку, одновременно левой сгребая троицу в охапку, благо длины грабок хватало. После чего коротко кивнул нам с профессором: – Прошу прости-ить, господа-а, за эт-то происше-ествие.

И величаво удалился, взрезая толпу, словно ледокол тонкий лед. Столица, блин.

Глава 3

Заполним метрики и всё...

Вот знал же, что так и будет. Но нет, поверил спецпрофессору на слово... Все-таки «особые канцелярии», наверное, одинаковы во всех мирах. Меня заперли. Нет, сначала все было так, как и говорил Грац: формальный допрос, анкеты...

После происшествия на вокзале Меклен Францевич, явно

о чем-то задумавшись, увлек меня к выходу, причем с такой скоростью, что носильщик со своей гроыхающей тележкой за нами еле поспевал. Выйдя из здания вокзала, мы оказались на небольшой площади, окруженной украшенными какими-то завитушками чугунными фонарными столбами. А за ними высились многочисленные каменные здания... от силы пяти этажей. Кстати, дома показались мне несколько необычными, может потому, что среди них не было ни одного здания в классическом стиле, с фронтонами и массивными колоннами, чего я подспудно ожидал? От разглядывания архитектуры Хольмграда меня отвлек раздавшийся над ухом свист. Вздвогнув, я взглянул на невозмутимого профессора, только что издавшего этот оглушительный звук. А тот, не обратив на мой ошалелый вид ровным счетом никакого внимания, снова по-разбойничьи свистнул. Почти тут же рядом с нами остановилась запряженная норовистой лошадью лакированная открытая коляска под управлением молодого парня в длиннополой куртке и с форсом заломленной шапке с меховой опушкой. «Лихач» – всплыло в памяти почти забытое определение. Паренек шустро помог носильщику закрепить багаж профессора и, забравшись на козлы, улыбнулся.

– Куда едем, господа хорошие? – вздернулись редкие, по молодости, пшеничные усы «лихача».

– На Неревский, к детинцу, – бросил ему Грац, усаживаясь на сиденье. Я последовал за ним.

Копыта лошади звонко ударили о мостовую, и мы поеха-

ли. Диван, затянутый черной скрипящей кожей, оказался на удивление удобным, да и коляска была подрессорена, так что мне не пришлось охать на дробь брусчатой мостовой. Она, в смысле брусчатка, попросту не ощущалась.

Пока ехали по городу, я не устал рассматривать проплывающие мимо пейзажи. Судя по тому адресу, что дал «водителю кобылы» профессор, скорее всего, мы в Новгороде. Да и название Хольмград, точнее Хольмгард, у меня ассоциируется именно с ним, вот только этот город оказался совсем не похож на знакомый мне провинциальный Новгород. Лучше он или хуже, не знаю, не мне судить. Вот интересней, это точно. Пока ехали, я чуть шею не свернул от постоянных вращений головой. Одни только дома странной, но кажущейся знакомой архитектуры чего стоят! Утопающие в золоте и багрянце увядающей листвы многочисленных деревьев каменные особняки с высокими окнами и резными наличниками, арками и шатровыми крышами, какими-то башенками и крытыми галереями прячутся за ажурными оградками. Весь город словно застроили по мотивам Третьяковки и Сергиевой Лавры. Причем влияние последней как-то заметнее, поскольку большинство зданий, особенно первые их этажи, белокаменные, строгие, как крепостные стены и храмы старинного монастыря. Кстати, церкви есть и здесь. По крайней мере, я несколько раз замечал отблески золотых куполов по дороге к детинцу. В общем, есть на что посмотреть. Про немногочисленных пешеходов вообще молчу. Хватало

среди них и франтов, одетых вроде меня с профессором, и явных работяг в одежде, подобной той, в которой щеголял наш «водитель кобылы»... вот женщин на улицах было откровенно мало. Редко-редко когда промелькнет пышная юбка какой-нибудь кокетки или скользнет в переулочек, с неожиданной грацией, монументальная фигура мамыши в цветастом платке, загоняющей домой своих резвых и громкоголосых детей. Но как бы все эти люди ни выглядели, их объединяло одно – неторопливость. Создавалось впечатление, что они не идут по своим, наверняка весьма важным и срочным делам, а прогуливаются для собственного удовольствия, в полном соответствии с заветами доктора Лодера. Хотя нет, было исключение. Дети. По какой бы улице мы ни ехали, разве что за исключением самых широких проспектов, повсюду нас преследовал гомон и крики ребятни. И плевать им было на степенность и приличия. Они вопили, носились, дрались на деревянных мечях, сражаясь за внимание задирающих нос девчонок, и думать не хотели о том, что когда-нибудь станут, так же как и их родители, чинно вышагивать по улицам, в заботах о каких-то пусть и, несомненно, важных, но таких скучных делах...

Лихач высадил нас у неприметного, на фоне соседей, двухэтажного особняка, и профессор тут же припряг отирающегося у входа в дом дворника в длинном фартуке сгружать неподъемный багаж. Как я понял, в этом здании и находится Хольмский университет, что подтвердила и мед-

ная, натертая до блеска табличка, прикрепленная у тяжелых двойных дверей, под чугунным навесом. Шрифт, правда, поначалу показался не очень удобным, зато грамматика приятно удивила отсутствием всяческих «ятей» и «ерей». Довелось мне как-то проваляться в госпитале с месяц, так непонятно как оказавшуюся в нашей палате доисторическую, в смысле материализма, газету я еле смог прочесть. О том, чтобы попытаться писать по правилам того времени, вообще молчу... По крайней мере, я так и не смог понять, в каких случаях ставится тот же «ять», а в каких привычное «е». Так что моя радость вполне ясна. Вот только на сегодня хорошие новости для меня и закончились.

Вернувшийся из стен университета налегке профессор довольно потер ладони и приказал лихачу править на набережную Словенского конца. На Торговую сторону мы перебрались по высокому и широкому мосту с набережной все того же Неревского. Там миновали Плотню, переехали по деревянному мосту, с забавной двускатной крышей, Старый ручей (странным, а в Новгороде от него вообще только слово «ручей» осталось, и то в названии улицы, которая, по-моему, на его месте и находится) и оказались на Словенской набережной. До этого момента весело что-то насвистывавший «таксист» как-то притих, а высадив нас у здания, обнесенного высокой решетчатой оградой, четко напротив детинца, сердито насупившегося деревянными навесами боевых галерей, на другой стороне Волхова, лихач хмуро принял у про-

фессора монету и, с силой хлестнув лошадь, заржавшую от боли, исчез во мгновение ока. Прочитав надпись на очередной табличке у ворот, находящихся под охраной двух скупающих амбалов в темно-синей форме, я понимающе хмыкнул. В Москве вон тоже до сих пор не находится желающих парковаться у парадного фасада еще недавно самого высокого здания в стране.

Особая канцелярия встретила нас почти гробовой тишиной и одиноким синемундирником у мраморной лестницы, занявшей добрую половину просторного, ярко освещенного огромной люстрой вестибюля. Не поднимаясь по лестнице, Грац свернул в какой-то коридор и, проводив меня в скудно обставленный, обшарпанный кабинет, слинял. Оставшись в одиночестве, я принялся осматривать помещение. Ну что сказать, обычная казенка небогатой госконторы, чье начальство не считает необходимым создавать для сотрудников комфорт на рабочем месте. Старая, разохшаяся мебель с сильно потертой, выцветшей обивкой, крашенные в какой-то невнятный, то ли светло-коричневый, то ли темно-желтый цвет, стены, внушающие уважение своей толщиной, если судить по маленькому пыльному окошку. И всю эту «роскошь» освещает одинокий матово-белый плафон под высоким потолком. В общем, грустное такое местечко.

Вернулся профессор только через полчаса в сопровождении некоего сублильного господина с тросточкой, в похоронно-черном штатском костюме, с незапоминающимся, за-

уряднейшим, гладко выбритым лицом и глазами профессиональной ищейки. Уж тут я не мог ошибиться. Сколько раз с его собратями в «той жизни» сталкивался, да и сам временами почти тем же самым занимался, пусть на частной, так сказать, основе, но конкурировал и, между прочим, вполне успешно. Ну до последнего дела с сатанистами, м-да. Так что рыбак рыбака, как говорится...

Сей господин, не теряя время на расшаркивания, подпихнул мне очередную пилюлю-говоруна и устроил форменный допрос. Учитывая, что даже задавая вопросы, у сыщика был какой-то стеклянный взгляд и присутствовала некоторая заторможенность в движениях, не удивлюсь, если проверял он меня не только «говоруном», но и какими-то их «особоканцелярскими» страшноментальными техниками. Ничего нового я, правда, рассказать не смог. Да мой допросчик и не настаивал. Выслушал, кивнул, вытащил из папки пару листов с какой-то анкетой и карандаш, приказал ее заполнить и удалился, оставив меня наедине с профессором.

А вот Грац повел себя несколько странно. Заволновался что-то Меклен Францевич, по кабинету забежал... Ну-ну. Поиграем. Понятно, что какую-то гадость ляпнет, но не тянуть же его за язык. Нет уж, пусть сам доходит, глядишь, выболтает чего лишнего! Нарочито медленно просматривая оставленные мне сыщиком бумаги, несколько раз возвращаясь к началу текста, я краем глаза не переставал следить за все больше и больше нервничающим профессором. Все. До-

зрел! Я оторвался от чтения и с любопытством уставился на своего вконец расстроившегося визави. Тот, почувствовав на себе мой взгляд, вдруг остановился и, резко развернувшись, заговорил.

– Виталий Родионович, вы уж простите меня. Но, кажется, с обещанной вам свободой, по получении документов, придется повременить... – Как обухом по голове врезал. Ну в принципе чего-то подобного я если не ожидал, то опасался. Но все же подставил меня профессор конкретно... да и сам хорош, принял же тогда от незнакомого человека таблеточку... дилетант.

– Вот как? – Я постарался сохранить спокойную мимику и голос. Не дай бог, сорвусь.

– Да... Видите ли... Все было бы так, как я вам и говорил в поезде, но вот один момент... Вы же понимаете, я обязан был доложить обо всем без утайки, да и не получилось бы у меня что-то скрыть от здешних мозголомо... В общем, это из-за блокировки способностей. Едва исследовательское отделение узнало о ее наличии, они на уши встали!

– То есть я все-таки оказался тем самым пятиногим чудищем, – горько заключил я. Лучше бы эти уроды просто посчитали меня шпионом. Был бы какой-то шанс выжить! Но исследователи... Ох. – И что теперь? Меня запрут в клетке или сразу препарируют, чтобы изучить эту самую блокировку?

– Нет-нет, что вы, Виталий Родионович! Никаких клеток! – вскинулся Грац и затараторил: – На те два месяца,

что отведены для обследования, вам предоставят квартиру в одном из флигелей этого особняка, с прислугой и очень приличным поваром. Никаких вскрытий, вообще никакой хирургии и вмешательства в работу вашего организма. Они будут только наблюдать вас. Ну может, попросят пройти несколько тестов, позанимаетесь медитацией... Меня клятвенно заверили, что никакой опасности для вашей жизни и здоровья эти исследования не представляют. К тому же, думаю, вам и самому будет не лишним избавиться от этой блокировки. А специалистов лучше, чем работающие здесь, я не знаю.

– Думаете, оно мне так нужно? – Я скептически хмыкнул, стараясь не заскрежетать зубами от злости. – Жил же я до сих пор без этих ваших паранормальных способностей и дальше проживу.

– Это там, у вас, такие способности считаются ненормальными, а здесь не уметь пользоваться ими это все равно, что быть слепым и глухим. Хотите обречь себя на жалкое существование калеки? Вы ведь даже на работу не сможете устроиться без минимальных навыков в манипуляциях! – ответил профессор, начиная горячиться. Судя по поведению, он и сам не очень-то верит тому, что говорит. А это плохо. Очень плохо.

– Знаете, уважаемый, – от такого обращения Грац дернулся, как от пощечины, – кажется, я поторопился, отказавшись от хольмганга.

Профессор сник и пожал плечами. В нем словно бы что-то перегорело.

– Виталий Родионович, мне действительно жаль, что так получилось. Если бы не эта блокировка, все ваше общение с Особой канцелярией действительно свелось бы к выправлению документов... А теперь... но это же всего на два месяца, поймите. А потом вы вольны будете распоряжаться собой, как пожелаете.

Последнюю часть Грац почти прошептал.

– Вы же не думаете, что я вот так, запросто вам поверю, Грац? Ну и правильно делаете. В общем так. Как я понимаю, рыпаться бесполезно. У входа в кабинет наверняка стоят дюжие молодцы с однозначным приказом на случай моего агрессивного поведения, – проговорил я, чувствуя, как в груди заворочался зверь. Здравствуй, родной, давно не виделся. Если дело дойдет до стычки, он вырвется на волю, и амба. Живых не останется. Проверено. Глубоко вдохнув и с некоторым трудом успокоив учащающийся пульс, я глянул на притулившегося у окна адъютанта и договорил: – Поэтому я подчиняюсь... Но учтите, профессор, если я пойму, что в результате этих исследований мне не выжить, клянусь, сбегу. Тогда можете не рассчитывать на хольмганг и прочие благородные игры. Я просто приду и перережу вам глотку. За обман.

– Виталий Родионович, это только на два месяца, после которых вы будете свободны как птица. – Грац глянул на ме-

ня обреченно. Ну да, они же здесь все сенсы, в той или иной мере. Понял, что я не вру. – Я понимаю ваше недоверие. Не могу не понять. Но обещаю: по прошествии этого времени я приду сюда и снова принесу вам свои извинения. А как на них ответить, решите сами. Можете и зарезать, не сходя с места. А сейчас, прошу извинить, мне пора.

Дойдя до порога, профессор вдруг обернулся, замерев на мгновение, коротко кивнул и вышел вон. А я остался сидеть за старым столом и бездумно пялиться на лежащие передо мной листы анкеты. Попили, блин, пивка!

Прошло минут сорок, прежде чем я понял, что полностью успокоился и пришел в себя. Тяжело вздохнув, я взялся за заполнение пустых граф на выполненных типографским способом бланках, орудия любезно предоставленным мне простым карандашом с золотистым клеймом «Бове». На душе было пусто и гадко.

Заполнив документы, я подошел к двери и несколько раз саданул по ней кулаком. Почти тут же она отворилась. В образовавшуюся щель сунулся молодец с откровенно рязанской мордой, прилагавшейся к богатырской туше, в уже знакомом темно-синем мундире, снабженном надраенными до блеска пуговицами, в два ряда, а-ля свиноматка. Вот ведь край непуганых идиотов! Не связанный, с карандашом в руке, я мог бы уработать этого бугая на счет «раз». А учитывая болтающуюся у него на поясе кобуру, еще как минимум двумя-тремя вакансиями сотрудников в Особой канцелярии

стало бы больше. М-да, если они здесь все такие же наивные, как мой охранник, то у меня есть неплохие шансы свалить... Вот только куда? В леса? За границу?

Пока в моей голове бешеным экспрессом мчались эти мысли, охранник ввалился в комнату и вопросительно уставился на меня.

– Чего звали? – пробухтел он. О как! На «вы» обращается, ну надо же. Да уж, здесь вам не тут. Монархия все же, а не диктатура пролетариата с его «тыканьем» и «чоканьем». Вежливы-ые-е, куда деваться!

– Передай начальству: бумаги заполнены, – вздохнул я. Нет, «заграница» не вариант. Оценивая местные реалии... Три раза ха-ха, уж какие точные я выдам оценки, имея в исходниках только обрывки общей инфы, свои заключения на основании той малости, что довелось увидеть за эту пару дней и работая исключительно на косвенных... Тем не менее, учитывая известные мне факты, стоит думать, что с пограничным контролем тут все должно быть четко.

– Угум. – Мордоворот шагнул за дверь, и та глухо хлопнула, закрываясь.

Леса? Хм. В свое время нас неплохо учили там выживать... но выживать и жить – это, как говорят в Одессе, две большие разницы. Да и где гарантия, что меня там не найдут? Хрен знает, на что способны эти их «философы». Пошаманят, и я, небось, к ним сам на задних лапках выйду. Э-э, нет. Отставить. Такие мысли в моем положении хуже смер-

ти...

Мои грустные думы прервало появление очередной особоканцелярской крысы, причем не одной, а сразу двух! Первым в кабинет шагнул импозантный дядька солидного возраста, с густыми, завивающимися колечками, ухоженными усами, в таком же, похоронного вида, костюме, как у давешнего «сыщика», вот только качеством явно повыше и с кучей висюлек на брюхе, часть которых перекрывала широкая синяя лента, перекинутая через плечо визитера и закрепленная у него на бедре какой-то разлапистой брошью орденского вида. Ну прямо царедворец на приеме у императора! Второй же посетитель был куда как проще... и домашней, что ли? Невысокого росточка, кругленький, отсвечивающий лысиной в обрамлении венчика седых волос, обладатель потрясающего по своей величине шнобеля, в не по погоде теплом сюртуке, одним своим видом настраивал на миролюбивый лад... Если бы не глаза. Вся кажущаяся «домашность» слетела шелухой, едва я рассмотрел его zenки. Фанатик, причем самый страшный из них, то есть фанатик от науки.

– Виталий Родионович, если не ошибаюсь? – Глубокий баритон «царедворца» на мгновение опередил уже открывшего рот «фанатика». – Мне доложили о вашем случае, вот пришел полюбопытствовать. Позвольте представиться, князь Телепнев, Владимир Стоянович, глава Особой канцелярии, а это начальник исследовательского отделения нашего ведомства, советник Сакулов, Боримир Вентович.

– Рад знакомству, господа, – поднявшись, кивнул я и повел рукой в сторону свободных стульев, стоящих у стола. Пробный камень. Проверка на вшивость. – Прошу, присаживайтесь. Чем могу вам помочь?

К моему сожалению, «царедворец» сохранил каменную физиономию и, ничем не выдав своего отношения к наглости гостя, уселся на один из стульев. «Фанатику» же мелочи этикета, кажется, и вовсе были до фени. Он, кинув нетерпеливый взгляд на своего начальника, разместился на соседнем стуле, чуть поерзал, устраиваясь поудобнее и начал сверлить меня горящим взором. Что я, девушка его мечты, что ли?

– Думаю, профессор Грац рассказал о наших планах в отношении вас, Виталий Родионович? – помолчав, спросил князь... Скорее, даже осведомился. Вот блин, белая кость, голубая кровь, чтоб его!

– Исключительно в общих чертах, Владимир Стоянович. – Я качнул головой, подстраиваясь под манеру речи собеседника. Только бы не переиграть, иначе это будет похоже на обезьяньи ужимки и передразнивания. – Хотелось бы знать, какие выгоды эти планы принесут мне, лично?

– О какой личной выгоде вы говорите! – вдруг срывающимся фальцетом затараторил Сакулов. – Это же нелепо! Такой шанс, такая возможность узнать что-то новое о возможностях человека и такая меркантильность! Это, в конце концов, непатриотично! Владимир Стоянович, я настаиваю, чтобы этот феномен передали в мое распоряжение. Мы про-

сто обязаны воспользоваться таким уникальным случаем...

— А не желаете ли для начала испросить у меня согласия, господин Сакулов? — Я перебил фанатика и теперь с удовольствием наблюдал, как беззвучно открывается и закрывается его рот.

— Согласие?! — наконец взвизгнул он. И куда только подевался мирный домашний дядечка? — Забываетесь, молодой человек! Вы даже не подданный нашего государя! Да что там подданный, вы вообще не отсюда!

Заведенный Сакулов вскочил и, не обращая никакого внимания на нахмурившегося начальника, принялся буравить меня взглядом. Пальцы рук его запорхали в воздухе, выписывая какие-то фигуры, а я... Это было похоже на сон. словно наблюдаешь за своими действиями со стороны. То есть ты это ты, но окружающее воспринимается так, словно ты — сознание, руководишь тобой-телом, находясь вне его. Вроде как на радиоуправлении. Дурацкое ощущение. Хорошо еще оно не длилось и мгновения. В следующую секунду я ощутил себя собой, как ни странно это звучит, и облегченно вздохнул. Гадать, что случилось, бесполезно, а кто сотворил со мной эту гадость, бессмысленно. Вон он, красавец, стоит в метре от меня, лапками шевелит. Фанатик он и есть фанатик. Вперед к цели, а трупы потом посчитаем. Ненавижу таких.

Подшаг, пробивающий в грудь, и вытаращивший от боли и нехватки воздуха глаза Сакулов отправляется в короткий полет к стене.

– Хм. Я всегда говорил, что Боримир подчас излишне поспешен в своих действиях, – задумчиво протянул князь, даже не дернувшийся, когда мимо него просвистел этот своеобразный снаряд. Глава канцелярии как ни в чем не бывало поднялся со стула, подошел к двери и, приоткрыв ее, бросил в пространство: – Эй, кто там! Советнику дурно, выведите господина Сакулова на свежий воздух.

Дождавшись, пока стадо лосей в синих мундирах, уберет мусор в кабинете и исчезнет с глаз, князь смерил меня изучающим взглядом и вдруг весело улыбнулся.

– Ну что же, Виталий Родионович, давайте поговорим об условиях нашего сотрудничества?

Глава 4

Условия сотрудничества и их отражение в быту...

Сказать, что князь Телепнев меня удивил, значит ничего не сказать. Он еще и уважать себя заставил, в прямом смысле, а не в том, что подразумевал поэт. Хитрец каких мало, этот князь. А уж когда мы начали торговаться... Думаю, это было забавное зрелище. Обе стороны понимают, что деваться им некуда, но при этом вежливо улыбаются и даже кое в чем уступают друг другу. Результатом наших двухчасовых переговоров стало соглашение о совместной работе над проектом «Лед». Именно так. По настоянию самого главы Осо-

бой канцелярии был приглашен стряпчий, который, чуть не падая в обморок от вида своего клиента (князя Телепнева, я имею в виду), заверил составленный нами документ, с красующимися под ним подписями и отпечатками больших пальцев, как моего, так и князя, после чего подписал обязательство о неразглашении полученной информации и был провожен на свежий воздух, с огромной фиолетовой ассигнацией в бумажнике и оригиналом соглашения в саквояже. Суть проекта в документе не приводилась, формулировки были очень обтекаемы, а вот обязанности сторон, наоборот, изложены скрупулезно. И в их числе значились как мое обязательство по работе в проекте, в качестве испытателя (лабораторной крысы, проще говоря), так и жалование, которое Особая канцелярия обязалась мне выплачивать. Приятно... Если мне еще доведется это жалование прогулять, будет вообще замечательно. Впрочем, больше вознаграждения меня удивило присутствие стряпчего, конечно.

– Я-то думал, вы меня вообще засекретите, князь, – говорил я, едва за стряпчим закрылась дверь. – А тут какой-то посторонний крючкотвор... Он ведь настоящий, а не подсадной? Уж больно натурально норовил в обморок упасть.

– Естественно, настоящий. И даже не прикормленный, между прочим. А что касается «засекречивания», то я не вижу сколько-нибудь стоящего повода, для таких действий, – пожал плечами Телепнев. – Если через два месяца вы поки-

нете стены нашего учреждения? И «тайна» будет невозбранно гулять по территории государства... Исходя из вашей логики, я должен был бы по окончании исследований прикопать ваше тело где-нибудь под пятым кустом жимолости в северной стороне парка, при канцелярии.

– Почему именно под пятым кустом? Предыдущие четыре уже заняты? – фыркнул я, хотя холодок по сердцу пробежал, как же без него?

– У нас и парка-то нет, не то что каких-то кустов, – вздохнул князь и доверительно сообщил: – Уж не один год у наместника государя добиваюсь пустырь за зданием прирезать, да все без толку. Нет необходимости, говорит.

– Положительно, Владимир Стоянович, вы, кажется, всерьез стараетесь меня убедить в том, что я останусь жив по окончании проекта.

– Хм. Знаете, мне передали суть вашего разговора с милейшим Мекленом Францевичем, и я, по чести, не вижу иного способа добиться от вас эффективной работы, кроме как предоставить реальные гарантии вашей будущей свободы. Виталий Родионович, скажите, а вы действительно считаете, что могли бы сбежать отсюда, если бы... ну вы поняли, что я имею в виду, – внезапно перевел тему князь.

– Не знаю, – честно ответил я, – но в случае чего попытаюсь, точно.

– Не доверяете. Все-таки не доверяете, – покачал головой Телепнев.

– А вы бы на моем месте поверили? – усмехнулся я.

– Кто знает, Виталий Родионович, кто знает, – развел руками мой визави и, вздохнув, предложил: – Давайте оставим тему доверия, на время по крайней мере. В конце концов сами убедитесь, что никто не собирается вас расчленять и закупоривать в банки с формалином. А сейчас я бы хотел узнать... В ситуации с советником Сакуловым вы продемонстрировали владение кулачным боем совершенно неизвестного мне вида. А я, знаете ли, по долгу службы, неплохо разбираюсь в подобных вещах. Невелик мастер, конечно, но...

– О чем вы, Владимир Стоянович?

– Оставьте, Виталий Родионович. Если вы сейчас попытаетесь меня убедить в том, что это была случайность, я обижусь, право слово. Реакция на неизвестную угрозу, скорость, точность и четкость исполнения... все говорит о том, что это была боевая техника, а не удача.

– Допустим. – Я согласно кивнул. Ну князь, ну жучара. Замостырил проверочку. С другой стороны, не мог же я просто сидеть и ждать, пока этот хренов фанатик меня заменталит по самое «не балуйся»?

– Вот в связи с этим у меня вопрос. – Телепнев выдержал паузу и внезапно открыто и дружелюбно улыбнулся. – Не составите мне компанию в спортивном зале? Пару схваток, не больше?

– Отчего же. Буду рад, – протянул я, в очередной раз пребывая в состоянии легкого ступора от общения с этим чело-

веком. Уследить за ходом его мыслей, как оказалось, весьма нетривиальная задача. И есть подозрение, что это очередная «прокачка». По крайней мере, дезориентирует такой стиль общения будьте нате. Блин, я так параноиком стану.

— Замечательно. — Князь довольно потер руки и поднялся с кресла. — В таком случае жду вас завтра в восемь утра. Спросите кого-нибудь из obsługi, и вас проводят в зал. А сейчас прощаюсь. Близится время доклада у государя. Вам же желаю приятного дня... — Телепнев шагнул к двери, но уже на пороге обернулся. — Да, чуть не забыл. Все необходимое найдете в выделенной вам квартире. Костюмы, правда, только из магазина готового платья, но на первое время сойдет. Если пожелаете, мой портной к вашим услугам... Что-то еще. А, да! Повар пока не прибыл, так что если пожелаете пообедать в городе, можете обратиться к дежурному, он велит заложить экипаж. Вот теперь точно все. До завтра, Виталий Родионович.

Глава Особой канцелярии вышел, оставив меня все в том же ступоре. Это не человек, а шкатулка с сюрпризами... китаянка. Говорю же, за этими его прыжками с темы на тему хрен поспеешь. А когда догонишь, охренеешь. Все, амба. Довел. Я уже рифмами заговорил... В очередной раз вздохнув, я хотел было уже выглянуть в коридор, чтобы поинтересоваться насчет местонахождения моего временного обиталища, где я «найду все необходимое», но тут дверь снова отворилась, едва не врезав мне по носу, и на пороге нарисо-

вался уже знакомый мне детина в синем мундире.

– Ваше благородие, их сиятельство велели сопроводить вас до флигеля, – прогудел он.

– Угу, а «до ветру» он меня провожать не велел? – буркнул я себе под нос, шагая следом за своим проводником. Впрочем, это был риторический вопрос. Сопровождать меня теперь будут минимум два месяца, а потом... А вот над тем, что меня ждет «потом», я подумаю чуть позже, когда уляжется сумбур в голове от общения с «их сиятельством». Вот, кстати, а с какой стати синемундирник обозвал меня благородием? Если мне не изменяет память, такое обращение было обязательно только в отношении младших офицеров. На моей родине, по крайней мере. Может, здесь иначе? Надо прояснить вопрос, а то окажется еще, что мне, без моего же ведома, погоны пришили. Вот весело будет. Нет-нет. Все потом. Я не Скарлетт О'Хара, но сейчас ее слова близки мне как никогда. Блин, да что же это такое... Никогда за мной тяги к стихосложению не было. Даже в юности. Точно. Это все князь. Запудрил мозги, сволочь великосветская... Все, дойду до берлоги и отдыхать.

Обещанный флигель оказался небольшим двухэтажным строением, с окнами, выходящими на упомянутый Тепловым пустырь, соединенным с основным зданием крытым переходом на уровне второго этажа. Именно этим путем и вел меня синемундирный растяпа. Открыв дверь во флигель, служака вручил мне ключи и, развернувшись через левое

плечо, усвистал по своим «особым» делам. А я, оставшись в одиночестве, полез исследовать мое новое временное жилье. Перешагнув порог, я оказался в огромной прихожей... или небольшом холле, это как посмотреть. Довольно светлое помещение с высоким окном и минимумом добротной мебели, представленной большим ростовым зеркалом в тяжелой деревянной раме с пристроенной консолью и массивным шкафом, меня мало заинтересовало. Тем более что шкаф оказался удручающе пуст. Посему, недолго думая, я решительно направился к высоким двойным дверям в противоположной от входа стене. Нажав на послушно пошедшие вниз латунные ручки в виде львиных лап, я распахнул створки. А нехило обставляют служебные квартиры местные особоканцеляристы! Моему взору предстала квадратная комната, метров этак сорока. Стены слева и справа скрыты за книжными полками темного дуба, лишь осталась пара ниш, в непонятно пока куда ведущие двери, а оставшиеся стены прикрыты резными дубовыми панелями в тон. В стене, напротив входа, у которого я остановился, два узких и высоких стрельчатых окна за тяжелыми портьерами, такие же как в холле, а между ними ощерился зевом камин. Абсолютно нефункциональная вещь. Очевидно, его здесь отгрохали просто для форсу. А вот ковер на выложенном фигурной плиткой, а потому наверняка холодном полу, это хорошо. Это правильно. Только я убил бы идиота, что занимался обстановкой этой библиотеки. На это витиевато украшенное убожество (камин)

он денег не пожалел, а на нормальный хороший ковер жаба задушила. Да в поезде ковер был в сотню раз лучше! Я уж молчу про то, что в нормальной библиотеке делать камин это все равно, что уничтожить ее собственными руками. «Дровожорка» просто не сможет обеспечить необходимый ровный температурный режим для хранения книг! Тьфу. Понтышки.

Посокрушавшись на тему безалаберности местного ХОЗУ, я тяжело вздохнул и продолжил знакомство с домом. Обогнув раскорячившиеся посреди комнаты здоровенные кресла в компании с журнальным столиком, я двинулся к правой стене. За утопленной в нише дверью оказалась сравнительно небольшая спальня. Светлые обои, темное дерево, дверь в ванную, в общем, ничего необычного. Если не считать небольшой конторки, место которой, на мой взгляд, было в библиотеке. Бегло осмотрев комнату, я решил оставить ее детальное исследование «на сладкое» и вышел обратно в библиотеку. Подумав, запер дверь на ключ и направился к противоположной стене. А вот здесь уже интересней. За дверью оказалась лестница на первый этаж и ниже. Ну-ну. Полюбопытствуем.

М-да. Судя по всему, здесь располагаются, если можно так выразиться, технические помещения. Кухня с огромной, явно не дровяной плитой, гордо возвышающейся посреди немаленького помещения, что-то вроде прачечной, скромная ванная и еще какая-то комната. Запертая. Надо полагать,

спальня obsługi. Что интересно, домик оказался лишен собственного выхода на улицу, а единственное небольшое окно на первом этаже я увидел только на кухне, да и то выходит во двор. То есть попасть во флигель можно только со второго этажа основного здания, через галерею. Правда, лестница, приведшая меня на первый этаж, имеет еще один пролет, ведущий, очевидно, в подвал, но расположенная на нижней площадке дверь заперта, и ключей от нее, как и от комнаты прислуги, у меня не имеется, так что определить, что за ней находится, не получится. Может, там есть и еще один вход во флигель... подземный, но точно сказать невозможно. Ну и ладно. Запишем пока в неизвестное.

Я поднялся на «свой» этаж и решительно направился в спальню, на ходу обещая себе познакомиться с библиотекой попозже, а пока надо посмотреть, что именно Телепнев счел «всем необходимым».

Стоило мне коснуться крышки конторки, как та мелодично звякнула и откинулась (магия или электричество?), открыв моему взгляду лежащий на рабочей поверхности кожаный бумажник и толстый неподписанный конверт коричневой бумаги с пятью засургученными печатями на обороте. Тут же лежала перьевая ручка уже знакомой марки «Бовэ» и стопка чистых листов писчей бумаги. Интересно, и что же нам пишут?

С некоторыми трудами вскрыв конверт (специальный нож для этого был обнаружен позже, в одном из ящиков контор-

ки), я высыпал его содержимое на стол конторки, и тут же мой взгляд зацепился за небольшую книжечку в лаковом переплете. Ничем иным, кроме как вариацией на тему паспорта, она просто не могла оказаться. Однако. Вот это скорость! И кстати, по поводу границы. Судя по качеству исполнения паспорта, с контролем здесь все в полном ажуре, думаю, что и с пограничными заставами и таможнями в таком случае дело обстоит не хуже. Я открыл первую страницу и уже ничуть не удивился, обнаружив на ней свою фотографию. Маленькую, черно-белую, но все же... Прогресс, однако. Да уж. Вот и стал ты, Виталий Родионович, подданным русского государя. Знать бы еще, как его зовут... а то ведь, кроме отчества, ничего и не знаю. Какой-то херовый я подданный получаюсь. Хм. Так. Отставить. Вернемся к бумагам. Их тут еще немало.

Два часа я потратил на осмотр всей той документации, что подсунули мне канцеляристы. За окном уже темнело, так что пришлось озаботиться поисками выключателя. К счастью, свечное освещение здесь не в ходу, электричество рулит. Закончив чтение бумаг, я откинулся на спинку полукресла и протяжно зевнул. Кроме паспорта и временного удостоверения сотрудника канцелярии, все остальное оказалось, по большей части, ненужной сейчас, хотя и интересной, «водой». За исключением, быть может, примерного списка цен на различные товары да еще пары таких же справочных бумаг типа краткого свода правил приличий. В остальном же...

ну скажите, для чего мне в ближайшее время может пригодиться, например, «уложение о службе письмоводителя», или «список оружия, разрешенного к владению частным лицам», а? Вот и я не знаю. Разве что местные жители не додумались до пипифакса? Так нет. Додумались. Совершенно точно знаю, так как своими глазами видел, м-м, да и не только видел. Тогда что это, очередная проверка от неугомонного «сиятельства» или чрезмерная деловая активность какого-нибудь «регистрассора» из его ведомства?

В этот момент мой желудок взрыкнул и я, впервые за весь этот долгий, выматывающий день, почувствовал голод. Поднявшись с кресла, я вышел из флигеля и, чуть ли не бегом пробежав по переходу, спустился в вестибюль. Синемундирный дежурный, стоило только предъявить «корочки», кивнул и, подняв увесистую трубку телефона, больше похожую на медный раструб душа, соединенный с изогнутой слуховой трубкой доктора, распорядился о коляске. После чего окинул меня изучающим взглядом, словно ротный – новобранца, на предмет соответствия формы одежды уставу.

– Вы забыли шляпу, ваше благородие, – нейтральным голосом вынес свой вердикт дежурный. Ну я же говорил! Точно мой ротный перед приездом очередной комиссии из «райской группы». Я мысленно чертыхнулся. Хрен с ней с формой и с благородием. Потом разберемся. Но я же знаю, что и до второй половины МОЕГО двадцатого века появление на людях без шляпы считалось дурным тоном. А уж тут-то... И

ведь только что читал о правилах приличий, а все из головы вылетело. Вот что голод с людьми делает!

Пришлось возвращаться во флигель за котелком. Ну а через десять минут я уже сидел в открытой черной коляске, запряженной парой гнедых и, мягко покачиваясь в такт их ходу, удалялся от здания канцелярии в сторону моста на Неревский конец. Поинтересовался у «шофера», бородатого дядьки в уже знакомой униформе извозчика, где можно хорошо перекусить, и нарвался на целую лекцию обо всем на свете и местоположении «самолучших рестораций в Холмограде» в частности. Возница оказался говорлив, как московские «бомбилы», при этом речь его была столь же туманна, но не из-за свойственного тем же «бомбилам» акцента, а вследствие украшения всяческими «оне, мабуть, тады» и прочими перлами. Я даже удивился. Если речь того же Граца или Телепнева хоть и была кое-где излишне модулирована, но вполне понятна и, можно сказать, литературна, то текст возницы я в лучшем случае понимал с пятого на десятое. При том, что говорил он на чистом русском... но каком! Чтобы не утонуть в потоке сознания «шофера», уже дошедшего до обсуждения цен на овес (аве, Ильф и Петров), я дернул его за рукав и, прервав повествование, потребовал дать полную раскладку по хольмоградскому общепиту. «Самолучшие ресторации» мне были в принципе не нужны, поскольку, как я понимаю, туда нужно наряжаться чуть ли не как в театр, а я так и не удосужился осмотреть предоставлен-

ный мне гардероб. Но и травиться помоями в каком-нибудь притоне тоже удовольствие небольшое. Посему мы с возницей сошлись на среднем по ценам заведении, возможно даже «немецкого манера» (интересно, это еще что за зверь?), как отличающемся большей демократичностью. В то, что денег на хороший ресторан у меня хватит, я ничуть не сомневался. В бумажнике, прихваченном с конторки, лежало несколько ассигнаций различного достоинства и пяток серебряных монет, номиналом в десять рублей каждая. Про медь вообще молчу. Насколько я понял из просмотренных бумаг, это была авансовая часть моего жалованья, весьма немаленького, надо сказать, особенно если судить по бегло просмотренному мною перечню цен на самые ходовые товары. Я что-то говорил об использовании содержимого конверта в качестве туалетной бумаги? Вам показалось. Но, учитывая этот факт, у меня появилось нехорошее предчувствие по поводу служебной инструкции письмоводителя. А если учесть временное удостоверение сотрудника канцелярии, то... Нет-нет. На фиг, на фиг. Сначала обед, потом размышления. Иначе мне кусок в горло не полезет, несмотря на голод. А еда – это святое!

Возница остановился у входа в небольшой дом.

– Все, ваше благородие, приехали, – прогудел он, махнув кнутом в сторону ярко освещенного подъезда. – «Летцбург», господами офицерами канцелярии частенько посещаем.

– Спасибо, Ратыша. – Я кивнул, выбираясь из коляски, и

бросил ему пятиалтынный. Глаза возницы весело блеснули, а рука неуловимым движением словила монету влет. Ну еще бы, хоть он и имеет вид обычного извозчика, а служит-то при канцелярии, конспирация-я! Ему эти поездки там же наверняка и оплачивают, а все, что он со своих клиентов поимеет, как легко догадаться, пойдет в карман ушлого извозчика.

– Благодарствую, барин. – Ратыша спрятал монету в карман. – Я вас туточки подожду, как велено.

– Ну велено так велено, – пожал я плечами. – Не заскучаешь?

– Да нет. Вон я и «Ведомости» припас. – Ратыша потрянул кипой листов красноватой бумаги. Охренеть. Картинка маслом! Извозчик, читающий газету в ожидании седока... Мда. Как-то не вяжется это с моими представлениями. С другой стороны, а что я знаю о девятнадцатом веке или, если уж на то пошло, об этом мире вообще? То-то.

Придя к такому выводу, я пожал плечами и вошел в ресторан. Тут же, в богатом холле, уставленном зеркалами и украшенном аляповатой, золоченой лепниной, ко мне подскочил молодой человек в черных брюках, длинном белом фартуке, накрахмаленной сорочке и шелковой жилетке. И это средний ресторан?! Половой принял у меня пальто, котелок и перчатки, после чего исчез за одной из портьер. Э-э, а номерок?! Ну да, как же. Не дождавшись возвращения паренька, я развернулся как раз в тот момент, когда из зала в холл вышел импозантный седой дядька в темно-бордовой

визитке и с цепочкой часов через все пузо.

– Добрый вечер. Приветствую вас в ресторане «Летцбург». Желаете отобедать? – Чуть высоковатым для его комплекции голосом произнес он.

– Да, желательно в уединении, – коротко кивнул я. Управляющий согласно наклонил голову и повел рукой в сторону зала.

– Прошу.

Зал оказался под стать холлу. Роскошь и блеск. Зеркала и золото. Выставленные напоказ шеренги бутылок на барной стойке, тянущейся на добрых два десятка метров вдоль одной из стен, множество посетителей. Небольшие компании одетых в почти одинаковые костюмы людей среднего возраста, может клерки? Шумные ватаги молодежи в явно студенческой форме и лихо подкручивающие усы такие же молодые офицеры, в мундирах с золотой канителью и позументами, с интересом поглядывающие в сторону присутствовавших в зале немногочисленных женщин. Стол, который предложил мне управляющий, подошел как нельзя лучше. Спрятанный в глубокой нише у окна, он надежно оградил меня от зала и посетителей и позволил спокойно поужинать. Сытый и довольный, я расплатился по смешному счету (три рубля ассигнациями, они же – полтора рубля серебром... ох, чую, намучаюсь я еще с этой калькуляцией). В общем, положив купюры на стол, я направился к выходу из зала. В холле все тот же половой шустро помог мне надеть пальто и предупре-

дительно распахнул входную дверь. Блин, я себя сейчас английской королевой чувствую!

Ратьша, «припарковавший» коляску в сотне метров от входа, восторженно, заметив, как я выхожу, и через минуту экипаж уже оказался передо мной. Эх... Теперь даже помирать не страшно. Не успел я улыбнуться этой глупой, сытой мысли, как мимо меня просквозила компания виденных мной в ресторане молодых офицеров, уже, что называется, подшофе. Весело гомоня, ребята дружно полезли в коляску, не забыв оттолкнуть меня в сторону. Вот ведь, а такое хорошее настроение было!

Ратьша, похоже, тоже немного опешил от наглости вояк, потому как застыл изваянием и даже не отреагировал на хлопок по плечу и требование компании везти их в «Загородский, на гулянья».

Ухватив идущего последним вояку за ворот, я восстановил равновесие. А вокруг повисла тишина.

– Могли бы быть и поаккуратнее, господа офицеры, – проговорил я.

– Ингвар, да двиньте этому шпаку по шее. Арина ждет! – прорезался голос у одного из вояк. Ну да... Удержанный мною за химок Ингвар попытался вывернуться, да кто ж ему позволит! Я треснул придурка по упомянутой его дружками части тела. Так, теперь можешь прилечь. А вот и они сами, разъяренные, пьяные, сопящие, полезли из коляски. Наконец-то пар спущу!

– Милостивый государь, вы... – забормотал первый выбравшийся из экипажа, пытаясь извлечь из ножен саблю... и получил прямой в челюсть. Сейчас! Так я и дам вам болтать, вы же про дуэль вопить начнете, а оно мне надо? На фиг эту муть. Посему считайте зубы, господа!

Глава 5

История, философия, естествознание...

«...Как ни печально мне, верному сыну церкви, сие, но следовало бы предположить, что будь предки наши лишены любопытства, этаго извечнаго погонщика и палача человеческого; в познании духовнаго мира, кое сей час прозывают естествознанием, а иные, на греческий манер, философией, заостенели бы наши пращуры в мыслях и духе и не миновала бы их чаша скорби, из коей до дна испили римляне и ромеи, сиречь византы, признавшие исключительность духовнаго познания за отцами церкви. Никоей мерой не хочу очернить святых отцов, в их великом и праведном труде, но...»

Я медленно отложил книгу и помотал головой, пытаясь вытряхнуть из нее цепляющиеся за извилины сложные речевые обороты двухсотлетней давности. Вот ни хрена ж себе, здесь баталии гремели меж светскими властями и церковными!

Я представил себе, что было бы с умником, который по-

пробовал бы написать нечто подобное «у нас», веке этак в семнадцатом, и нервно хмыкнул. Костер или плаха для еретика, и еще спасибо сказал бы, если обошлись без пыток. Ну да, а этот писатель спокойно дожил до старости, еще и два университета основал. Один в Велиграде, другой... в Картахене?! О-бал-деть! Это он что, от разъяренных священников туда чесанул?! Так, а умер где, на какой-нибудь вилле в окружении терпеливых и не очень наследников? Читаем послесловие к его запискам. Черта с два! Умер «синьор» Эрик Ярославич Хейердалл, будучи отцом Сергием, настоятелем Спасо-Преображенского Ставропигиального Валаамского мужского монастыря, и похоронен там же. С ума сойти...

– Что повергло вас в такое изумление, Виталий Родионович? – Возникший на пороге «моей» библиотеки, глава Особой канцелярии устало улыбнулся.

– Добрый вечер, Владимир Стоянович, – вздохнул я, поднимаясь с кресла (этикет, чтоб его). – Да вот знакомлюсь с историей своей новой родины. И чем дальше, тем больше жалею, что «там», у нас, нет этой вашей «философии». Насколько иным был бы мир...

– Полноте, Виталий Родионович. Иначе не значит лучше. Все равно остаются те же проблемы, войны и беды... Как бы ни развивалось человечество, каким бы путем оно ни шло, без ошибок не обойтись. А если оно перестанет их совершать, во что я, уж простите старого пессимиста, не верю...

Так вот, если человечество перестанет совершать ошибки, оно исчезнет. Да-да, дражайший Виталий Родионович, человечество просто перестанет быть. А то, что возникнет вместо него, не будет иметь ни к вам, ни ко мне, ни к любому другому нашему современнику решительно никакого отношения. Впрочем, оставим это. Разрешите присесть? – Ничего не имея против компании своего работодателя, я гостеприимно указал ему на соседнее кресло. Князь благодарно кивнул (можно подумать, он действительно считает себя у меня в гостях!) и продолжил разговор, уже сидя в кресле. – Знаете, я ведь заглянул к вам несколько по иному поводу. Уже собирался домой с доклада у государя, да в приемную телефонировал дежурный канцелярии и доложил о происшествии в «Летцбурге», вот я и решил заехать к вам по пути. Чем же вам так не понравились наши лихие военные?

– Наглостью, ваше сиятельство. – Я пожал плечами. – Терпеть не могу паркетных шаркунов, строящих из себя незнание что.

– Позвольте узнать, а с чего это вы решили, что они всего лишь, как вы выразились, «паркетные шаркуны»? – посерьезнел князь. Ну хмурься, хмурься, я то вижу, что никакого ходу ты делу не дашь... если оно, конечно, будет, дело это.

– Боевой офицер, даже будучи в легком подпитии, не запутается в собственной амуниции. А эти молокососы, – усмехнулся я, – всей кодлой не смогли справиться с одним-единственным сытым и расслабленным штатским.

– И все же, Виталий Родионович... Я вполне могу допустить, что вас, как бывшего офицера, покорило поведение этих моло... дых людей. Но челюсти-то зачем было ломать? – печально поинтересовался Телепнев.

– Чтобы на дуэль, то есть на хольмганг, вызвать не смогли. – честно ответил я. – Правила-то я пока не знаю, да и саблями-шпагами сражаться не приучен. А оно вам надо, лишиться «испытателя» на следующий день после подписания соглашения о сотрудничестве?

– А вы наглец, Виталий Родионович, – даже с каким-то восхищением протянул мой собеседник (впрочем, уверенно говорить об искренности князя я не стал бы). – Ну да ладно. С Ратьшей я поговорил, и он вину возлагает исключительно на ваших противников. Посему никаких претензий к вам у меня нет, но позвольте дать дельный совет. Непременно займитесь фехтованием. Кажется, это умение может вам пригодиться.

– Обязательно воспользуюсь этим советом, ваше сиятельство, – кивнул я, бросив быстрый взгляд на Телепнева. – Если найдется время. По возвращении дежурный передал мне расписание работ в исследовательском отделении...

– Вот как? Не думал, что они так скоро... Позвольте полюбопытствовать, Виталий Родионович? – вскинулся князь. Я передал ему листок бумаги, лежащий на журнальном столике. Телепнев вытащил из жилетного кармана пенсне, аккуратно протер стекла белоснежным платком и только после

этого воззрился на желтоватый лист, исписанный мелким и чрезвычайно витиеватым почерком, только на разбор которого у меня ушло с полчаса.

— Хм. Думаю, это они от горячности, — наконец выдал глава канцелярии, закончив чтение, и поднялся с кресла. — Я поговорю с советником Сакуловым о более вменяемом графике проведения работ. А сейчас отдыхайте. Завтра у вас будет тяжелый день, Виталий Родионович. Покойной ночи.

— И вам того же, Владимир Стоянович. — Я поднялся следом за князем и, проводив его до дверей, вернулся в библиотеку. Отдых — это, конечно, замечательно. Но не мешало бы прикинуть, что к чему. Хотя бы в самых общих чертах.

Итак, что мы имеем? Интерес спецслужб. С этим более или менее ясно. Больше всего им хочется понять принцип блокировки в моем многострадальном мозгу, судя по всему, вполне обычной для моего прошлого мира. Может, именно поэтому там не существует магии? Мы просто все заблокированы? Стоп, это отвлеченные размышления. Оставим. Идем дальше. Спецслужба отнеслась ко мне достаточно благожелательно... Не хотели применять силу? С чего бы, если это самый простой путь? Но есть одно «но». Тот же Тепленев говорил, что эффективной работа по исследованию «феномена» может быть только в случае моего сотрудничества. Нет. Не так. Вспоминай, Вит, вспоминай. «...Добиться эффективной работы, кроме как предоставив реальные гарантии вашей будущей свободы...» Хм. Обтекаемо. Гарантия

еще не есть сама свобода. С другой стороны, ему явно НУЖНО мое содействие. Почему? Нельзя как-то просканировать мозг и вытащить эту самую блокировку на свет без моей активной помощи? Или же я просто не должен сопротивляться? Вопрос остается открытым, пока я не увижу, как именно собираются действовать вивисекторы исследовательского отделения. А это значит, ожидание. Прикинем дальше. Дождался, и методы меня... м-м... скажем так, разочаровали. Бежать? Если будет возможность, несомненно. Но будет ли она? Бабушка надвое сказала. Опять возвращаемся к началу. Ожидание или побег? В первом случае я обращаю против себя всю государственную машину, а в записке не имею ничего. Минус. Второй вариант. Жду подходящей возможности, одновременно изучая все, что возможно, об этом мире. Уже лучше, но неоднозначно. Не факт, что, накопив необходимый минимум знаний, я физически смогу покинуть эти гостеприимные стены. Оставим.

Теперь попробуем рассмотреть вариант, при котором князь был со мной честен. Иначе говоря, после двух месяцев исследований я получаю свободу. Идеально, но мало похоже на правду. Скорее всего, даже если меня и выпустят отсюда, я все равно останусь под негласным надзором...

Вывод. Жду до первой ошибки. При намеке на летальный исход делаю ноги, пока не намазали лоб зеленкой. Принято.

Теперь по текущим вопросам. Первое. Уложение о службе письмоводителя. Если рассматривать в связке с общи-

ми выводами о надзоре, то это способ контроля. Организация некоей синекуры с постоянным, небольшим жалованием, эдакий своеобразный поводок, на первое время или на всю жизнь, это уже как получится. Мол, куда ж тебе горемыке податься-то, без образования и минимума необходимых для нормальной жизни в обществе знаний. Ну-ну. Посмотрим. Вариант второй. Если меня собираются ликвидировать по окончании исследований, то все предоставленные бумажки просто мусор для отвлечения внимания. Жестко, но возможно. Хм. Но пока буду рассматривать все эти «ништяки» в свете относительной честности и открытости господина Телепнева, то есть как имеющие некий смысл.

Статус служащего Особой канцелярии, с подробным описанием всех привилегий и пафосом о служении Отечеству. Хм. Насчет пафоса, конечно, да-а! Ну дети, самые настоящие дети. Послушали бы они наших корифеев-болтологов от политики, глядишь, и научились бы красивому очковитерательству, хе-хе. Хотя... лучше не надо.

Далее, список оружия, допущенного к владению частными лицами. С этим ясно. Интересно господам спецканцеляристам, какие стволы и железки я предпочту. Это мы и в центре проходили. Своеобразный психологический тест. Опять же намеки на службу в ведомстве Телепнева (список оружия для его архаровцев существенно расширен). Скрытая реклама. «Сам самыч» рулит «Ночным позором».

Свод правил приличий, ну это и дураку понятно. В ка-

кой руке держать вилку, а в какой бифштекс, должен знать каждый. А вот отсутствие дуэльного кодекса, сиречь правил хольмганга, наводит на размышления. То ли он не касается синемундирников, то ли решили оградить меня от подобных эксцессов и в связи с этим сочли подобную информацию излишней. Общий вывод: предоставленные для изучения, на первый взгляд разнообразные сведения в действительности крайне скудны, разрознены и переданы мне либо для того, чтобы запудрить мозги, либо чтобы исподволь создать определенную зависимость от Особой канцелярии. Если верно второе, хотя больно уж грубая работа, то с завтрашнего дня даже просто выезд в город станет для меня проблемой. При чем запрещать никто ничего не будет. У меня банально неостанет на это времени. Кстати, составленный Сакуловым график косвенно это подтверждает... Аналитик из меня, конечно, как из дерьма пуля, но, как говорится, за неимением гербовой пишут на простой. Ай, ладно. Не буду гадать. Посмотрю, что день грядущий мне готовит...

Утро началось с того, что ко мне в спальню постучались.

– Ваше благородие! – Приглушенный дверью голос звучал тихо, но отчетливо. – Ваше благородие, семь утра.

Вот черт! Убил бы этот будильник говорящий! Мне такой шикарный сон снился... – Я нехотя открыл глаза и так же нехотя начал выползать из-под одеяла. Чтобы в следующий момент стремительно забраться обратно! Очевидно, не дождавшись ответа от «благородия», дверь в спальню отвори-

лась, и на пороге возникло некое воздушное существо с подносом в руках, от которого я и спасся под одеялом. Почему? Хотя бы потому, что существо было женского полу, а спать я предпочитаю нагишом. Так что считайте, что я застеснялся. Миловидная служанка в глухом платье и накрахмаленном переднике сделала вид, что не увидела моего стремительного возвращения в кровать, поставила рядом со мной поднос с завтраком и молча удалилась. Однако. Стоп! А чей же голос я слышал, когда проснулся? Явно мужик орал. Хм. Может, он решил, что за такую побудку я в него сапогом запущу, и решил пустить на разведку девушку, понадеявшись на благородство «благородия»? А что, вполне может быть.

Я втянул носом аромат кофе и хрустящих, явно только что испеченных булочек, и понял, что голоден. Странно. В прошлой жизни по утрам я есть вообще не мог. Ну и черт с ним! Если уж начинать новую жизнь, то с чистого листа и смены привычек. От курева, что ли, отказаться? Вот дьявол, стоило только узнать, что курение для меня больше не яд, и половину удовольствия от него словно корова языком слизнула! Последний раз курил вчера в поезде (неужели это было только вчера?!), и даже уши не пухнут... Тьфу. Лезет же всякая муть в голову. Пора вставать.

Я быстро уничтожил легкий завтрак. Булочки с ледяным сливочным маслом были восхитительны, а в аромате кофе я чуть не утонул. После чего выбрался в очередной раз из-под одеяла и, не обнаружив на месте повешенный мною вче-

ра на специальную подставку костюм, поплелся к гардеробу. Ох... Кажется, господа особоканцеляристы несколько переоценили мои потребности в количестве одежды. Кое-как выбрав себе светлую визитку из тех одежд, что расположились под медной табличкой «утренний туалет», я потратил еще несколько минут на поиски чего-либо напоминающего спортивный костюм. Не нашел. Плюнул на это безнадежное дело и поперся в ванную приводить себя в порядок. Там я с недовольством покосился на опасную бритву и почти всерьез задумался о том, что борода, в сущности, не такой уж плохой вариант. Но, кое-как задушив в зародыше трепыхания своей ленивой натуры, все же пересилил себя и побрился, умудрившись ни разу не порезаться.

К моменту моей готовности к выходу в свет часы в спальне бодро оттренькали восемь утра. А ведь скоро мне нужно будет идти в спортзал. Вот только в чем я там буду работать? Ладно. На месте решим. В последний раз окинув свое отражение в ростовом зеркале придиричивым взглядом, я решительно распахнул дверь в библиотеку. Времени у меня немного, но на знакомство с обещанной и частично уже увиденной прислужгой должно хватить... Хотя, учитывая симпатичное личико служанки и ее фигуру, аппетитность которой оказалось не в силах скрыть и ее строгое платье, хотелось бы, чтобы времени было побольше... М-да. Придурком был, придурком и остался. Мне бы живым выбраться из этой передраги, а я...

Так, покончили с самокритикой. Вон и моя временная прислуга появилась. Представляться пришли. Двое. Давешняя служанка и здоровый парень в белоснежной куртке и классическом поварском колпаке. Эге, так вот кому я должен сказать спасибо за изумительные булочки!

Лада и Лейф. Брат и сестра. До вчерашнего времени работали «вторыми номерами», то есть Лада была помощницей экономки, а Лейф вторым поваром в поместье... Граца?! Это что, Меклен Францевич таким образом решил извиниться? Ладно, черт с ним. Главное, чтобы эти двое меня не траванили по-тихому, ха-ха.

Познакомившись с обслугой флигеля (ну коробит меня от слов: моя прислуга, коробит. «Совковое» воспитание, чтоб его...), я довольно быстро договорился с Лейфом о вечернем меню и слинял на поиски спортивного зала. Впрочем, это не было такой уж трудной задачей. Очередной дежурный в вестибюле вызвал своего сменщика, здорового мордоворота, как две капли воды похожего на моего вчерашнего охранника и конвоира, и тот, ежесекундно оборачиваясь, проводил меня в полуподвальное помещение, где и разместился здешний спортзал. Ну что я могу сказать... Это был не нескафе. Никаких матов, никакой тренировочной формы. Про спортивную обувь вообще молчу. Из инвентаря, кроме разнообразных гантелей да прадедушки штанги, только два каната и одна, набитая слежавшимся до каменного состояния песком груша. А, да! Еще целая стойка, забитая разнообразны-

ми тренировочными дырами. Шпаги звон, ну и тэдэ. Я тяжело вздохнул и нашел взглядом князя. Оп-па! А вот это интересно. Обнажившийся по пояс, Телепнев уверенно отмахивался от трех атаковавших его бугаев, также сверкающих голыми торсами. Причем неплохо так отмахивается! А уж когда на моих глазах один из нападавших, открывшись, тут же схлопотал удар ногой по ребрам от «сиятельства», я понял, что, несмотря на убогость обстановки, недооценивать умения здешних бойцов – последнее дело. Хотя, конечно, атаковавшие Телепнева мордовороты не тот случай. Что называется, сила есть, ума не надо.

В этот момент князь заметил меня, стоящего у входа в зал, и, остановив бой, направился в мою сторону.

– Доброе утро, Виталий Родионович, – улыбнулся князь. – Вижу, не забыли о нашей договоренности?

– Как можно, Владимир Стоянович, – покачал я головой.

– Замечательно. Ну что же, тогда скидывайте «лапсердак», как говорят некоторые клиенты наших коллег из сыска, и прошу к барьеру, – тут же взял быка за рога Телепнев.

– Простите, ваше сиятельство. Но мне бы сначала разогреться, – пожал плечами я и, увидев непонимание на лице князя, пояснил: – Ну мышцы разогреть, чтобы не потянуть ненароком.

– О да, конечно. Я подожду. Готовьтесь, Виталий Родионович, – кивнул мой собеседник и вернулся к прерванному бою.

Я же скинул пиджак, жилет и сорочку и принялся прогонять сильно урезанный малый комплекс упражнений, то и дело ловя на себе заинтересованные и просто недоуменные взгляды таскающих железо и спаррингующих здесь же сотрудников. И хрен бы с ними. Чуть подвигавшись и разогрев мышцы, я попробовал пару рискованных для моих брюк движений и остался почти доволен. Конечно, на шпагат мне в них не сесть, так я и не помню, когда последний раз его выполнял, но и риска, что брюки лопнут от первого же резкого движения, нет. Наконец, почувствовав, что организм приведен в боевую готовность, я напомнил о себе князю. Тот улыбнулся и предложил выйти против его противников, «для начала».

М-да. Дубы, они и есть дубы. Толку от них, только что падают громко! Первый мордоворот, решивший, очевидно, взять меня на испуг, зарывавший разъяренным медведем (он бы хоть зубы почистил!), был взят мною на болевой и впечатан башкой в живот второго бугая. Третий, посчитавший это лучшим моментом для атаки, схлопотал каблуком в лоб (надо было все-таки разуться) и отвалился. В зале повисла тишина. Еще бы, не каждый день можно увидеть, как один не слишком-то здоровый (по сравнению с нападающими) мужик в три секунды разделяет атаковавших его амбалов под орех. Я вздохнул. Ну да, когда-то я сам пребывал в шоке от такого же зрелища, продемонстрированного нам, зеленым новичкам, тренером в центре. Это потом мы поняли,

что будь у нападавших хоть какая-то подготовка, и красивый финт «трое по кучкам, за три секунды» вряд ли бы у него получился. Но выглядело эффектно.

Почти так же как бой с князем. С минуту мы кружили, не особо нарушая дистанцию, после чего Телепнев словно взорвался ударами, заставив меня заподозрить, что с ним кто-то неплохо поработал в окинавской школе. А дальше, кажется, князь, основываясь на том, что до сих пор я демонстрировал, большей частью ударную технику, решил увести схватку в партер. Щаз! Чем больше дуб, тем громче падает! Повторяюсь? Ну и ладно. Захват, подножка, разворот... лети, ежик, лети!

От еще одной схватки князь отказался, и мы, быстро приведя себя в порядок, двинулись наверх, к кабинетам исследователей.

– А, явился, феномен, – буркнул Сакулов, завидев нас, входящих в огромное полупустое помещение с гордой табличкой «лаборатория». Князь зыркнул на своего советника, и тот моментально испарился, а на нас уставилось с десятков человек, до этого занимавшихся какими-то своими делами по разным углам сего исследовательского полигона.

– Не волнуйтесь, Виталий Родионович. Господин Сакулов, хоть и является начальником исследовательского отделения, от работы по вашей тематике отстранен, – во всеуслышание заявил Телепнев.

Тут же от ближайшего стола, заваленного какими-то ша-

риками из разных материалов, отошел очень грустный на вид, худой как щепка, рыжий детинушка в помятом костюме, окинул меня взглядом и протянул длинную руку.

— Товарищ начальника отделения, Берг Милорадович Высоковский. С сегодняшнего дня куратор проекта «Лед». Начнем?

И мы начали.

Глава 6

Неестественное естественное

Первый же день исследований подтвердил слова князя о том, что эффективными они будут только при моем добровольном участии. За восемь часов, проведенных под присмотром пятерки «философов» из исследовательского отделения, меня прогнали через десяток самых причудливых медитативных техник, направленных как на расслабление, так и на концентрацию. Надо отдать должное исследователям, они тоже не сидели сложа руки. Сначала четверка спецов под присмотром начальника, взявшись за руки, одновременно входила в транс. Берг назвал этот метод «кругом познания». Несколько человек вроде как объединяют свои ментальные тела в одну сеть, которой накрывают разум «исследуемого», также находящегося в состоянии транса. А дальше «исследователи» как бы «прозванивают» накрытый ими разум, выявляя точки возможного соприкосновения. Вот только в моем

случае их ждал облом. Как высказалась единственная женщина-исследователь в отделении, миловидная барышня лет двадцати пяти с тонкими чертами на бледном лице, которые, вкупе с копной таких же огненно-рыжих волос, как у Берга, делали ее похожей на лисичку: «Ваш разум словно заключен в прозрачную сферу хрустальной чистоты. Мы можем видеть течение мыслей внутри нее, наблюдаем изменение потоков, когда вы медитируете, но не можем прикоснуться ни к одному из них. И это при том, что разум ваш, как мы отчетливо видим, входит в резонанс с кругом, как и положено по всем канонам, и даже пытается реагировать на воздействия... Но только внутри этой самой “хрустального сферы” и дальше дело не идет. Блокировка просто отсекает любые попытки воздействия как “изнутри”, так и “снаружи”, так что сколько-нибудь зримого эффекта от круга мы не получили, если не считать определения самого наличия блокировки».

– И что теперь? – поинтересовался я, выслушав этот спич.

– Будем работать дальше, – ответил вместо своей подчиненной Берг, пожимая плечами. – Попробуем другие способы воздействия. Пока у нас слишком мало сведений об этой, как выразилась наша романтическая Хельга, «хрустальной сфере», а значит, впереди еще очень много работы. В самом крайнем случае если мы не сможем аккуратно «свернуть» блокировку, то воспользуемся методом резонанса для ее разрушения. Думаю, если увеличить число разумных в «круге» до шести и поднять мощность до боевой, блокиров-

ка будет безвозвратно уничтожена.

– Хм. А мой мозг? – Я поежился, представив, как вместе с «хрустальной сферой» разлетается брызгами и моя несчастная черепушка.

– Вита-алий Родио-оныч... – протянул Берг, и в его тоне я отчетливо услышал сакраментальное: Семе-ен Семе-еныч... – Вы уж нас совсем за извергов каких-то принимаете! Как же можно? Мы же со всей аккуратностью, остороженько. Да и то в крайнем случае, если иного способа избавить вас от блокировки не найдем.

– Разве это обязательно? – Я приподнял бровь. Такое уточнение со стороны Берга меня заинтересовало. Очень похоже, что у него имеются на этот счет четкие инструкции от начальства.

– Знаете, Виталий Родионович, я, конечно, не большой специалист во всех этих играх «плаща и кинжала», но могу вас уверить: если пойдут слухи о существовании некой, видимой только в круге познания блокировки, полностью защищающей разум от внешних воздействий, ими тут же заинтересуются наши соседи. Как ближние, так и дальние. Оно вам надо, стать дичью на охоте? Да и разве вам самому не надоело чувствовать себя калекой?

Что ответить на такой вопрос, я не знал. Объяснять им, что вовсе не считаю себя «калেকой», бесполезно. Это я еще из разговора с Грацем понял. Ладно, поживем – увидим.

– Не стоит печалиться, Виталий Родионович. – Кажет-

ся, Берг превратно истолковал мое задумчивое молчание и теперь попытался приободрить своего пациента. – В конце концов, мы только начали работу!

Спецы правильно поняли намек начальника, и понеслось... Предположения, эксперименты, медитации... Даже про обед забыли. К вечеру по кабинету уже летали различные предметы. Причем в прямом смысле слова, но, к сожалению или счастью, без моего прямого участия. Я даже из транса выпал, когда мимо меня, изображая «небесный тихход», проплыл лениво вращающийся стакан в тяжелом серебряном подстаканнике.

– Нет, господа мои, – покачал головой Берг, вставая с кресла. – Пора заканчивать. Концентрация уже ни к черту, так, глядишь, скоро и сами воспарим, как первогодки какие-то.

– Прошу прощения. – Один из помощников Берга, серьезный молодой человек с усталым лицом, поморщился, словно съел незрелый лимон, и посмотрел на двух своих коллег, похожих как братья-близнецы, словно ожидая от них ответа на невысказанный вопрос. Но те только покачали головами. Молодой человек повернулся к Бергу. – Мне показалось, что пошла реакция, но... в общем, моя вина, не уследил за векторами.

– Берг, ты несправедлив к Бусу, – вышла из транса «лисичка» Хельга и тут же наехала на начальника. – Попробуй сам удержать такое количество конструкторов в течение часа!

Я посмотрю, как тебя будет мотылять под потолком.

– Хельга, сестренка, я никого ни в чем не упрекаю! – Берг поднял вверх руки и грустно вздохнул. – Просто, если кое-кто не заметил, за окном давно уже стемнело, а Виталию Родионовичу необходимо отдохнуть. Впрочем, как и нам. Пора бы и честь знать, господа мои. Да, отчеты можете подготовить с утра.

После слов начальника и, как я понял, родного брата барышня хмуро покосилась на Берга и, решительно мотнув головой, схватилась за перьевую ручку. Защищаемый же ею Бус, вместе с «близнецами», с показной готовностью покивав, подхватили свои блокноты и, утащив Хельгу к дальнему столу, принялись о чем-то бормотать, не обращая более на Берга никакого внимания. Впрочем, начальника проекта, кажется, такое неповиновение ничуть не возмутило. Помоему, он и сам был не прочь присоединиться к обсуждению исследователей, и только мое присутствие удерживало его. Вот это я понимаю, любимая работа. Попробуй наш «офисный планктон» навестить сразу после окончания рабочего дня. Сметут с дороги и «мама» сказать не успеешь.

Я поднялся с кресла и подошел к Бергу.

– Ну что же, Берг Милорадович, не хотите поделиться впечатлениями о прошедшем дне? – поинтересовался я у перманентно хмурого начальника проекта.

– Отчего же. Вы, Виталий Родионович, все-таки самое заинтересованное лицо, – проговорил он. – Но сейчас я могу

вам рассказать только то небольшое, что видел сам. Вот завтра, когда будет готов первый сводный отчет по проекту, мы могли бы...

– Берг Милорадович, я не об этом, – прервал я собеседника. – Меня пока не интересуют практические выводы. Даже такой далекий от наук человек, как я, понимает, что время для них еще не пришло. Хотелось бы узнать именно ваши впечатления от этого первого дня исследований.

– Прошу прощения за то, что неверно вас понял. – Берг покраснел и чуть растянул губы в извиняющейся улыбке, отчего сразу стал выглядеть куда моложе, чем кажется на первый взгляд. Интересно... А чего это начальник проекта так зарделся? Не оттого ли, что я обратился к нему по имени-отчеству? Да вроде нет. Телепнев его так же называл, но такой бурной реакции не было. Хм... Врожденная застенчивость? Может быть. Ладно, с этим можно и после разобраться, а пока послушаю, что он скажет.

– Ну что же, если вы хотите узнать о впечатлениях... Я в восторге, – вернув свой естественный бледный цвет и привычно грустное выражение лица, проговорил Берг. Это настолько не сочеталось с его словами, что я невольно улыбнулся. Впрочем, мой собеседник этого, кажется, даже не заметил. – Знаете, очень редко выдается возможность проверить некоторые теории на практике. А тут такой удачный случай...

– О чем вы, Берг Милорадович? – Я насторожился. Ну

да, теории – штука, конечно, хорошая, да только практика порой получается... Вон наши эйнштейны теоретизировали о ядерном распаде, мечтая о дармовой энергии. Дотеоретизировались. Получили сию энергию на практике, но первым делом измерили ее в тротиловом эквиваленте.

– Понимаете, Виталий Родионович, принято считать, что естественные реакции разума при сторонних ментальных воздействиях всегда одинаковы.

– Нечто вроде безусловных рефлексов?

– Простите? – сбился Берг.

– Ну вроде того, как отдергивается рука от обжигающего ее огня. Самопроизвольно, – проговорил я.

– Да-да. Очень верное сравнение, – закивал мой собеседник. – Мы это называем естественными реакциями. Так вот, повторяю, считалось, что эти реакции всегда одинаковы. Но... проверить эту теорию практически было невозможно. Никто не позволит проводить исследования на новорожденных, как вы понимаете.

– Почему именно новорожденных? – Я опешил.

– Да потому, уважаемый Виталий Родионович, что уже через несколько часов после рождения младенец начинает раскидывать «сети познания», что также обусловлено теми же реакциями, и впитывать знания об окружающем мире, как губка. Соответственно естественные реакции убывают, постепенно заменяясь личными, то есть присущими конкретному разуму и выработанными им. Так, например, доказано,

что ребенок, родившийся и растущий в агрессивной по отношению к нему среде, на порядок быстрее обучается защитным манипуляциям, нежели его ровесник, появившийся на свет и пребывающий в более комфортных условиях. Кстати, если не принимать во внимание иных факторов, ваша блокировка свидетельствует о том, что вы родились и провели большую часть жизни в очень, очень агрессивной по отношению к вашему разуму среде. Не буду даже спрашивать, где такое возможно. – Берг вздохнул. Очевидно, ему-то как раз очень хотелось узнать, из какого ада я вылез. Но приказ есть приказ. А в том, что распоряжение об укрощении определенного любопытства в отношении меня любимого существует, я не сомневаюсь. Князь наверняка «закрыл» информацию о моем происхождении. Разве что Сакулов в курсе дела, но он будет молчать, несмотря на весь свой фанатизм. Бойтся советник своего начальника... и это правильно.

– Так все-таки, Берг Милорадович, что там с изучением естественных реакций?

– А? Да-да... Видите ли, в теории все получается очень гладко. От рождения человек огражден от внешних воздействий естественными реакциями, которые через какое-то время заменяются личными, то есть выработанными его разумом на основе получаемой информации из «сетей познания» взамен прежних.

– И?

– И здесь появляется вы. Человек, чей разум от рожде-

ния пребывает в изолированном состоянии. Человек, ни разу в жизни не получавший никаких сведений через «сети познания», поскольку последние попросту отсекались вашей блокировкой. Что означает: ваш разум не имел возможности выстроить собственные, личные реакции. Но что же мы видим? – Берг так разгорячился, что привлек внимание своих сосредоточенно строчивших отчеты подчиненных. – При попытках воздействия ваш разум не реагирует одинаково, он выстраивает все более и более сложные, изменяющиеся щиты! Да, они не нужны при наличии блокировки, но это лишь подтверждает тот факт, что действуют те самые, как вы их назвали «безусловные рефлексy»... и они меняются! А это если не в корне опровергает теорию о естественных реакциях, то уж точно заставляет нас серьезно ее пересмотреть.

– М-да. – Я даже немного растерялся от такого напора. Какая-то логика в словах Берга, безусловно, есть. Вот только... А что, если эта блокировка появилась только после моей «смерти»? – Берг Милорадович, а может статься так, что эта «сфера» благоприобретенная?

– Нет, – отрезал начальник проекта.

– Вот так сразу и нет?

– Виталий Родионович, вы уж извините, но это моя работа. И я со всей уверенностью могу заявить, что ваша блокировка – это врожденный элемент. Она такая же часть вашего организма, как тонкие оболочки. Собственно, одной из них она и является.

– И вы предлагаете, в случае неудачи в исследованиях и соответственно невозможности сворачивания оболочки, попросту ее отрезать? – нахмурился я.

– Виталий Родионович, рассматривайте это как... ну как ампутацию шестого пальца на руке или атавизма вроде хвоста. Совершенно ненужных человеку частей, согласитесь? – устало проговорил Берг, растеряв весь свой жар и поглядывая на выход. Намек понял, удаляюсь.

– Что ж, господа... и дама, – в полный голос заявил я, привлекая внимание и без того наостривших уши исследователей, после чего отвесил всем присутствующим вежливый полупоклон в полном соответствии с требованиями, изложенными в своде правил приличий. – Сегодня у меня был крайне занимательный день. Благодарю вас за проявленное внимание и интерес к моей проблеме, и позвольте откланяться до завтра. Вам, Берг Милорадович, моя отдельная благодарность за снисхождение к неучу и увлекательную беседу. Покойной ночи.

Облив всю компанию елеем, я выскочил за дверь и чуть ли не бегом помчался во флигель. Жрать хочу, это что-то неопишваемое!

– Ва-аше благородие, – прогудел Лейф, встречая меня в холле, – а я уж было собрался идти вас искать. Как утром вскочили спозаранку, толком не поевши, и ушли. Уж обед остыл, а вас все нет. Так я Ладе велел, чтоб она его господам охранителям отнесла, а сам вот опять к плите встал да по

второму разу готовить принялся.

– Лейф, подожди... Мы же вроде договорились насчет всех этих «барин» и «благородий». Обращайся по имени.

– Ну уж простите, запамятовал, – все так же размеренно пробубнил повар. Тут скрипнула дверь, и на пороге появилась вторая часть моей «свиты». Лейф тоже ее заметил. – Лада! Виталий Родионович пришли. На стол в гостиной накрывай да смотри горячее наперед неси и штоф не забудь, а то знаю я твои замашки немецкие!

– Вот что, Лейф, пока Лада на стол накрывает, собери корзинку с едой да отнеси ее исследователям. Они в западном крыле сидят. Скажешь дежурному на этаже, он проводит. Тоже, поди, целый день голодные. Увлеклись работой, про обед и вовсе забыли. А им, в отличие от меня, еще до дома добираться, и то неизвестно, когда разойдутся. Пусть перекусят.

– Соберу, – кивнул Лейф. – Вот прослежу за тем, как эта вертихвостка стол накрывает, и отнесу.

– Вот и ладно. – Я кивнул повару, и мы вместе вошли в комнату.

Библиотека несколько изменилась, приобрела жилой вид. Давешний журнальный столик, вместе с креслами, был отодвинут ближе к камину, а на их месте появился большой овальный обеденный стол с белоснежной, вышитой скатертью, в окружении шести массивных стульев с высокими, резными спинками. На столе пара серебряных канделябров (за-

чем они здесь, не представляю) и низкая ваза с живыми цветами.

Пока я приводил себя в порядок в ванной, Лада носилась между этажами, как наскипидаренная. К тому моменту, когда я, умытый и голодный, скинув пиджак (ну визитку, один хрен), вышел в гостиную (с появлением «лишней» мебели, язык уже не повернулся назвать эту комнату библиотекой), на столе уже красовалась куча приборов, соусников и блюд, а Лада как раз появилась на лестнице, с огромной супницей. Мама дорогая, да мне столько ни в жизнь не сожрать! В ответ желудок проурчал что-то вроде: «за себя говори» и замер в ожидании. Лада поставила супницу на стол, сняла с нее крышку, выпустив из-под нее горячий пар, и по комнате поплыл аппетитнейший аромат сборной мясной солянки с копчениями.

Наполнив и поставив передо мной глубокую тарелку, Лада кинулась снимать крышки с многочисленных блюд и блюдец, расставленных на столе. Чего здесь только не было. Нежнейшая, горячего копчения, севрюга и масляно поблескивающая, слабосоленая семужка, небольшие ломтики прозрачно-розовой ветчины и блестящие льдинками и кристалликами соли витки тонко нарезанного сала. Соленые белые грузди и крепкие, упругие огурчики, квашеная капуста с горячей в ней рубинами брусникой и янтарные зубчики чеснока. А ведь еще была целая тарелка ассорти из разных сыров, от свежего, что мы привыкли называть домашним тво-

рогом, до твердого, похожего по виду на пармезан, пряные помидоры сухого посола с укропом и чесноком, еще теплый, с хрустящей корочкой хлеб, какие-то пирожки... да, одной только икры на столе оказалось три вида: осетровая, лососевая и щучья! БУРЖУИ!!!

Определившись с собственным статусом, я уж было вооружился ложкой, но в этот момент в гостиную вошел что-то сердито бормочущий Лейф и, укоризненно глянув на Ладу, поставил на край стола небольшой серебряный поднос с чуть запотевшим графинчиком и рюмкой... Девушка недовольно наморщила носик, но под взглядом повара сникла и шустро наполнила рюмку водкой. А чем еще могла быть прозрачная жидкость в графине?

Весело переглянувшись с Лейфом, я опрокинул в себя содержимое рюмки. Лада вздохнула.

– Приятного аппетита, Виталий Родионович, – чуть ли не хором произнесла эта парочка и слиняла. Я даже не успел им ответить. Ну и ладно. Меньше слов, больше дела!

Тарелка с солянкой опустела очень быстро, но так же быстро передо мной появилась другая, с еще шипящей от жара свиной шейкой.

В итоге из-за стола я выбрался обожравшийся и умиротворенный. Хотя так и не смог съесть все, что мне наготовил Лейф. Благая мысль о том, что неплохо бы почитать что-нибудь для общего развития, узрев пустоту, что поселилась у меня под черепной крышкой после сытного ужина, испуган-

но пискнула и смылась. А я завалился спать.

Следующее утро началось для меня так же, как и предыдущее, за исключением того, что не пришлось голышом скакать по спальне. Проснувшись, я дождался вежливого стука в дверь и, приняв от Лады поднос с легким завтраком, быстренько его уничтожил. Уже допивая великолепный кофе, я понял, чего мне не хватало во время исследований.

Так что сразу после умывания и бритья (надо же, всего ничего времени прошло, а скорость орудования этой «мечтой маньяка» у меня уже вполне приличная. Сегодня мне хватило всего десяти минут, чтобы отскоблить щеки и подбородок) я оделся в очередной костюм из категории «утренних» и отправился на поиски Лейфа. Повар нашелся в своей вотчине и, судя по его недовольному сопению, был совсем не рад моему вторжению на его территорию.

– Доброе утро, Лейф. Не хмурься, я заглянул всего на секунду. У меня к тебе просьба. Ты же вчера навещал исследователей?

– И вам доброго утра, Виталий Родионович, – степенно кивнул молодой повар. – А как же. Все как вы велели. Отнес им закуску разных, квасу. Благодарили. Вот крепкого ничего не взяли, ну да я понимаю, все ж они на службе, нельзя.

– Вот. Я это к чему, Лейф. Кофе у тебя получается замечательный, так ты, будь добр, раз в пару часиков приноси нам кофейник. Заодно и про обед напомнишь, – проговорил я.

– Так его ж не я делаю, а Лада. Она по этой черной во-

де мастерица. Но вы не думайте, Виталий Родионович. Все исполним. Будет вам кофий, как приказали. И про обед напомню, не забуду.

– Спасибо, Лейф. И передай Ладе мою благодарность, кофе у нее действительно отменный. – Я кивнул повару и двинулся «на работу».

Исследователи встретили меня не в пример теплее, чем при знакомстве. Все та же пятерка во главе с Бергом дружно пожелала мне доброго утра, и началась работа. Медитации, расслабление, концентрация... Когда Лейф принес нам кофе, я не заметил, только отметил краем сознания какие-то изменения в комнате... и выпал из транса, одновременно с контролировавшей мое состояние Хельгой.

– Что это было? – Возглас девушки заставил меня открыть глаза.

– Повар кофейник принес, – ответил Берг. – А что?

– Да ничего особенного, – ядовито проговорила Хельга, потряхнув рыжей гривой. – Совсем ничего. Виталий Родионович находился в «глухом» трансе. Все шло, как должно. Виталий заглушил слух, зрение, обоняние, осязание... на диво быстро, кстати, а потом... потом вошел этот ваш повар и сфера как будто моргнула. То есть она исчезла и тут же появилась снова. При этом активность мозга подскочила чуть не на порядок!

– Тебе не показалось? – Четверо исследователей испытующе, без недоверия посмотрели на Хельгу.

Девушка отрицательно покачала головой, и исследователи, одновременно заговорив, отвалили в дальний угол комнаты, к кофейнику. Честно говоря, я тоже мог бы подтвердить ее слова. Ведь во время транса, абстрагировавшись от происходящего, действительно никак не мог почувствовать какие-либо изменения в комнате. Но почувствовал!

– Да что я... – На мгновение Хельга запнулась и, катастрофически покраснев (куда там братцу!), повернулась ко мне. – Извините за фамильярность, Виталий Родионович. Я, право... это от неожиданности...

– Ничего страшного, Хельга. Вы ведь не против, если я буду обращаться к вам по имени? – улыбнулся я.

Остальные, кажется, и вовсе не обратили внимания на наши слова, полностью окунувшись в построение очередных теорий и примерных моделей предстоящих исследований. Девушка улыбнулась и, неуверенно кивнув, устремилась к спорящим коллегам.

Глава 7

Лед тронулся, господа присяжные заседатели

Как ни велика была радость нашего небольшого коллектива от наметившихся подвижек, долго она не продлилась. Уже через два дня стало ясно, что зафиксированное Хельгой кратковременное мерцание «сферы» это не «парадный

подъезд», а скорее «черный ход». Своего рода незарегламентированная особенность блокировки. То есть при отсечении стандартных информационных каналов (читай: глаза, уши и нос) сфера начинает работать в дискретном режиме, вызывая тот самый эффект мерцания. Таким образом, исчезая на сотые доли секунды, она позволяет разуму восполнить сенситивный голод, получив недостающую информацию из ментала. Во загнул, а? И ведь не был я никогда технарем, о смысле некоторых слов, типа дискретности, вообще только смутно догадываюсь.

Это на меня ностальгия накатила в такой вот идиотской форме. Мне так кажется, а на самом деле, хрен его знает, может подустал от непривычных оборотов речи или просто устал? Ну ничего, до конца рабочего дня всего-то с час осталось, тогда и отдохну. Лада с Лейфом обещали договориться с истопником, так что баня, наверное, уже протоплена и дожидается. Есть здесь и такая роскошь, рядом с флигелем стоит, фактически на том же фундаменте.

Четвертый день, от зари до зари, мы бьемся (ну да, именно мы, я же тоже не бездельничаю!) над этой дурацкой сферой, а толку чуть. Нет, то же мерцание, штука вполне себе интересная, но согласитесь, довольно глупо лишаться органов чувств (пусть и временно) только для того, чтобы восполнить их отсутствие размытыми ощущениями чужого присутствия, например, а на большее, при мерцании сферы, рассчитывать не приходится. Команда погрустнела, у Берга вва-

лились глаза, и создается впечатление, что он еще больше похудел, хотя куда уж дальше?! Хельга постоянно сидит в кресле, о чем-то задумавшись, и почти не реагирует на окружающих, даже Бус, с которым у них вроде как «взаимный интерес», по выражению одного из «близнецов», не может вывести ее из ступора, хотя парень старается. Сами «близнецы», как оказалось, ни в коей мере не родственники, где-то потеряли свою синхронность, и даже кофе теперь пьют не одновременно, как мы уже привыкли, а по очереди. В общем, мрак и ужас. А ведь идет всего лишь четвертый день исследований. Блин, как представляю, что этот бред будет длиться еще два месяца, дрожь пробирает! Придется временно брать командование в свои руки. Как это ни смешно, но подопытная крыса сейчас начнет «лечить» своих экспериментаторов. Ха! Приступим.

– Бус Ратиборович, у меня имеется к вам небольшая, но важная просьба. Не поможете ли? – Сидящий на колченогом стуле о чем-то задумавшийся парень вздрогнул и резко обернулся.

– Все, что в моих силах, Виталий Родионович, – выжал из себя кислую улыбку Бус.

Кто бы мог подумать, что этих ребят так легко выбить из колеи?! Или это результат их «открытости», так сказать минус сенса? Стоило захандрить одному, как пошла цепная реакция, они же вроде как чувствуют друг друга... Хм. Ну а мне-то тогда почему так хреново? Или блокировка плохо

прикрывает эмоции? Ладно, с эмпатией разберемся позже, а сейчас постараюсь всколыхнуть это болото. И пусть никто не уйдет обиженным.

– Благодарю вас, Бус Ратиборович. Я сейчас напишу записку, а вы передайте ее Владимиру Стояновичу. Сами знаете, если действовать по обычному распорядку, то ответа можно дожидаться дня два, а у вашего отделения, так сказать, режим наибольшего благоприятствования. Так может, князь вас сразу и примет. Сделаете?

– Исполню со всем прилежанием, – кивнул Бус. Вот за эту-то покладистость я его и выбрал. Нет, Берг или Хельга тоже подошли бы в качестве «курьеров», но они бы обязательно прочли записку, и тогда вся идея насмарку.

Я быстро начеркал пару строк на стандартном бланке исследовательского отделения, сложил его вчетверо и передал парню записку. Оставшиеся исследователи вяло отреагировали только на хлопок двери, закрывшейся за моим гонцом. Да и то дело ограничилось лишь констатацией незамысловатого факта ухода Буса, после чего все отделение снова погрузилось в тягостные раздумья. Ну-ну, недолго осталось. Как там у поэта: «И кошка, мрачному предавшись пессимизму, трагичным голосом взволнованно орет...»

Бус вернулся через пять минут и с каменной физиономией отдал мне мою же записку. Над ее текстом стояла размашистая виза рукой главы Особой канцелярии: «С изложенным согласен, исполняйте». Мои губы, помимо воли, изо-

гнулись в предвкушающей улыбке.

Не обращая никакого внимания на взгляды исследователей, я подошел к телефону и, набрав номер охранителей, стал слушать гудки. Не дождавшиеся от меня ни слова, вопрошающие взгляды команды, скрестились на Бусе, но тот только пожал плечами. Я же говорил, что он самый покладистый из всей компании! Было велено отнести и передать. Он пошел и передал. А что там написано на бумажке, не его ума дело. Редкостного пофигизма организм. По крайней мере, пока речь не заходит о Хельге. О! А вот и ответ охранителей.

– Письмоводитель Старицкий, по распоряжению князя Телепнева будьте любезны прислать в исследовательское отделение две «тройки». Приказ увидите на месте. Благодарю, господин поручик. – Я нажал на рычаг и снова набрал номер, не обращая внимания на начинающих паниковать исследователей. В трубке опять раздались гудки, щелчки, и на том конце провода послышался хриплый голос управителя.

– И вам добрый вечер, я звоню по поручению Владимира Стояновича. Мне необходимо получить четыре зимних комплекта. Благодарю, я зайду за ними через полчаса. Примерные размеры? Пожалуй, да.

Я окинул взглядом исследователей. Хорошо, что у меня костюмы из магазина готового платья, как это здесь называется. Так что с размерами худо-бедно знаком. А глаза у команды все шире, хе-хе.

– Записываете? Два восьмых на рост сто семьдесят пять,

один девятый на тот же рост и седьмой на сто восемьдесят пять. Да, все верно. Еще раз благодарю.

– Э-э, Виталий Родионович, позвольте поинтересоваться. – Кажется, у Буса голос прорезался.

– Да, внимательно вас слушаю, Бус Ратиборович. – Я улыбнулся, елико возможно пакостней. Исследователей проняло. Вон как побледнели!

– А что все это значит? – вякнул один из «близнецов», по моему, Олаф, у него голос повыше, чем у Ярослава.

– Владимир Стоянович не очень доволен ходом работ и поручил мне по возможности воздействовать на вас, имея целью получение сколько-нибудь положительного результата. – Дополнить текст еще парой обтекаемых предложений мне не дал стук в дверь. Как и ожидалось, на пороге оказались охранители. Две «тройки» низового состава, в синих мундирах под предводительством молодого поручика, как бы не того самого, с которым я общался по телефону.

– Старицкий Виталий Родионович? – произнес офицер.

– Именно так. – Я продемонстрировал поручику свое удостоверение и цидулю с визой Телепнева. Лицо поручика вытянулось от недоумения, кажется, Владимир Стоянович решил не сообщать подчиненному, что именно написано в записке. Тем не менее, похоже, субординация и привычка к безоговорочному исполнению приказов все же победили. Поручик махнул рукой, и вся синемундирная группа, сияя блеском пуговиц, ввалилась в кабинет перепуганных иссле-

дователей.

– Господа, прошу встать и следовать за мной! – безапелляционным тоном заявил поручик, обводя моих экспериментаторов грозным взглядом. Те съежились и с выражением абсолютного непонимания происходящего на лицах встали, включая Хельгу. Поручик недовольно покосился на меня, и я отрицательно покачал головой. – Сударыня, вас это не касается. У нас приказ только о ваших коллегах.

Синемундирные, то бишь охранители, взяли четверых исследователей под конвой и вывели их в коридор. Девушка попыталась дернуться следом, но я ее остановил, встав на пути к выходу.

– Хельга, стойте.

– Пустите меня, – тихим голосом проговорила она, хотя я ее и пальцем не тронул, и вдруг взорвалась: – Вы... вы... бесчестный человек! Что мы вам такого сделали?! За что?!

– Хельга! Сядьте и успокойтесь. Немедленно, – рявкнул я. Девушка отшатнулась и послушно вернулась в кресло. От недавней меланхолии не осталось и следа, взгляды, которыми она меня прожигала, могли бы довести до инфаркта. – Ничего с вашими коллегами не случится. Обещаю. Не верите? Возьмите, прочитайте. Это та записка, что я попросил передать князю.

Листок с визой Телепнева Хельга взяла так, словно это была ядовитая змея. Брезгливо и с опаской. Аккуратно развернула... По мере чтения глаза девушки все больше и боль-

ше напоминали глаза японских мультяшек. Дочитав текст до конца, Хельга перевела на меня недоумевающий взгляд.

– Но... почему ТАК? И зачем?!

– А ты думаешь, если бы я их стал уговаривать, у меня это получилось бы, а? Вот так вот дружно взяли и послушались, да? Сама-то в это веришь? Вот и я не очень, – устало проговорил я, опускаясь в соседнее кресло.

– Мы с вами на брудершафт не пили, – почти автоматически заметила барышня, но тут же перебила сама себя: – И все-таки зачем?

– Хельга, мы работаем по шестнадцать часов в день, четвертый день подряд. Я знаю, что когда работа «идет», это не предел. Но мы топчемся на месте, это видно невооруженным взглядом даже такому далекому от ваших материй человеку, как я. Вы устали, вымотались... Стали похожи на привидения. Прозрачные и бессмысленные. Нужна была встряска. Я ее организовал. И отдых. Лучшего способа снять напряжение, чем хорошая баня, я не знаю. Понятно?

– А я? – задала внезапный вопрос Хельга.

– А что ты? Или тебе очень хочется сходить в баню вместе с ними? – хмыкнул я и, заметив, что девушка запунцовела, поспешил добавить: – Прости дурака. Отвечу на твой вопрос. Ты, точнее мы сейчас отправимся к моей экономке. Фигуры у вас похожие, так что, думаю, она быстро подберет тебе что-нибудь подходящее из одежды, а потом уже вы с ней сходите в баню. Ясно?

– Да, – тихо, почти неслышно проговорила Хельга.

– Ну вот и договорились. Идем, а то мне еще к управителю заглянуть нужно, взять у него форму и исподнее для господ исследователей, чтобы им было во что переодеться после парной.

Оставив офигевшую от моих методов психотерапии Хельгу в надежных руках моей очаровательной экономки, я для начала спустился на кухню к Лейфу, чтобы сообщить ему приятное известие об увеличении количества требующейся провизии. Повар немного посопел, но в конце концов махнул рукой и заверил, что все будет как следует. С легкой душой я оставил этого виртуоза ножа и поварешки колдовать над снедью, а сам ринулся к управителю, так здесь именовалась должность начальника ХОЗУ. Нет, можно было бы попробовать договориться непосредственно с распорядителем склада, но это же Русь, пусть не та, в которой я родился и вырос, но от этого чернильные души не стали меньше любить красивые монеты и цветастые ассигнации. Вот я и решил договариваться с начальством, а не мелкой сошкой. Большому боссу самомнение не позволит намекать на взятку за четыре комплекта зимнего обмундирования, а вот распорядитель за них слупит столько, что на эти деньги можно полсклада обновить, и еще на выпивку останется. К тому же, полагаю, неуместно главе Особой канцелярии названивать всяким мелким чиновникам с требованиями передать третьим лицам подотчетное имущество. О как!

Как предполагал, так и вышло. Управляющий разглядел подпись князя (непосредственного начальника, между прочим, что тоже в таких случаях немаловажно) и с угодливой улыбочкой распорядился доставить все указанное мною по телефону в предбанник, при этом в лоб попросил меня напомнить князю о нуждах ХОЗУ. Интересно, за кого же он меня принял?! А и хрен бы с ним. Обещание я дал и при возможности его сдержу. Вот только не думаю, что управителю понравится ТАКОЕ внимание. А не фиг было предлагать мне подписать документы на шестнадцать зимних комплектов, считая оружие, которое я вовсе не брал. В общем, довольные друг другом, мы расстались, и хотя меня так и тянуло вымыть руки после общения с этим скользким типом, я сдержался и даже приторную улыбочку со своего лица стер, лишь когда покинул цокольный этаж, где и размещалось все хозяйство этой толстой крысы.

А в бане меня ждала картинка маслом. Четыре трясущихся исследователя в одном исподнем. Похоже, выполняя приказ, поручик таки перестарался и вытряхнул господ ученых из их порядком помятых костюмов. Ну да ничего, Лада приведет их в божеский вид, а до утра могут и в синих мундирах пощеголять!

Кажется, за полчаса моего отсутствия исследователи успели попрощаться со свободой, а может и жизнью. Жестоко? Может быть. Зато действительно. Сейчас на них посмотреть, так хоть шедевр соцреализма пиши: «Несгибаемые больше-

вики в бане, перед казнью». Руки дрожат, глаза горят, и готовность разорвать белого упыря (меня то бишь) просто зашкаливает. Тьфу, да я сам себя загрызть готов, но так было НАДО!

– Господа, вы долго собираетесь здесь сидеть? – Я оглядел это воинство интеллигентов и покачал головой. – Прекращайте страдать. Ничего страшного не произошло. Ну загнали вас охранители в баню, так что теперь, жизнь кончена? Давайте-ка раздевайтесь и дружным строем шагайте вон в ту дверь. Баня ждет.

Что-то изменилось в глазах исследователей, и они неохотно, но все же последовали моему примеру и принялись разоблачаться. Через час, распаренные, мы уже сидели за уставленным Лейфовыми блюдами столом и потягивали кто квас, кто пиво, в ожидании Хельги и Лады, чуть ли не силком вытуривших нас из парилки. Надо отдать должное господам исследователям. Когда до них дошло, для чего я затеял это представление, они хохотали как умалишенные и почти не обиделись. Только пообещали начистить физиономию... Ну-ну. Мордобой назначили на завтрашнее утро, чему я был только рад. Надо все-таки возобновлять тренировки, а то с едой Лейфа я тут жиром заплыву, только так. А вот кто действительно повеселится, так это князь, когда ему расскажут, как дело было. Вообще, судя по ехидному выражению лица моего повара, уже завтра по Хольмграду пойдет гулять байка о том, «как охранители философов купали». М-да.

Эх, как было бы здорово, если бы я мог сказать: «А на следующий день у нас все получилось». Но нет, хоть с утра я и встряхнул исследователей в спортивном зале, вволю пошвыряв их на пол; хоть в отделении и поселился неунывающий деловой настрой, нам пришлось убить еще целых две недели, прежде чем исследователи нащупали зыбкую возможность «приручения» блокировки. Идею подала Хельга. Вообще, как я понял, в этой команде было два «генератора идей», Берг и Хельга. Бус выполнял роль практика-экспериментатора, там где дело касалось сложных манипуляций, он был незаменим, а роль Олафа и Ярослава обычно сводилась к регистрации явлений и их толкованию. Парни оказались настоящими энциклопедистами. Если где-то когда-то была описана какая-то аномалия или некая теория, будьте уверены, она им известна. Как результат вся группа работает единым отлаженным механизмом. Без затыков, конечно, не обходится, давешняя хандра тому хороший пример, но так и идеальные машины возможны только на бумаге... Как там: «шарообразный конь в вакууме», что-то вроде того. Так получилось и сейчас. Хельга выдала идею, «близнецы» нашли для нее обоснование, а Берг и Бус принялись за воплощение. Вкратце идея оказалась проста.

– Мы рассматриваем сферу исключительно как блокировку, то есть некий привнесенный элемент, и в этом наша ошибка. Я так думаю, – задумчиво произнесла барышня, потягивая кофе. – А ведь еще в первый день Берг выдвинул

предположение, которое впоследствии все, включая и его самого, воспринимали исключительно как метафору.

– Это какое же? – недоуменно приподнял бровь начальник проекта.

– Что сфера является одной из тонких оболочек, – невозмутимо ответила девушка. – А ведь это так и есть. Да, эта оболочка имеет необычную структуру и много более узкий спектр действий. Но это оболочка!

– И что же ты предлагаешь? – Берг взъерошил волосы, словно пытаясь таким образом стимулировать свой мыслительный процесс. А мы: Олаф, Ярослав, Бус и я, просто тихо сидели и смотрели на брата с сестрой.

– Работать с ней, как с любой оболочкой.

– Только более подходящими инструментами.

– И по нарастающей.

– Думаешь диссонировать?

– В крайнем случае.

– А предел?

– Определим по вибрации.

Я не понял ни слова из этого «пинг-понга», но, кажется, от меня это и не требовалось.

Исследователи вдруг развили бурную деятельность. В тот же день у управителя была заказана целая карта какого-то оборудования. Часть его вообще доставили из военного госпиталя, расположенного в Загородском конце, чуть ли не из тамошних чуланов долговременного хранения. В здании

канцелярии выделили отдельную комнату по соседству с кабинетом исследователей, в которой тут же начался ремонт. Заглянув в готовящееся для меня помещение (а для кого еще?!), я увидел свинцовые плиты, которыми покрывали пол, стены и потолок. Даже стыки заливали все тем же расплавленным свинцом, и меня это очень сильно напрягло. Зачем нужны подобные меры? У меня, как человека знакомого с термином «радиация», есть только одно объяснение. Впрочем, заметив мое волнение, Берг Милорадович не поленился объяснить смысл превращения комнаты в свинцовую шкатулку. Как оказалось, свинец экранирует не только слабое излучение, но и ментальные воздействия, что крайне необходимо для продолжения исследований. Успокоив меня насчет радиации, Берг тут же не преминул порадовать известием о том, что основная стадия эксперимента начнется послезавтра.

Как он запланировал, так и получилось. Через день я вошел в свинцовую комнату, где меня раздели, уложили на узкий топчан с подозрительным отверстием, аккуратно под моей пятой точкой, и ввели в руку иглу капельницы. В ту же минуту комнату покинули все исследователи, кроме Буса и Хельги. Я увидел, как захлопнулась мощная дверь, отрезая нас от остального мира, и на меня вдруг накатило ощущение легкой паники. Это притом что я никогда в жизни не страдал клаустрофобией! В груди поселилось предощущение какой-то большой гадости. Такое со мной уже бывало, и ни ра-

зу эта сигнализация не подвела. Только однажды предупреждение оказалось бесполезным, но, наверное, только оттого, что изменить было уже ничего нельзя. Тогда меня скрутило так, что я полчаса отдышаться не мог, а на следующий день сатанисты вырвали мне сердце на их идиотском алтаре. Ну, блин, и мысли бродят у меня в черепашке! Я постарался успокоиться и прислушаться к тому, что мне говорит Хельга. Хорошо, что здесь именно она, если бы вместо нее был кто-то другой, тот же Берг, например, я бы вряд ли так легко успокоился. А с ее ладошкой на лбу это, оказывается, проще простого. Вдох, счет до шести, задержка дыхания, до шести, выдох, до шести, стоп, до трех, вдох, до шести, задержка, шесть, выдох...

Дальнейшее мое участие в процессе свелось к выполнению указаний по медитации, во время которой вокруг меня постоянно вились Хельга и Бус, контролируя, следя и поначалу, пока я еще не ушел, удерживая от сна. Это было время их сладкой мести, а для меня оно превратилось в четверо суток ада. Девяносто шесть часов непрерывной медитации под капельницей, на утке. Никакой еды, никакой смены положения тела, никакого туалета и никакого сна! Первые три часа я еще испытывал неудобство, потом, все больше уходя в глухой транс, я перестал ощущать собственное тело, на девятом часу абсолютной тишины и пустоты мне стало казаться, что меня нет. Я не знаю, сколько прошло времени, когда мой разум взвыл, пытаясь вернуться к нормальному существова-

нию, но только усилием воли мне удавалось удерживаться от выхода из транса. Вечность непрерывного контроля, а потом сфера перешла в режим мерцания, то и дело одаривая фантомными ощущениями, превратившими жуткую пустоту в калейдоскоп мучений. Осознание чудовищной ломоты во всем теле, которого я не чувствовал, желание опорожнить кишечник и мочевой пузырь, существующие в форме знания, но от этого не становящиеся легче. Осознание голода и жажды, гложущих разум не меньше, чем несуществующий для меня в трансе желудок... муки ада. У меня нет тела, но оно болит! Нет желудка, но ядохну от голода. Нет языка, но он распух от жажды. И я ничего не могу с этим поделать. Потому терплю. И это терпение тоже превратилось в пытку. Одну бесконечную, разрывающую на части даже не мозг, все существо, пытку. На девяносто седьмом часу я выпал из глухого транса и, только открыв глаза, потерял сознание от наплыва образов, ощущений, запахов и чего-то еще неопиcуемого, огромного, подавляющего. Меня словно бы накрыло волной. Последнее, что я слышал, было: «Ставьте кокон». А затем пришла тьма.

Глава 8

**Сегодня вы проснулись от боли?
Может, лучше было умереть вчера?**

Надо было все-таки бежать... Расслабился, идиот... Ну

как же, вокруг все такие хорошие, белые, добрые и пушистые... Добился своего, князь... Ох, больно-то ка-ак!... Стоп. Мне больно. Значит, жив? Вроде бы да. Но лучше бы сдох. Суставы выворачивает, в живот словно лавы налили, а голова... Моя несчастная тупая черепушка, хоть бы она раскололась наконец. Блин, до чего же больно!...

Меня знобит. Тело будто ватное и трясется как холодец в руках алкоголика... Та-ак. Это мы уже проходили. Неужели меня снова куда-то закинуло? И хрен бы с ним. Ох. Надеюсь только, что и здесь найдется свой Грац. Его помощь мне бы сейчас не помешала.

Спустя несколько минут боль начала неохотно отступать, и я хоть и с трудом, но нашел в себе силы пошевелиться. Приоткрыл веки, и из груди вырвался облегченный вздох. Я в спальне флигеля. Подушки довольно высокие, так что мне прекрасно видно большую часть знакомой обстановки. В спальне темно. Вечер, утро? Неясно. Узкое окно с опущенными шторами, конторка, дверь... И кто это там решил побеспокоить мое болящее «благородие»?

– Виталий Родионович, к вам тут Меклен Францевич просят. Пускать или как? – прогудел Лейф, придерживая входную дверь.

– Так что ж ты меня-то спрашиваешь? – проговорил я, ужасаясь хриплому клекоту, в который превратился мой голос. – Как-никак, он тебе жалованье платит.

– Так-то оно так, да не так, – протянул Лейф. – Я уж, почи-

тай, неделю как расчет взял... А Владимир Стоянович разрешили пока при флигеле, временным поваром для вашего благородия. И жалованьем не обидели ни меня, ни... Так что, пускать дохтура-то?

– Да уж пропускай, – проговорил я, тихо удивляясь поступку повара, но решил, что расспросить его можно и попозже. Лейф кивнул и отодвинулся в сторону. Тут же в комнату вошел профессор. Застыл на мгновение на пороге, смерил Лейфа укоризненным взглядом и, покачав головой, подошел к моему изголовью.

– Что, дела настолько плохи, что мне сразу прислали патологоанатома? – не сдержался я.

– Шутите, Виталий Родионович? Это хорошо, – покивал Грац, одним неуловимым движением мысли, растягивая надо мной небольшую сеть познания. Э-э, чего? Я зажмурился, но отчетливое ощущение висящей надо мной ментальной конструкции никуда не делось. Даже с закрытыми глазами я могу с идеальной точностью указать, где находятся основные узлы этой сети и в какую точку надо «ткнуть», чтобы она рассыпалась. Что я, естественно, тут же и проделал.

– Виталий Родионович, голубчик, я вас очень прошу, дайте мне спокойно вас обследовать, а развлекаться будете позже, – как маленькому ребенку, погрозил мне пальцем Грац. Ну профессор... Впрочем, в чем-то он, конечно, прав. Я ничуть не сомневаюсь, что здешние дети точно так же обожают влезать в чужие ментальные творения просто с целью по-

нять, что это такое и как его можно использовать или сломать... на крайний случай. Те самые пресловутые естественные реакции... Вот и получается, что я вроде как взрослый тридцатилетний дядька, но в плане ментального развития сущий ребенок. Ну и хрен бы с ним. Зато у нас все получилось! Ну не у нас, у исследователей... И все-таки. Опс.

Я с трудом заставил себя развеять созданный, почти помимо моей воли тонкий щуп, словно бы выраставший из моей ладони и незаметно подбирившийся к ментальной конструкции профессора, и обреченно вздохнул. Кажется, это называется «гиперактивностью». Эх. Хорошо еще, что мне подгузники менять не нужно. Или нужно? Я смутно припомнил свою почти сточасовую медитацию и топчан с «уткой», но вспышка головной боли заставила вернуться в реальный мир. Кажется, для воспоминаний сейчас не время.

– Ну что же, вы определенно прогрессируете, Виталий Родионович. На мой взгляд, даже неоправданно быстро. Ваши тонкие оболочки восстанавливаются в хорошем темпе, но вот физическая составляющая меня беспокоит. Пожалуй, я рекомендую вам усиленное питание... и всё, – проговорил профессор, закончив обследование. – А теперь, если не возражаете, я вас покину. Мне необходимо поговорить с этим прощельгой-поваром о надлежащей диете. Иначе с него станется накормить вас вареными овощами. Поправляйтесь, Виталий Родионович... и надеюсь видеть вас у себя в гостях в ближайшее время.

– Уверены, Меклен Францевич? – через силу усмехнулся я, вспомнив нашу последнюю встречу. Ментал вокруг профессора взбурлил, окутывая его фигуру плотным коконом.

– Как мне кажется, пока у вас нет повода для... неожиданно-го визита. Согласитесь, Виталий Родионович? Честь имею, – чуть побледнев, проговорил Грац и, резко кивнув, вышел из комнаты. М-да, профессор, блин, адъюнкт. Ну-ну. Самый что ни на есть кадровый офицер он, а не трупорез. Я проводил взглядом фигуру своего первого знакомого в этом мире и откинулся на подушки.

Вот, Вит, кажется, у исследователей все получилось. Блокировка свернута. По крайней мере, я очень четко ощущаю, что при необходимости могу укрыться в ней, словно моллюск в раковине. Вот только удастся ли мне оттуда выбраться? Во всяком случае, на вторую медитацию я точно не соглашусь... Меня вообще от этого слова тошнить начинается. Я передернул плечами и уставился на входную дверь. Что-то с ней было не так. Что именно, я пока не возьмусь определить, но эта неправильность просто бросается в глаза. Уже знакомый, любопытный щуп, точно такой же, как тот, что чуть было не помешал Грацу в обследовании моей брэнной тушки, медленно, стараясь не спугнуть кого-то, прячущегося за дверью, потянулся к тяжелой бронзовой ручке.

Я только и успел подхватить парой созданных и тут же выброшенных навстречу щупов падающую Ладу. Девушка испуганно пискнула и зависла в полуметре от пола, удерживае-

мая как моими жгутами, так и собственной, довольно сложной ментальной конструкцией, обращенной не только на саму экономку, но и на поднос, который она умудрилась удержать в руках и ничего с него не уронить! Вот это эквилибристика!

– Виталий Р-родионович! – Чуть не плача, Лада повернула ко мне покрасневшее лицо, и я, спохватившись, вернул девушку в вертикальное положение, после чего рассеял щупы, от греха подальше. Тактильные ощущения от них, оказывается, иногда передаются ничуть не хуже, чем если бы я действовал руками, а Лада... в общем, поверьте, там есть за что подержаться. М-да. Кобелизм прогрессирует. С этим надо что-то делать.

– Извини, Лада. Я пока еще не освоился с этими... щупальцами, – повинился я перед девушкой.

– Ох, да не переживайте вы так, нешто я не понимаю. Вы же сейчас, что Лешко – племянник мой, тот тоже, пока ему оградник не сплели, все мысленно норовил делать, ложку и ту не заставишь его в руку взять! Ну что поделаешь, ребенок... Ой. Простите, бога ради, Виталий Родионович, ваше благородие! – зачистила экономка. А я как идиот, лежу и улыбаюсь.

– Не мельтеши, Лада. – Я приподнялся на кровати. – Лучше давай сюда поднос. Мне доктор велел хорошо питаться.

– Что ж это я! – Девушка подошла к кровати и опустила на нее поднос. Умница. Черт с ним, с балыком, но вот за

то, что Лада приготовила мне кофе, я готов ее расцеловать. Стоп. Отставить. Я заметил, что девушка, только что хлопотавшая вокруг меня словно наседка, напряглась и постаралась отстраниться. Ну да, меня же теперь сфера не защищает, так что настроением своим я должен фонить, как протекающий реактор радиацией. Вот девчонка и насторожилась.

– Лада. Что бы ты себе сейчас ни напридумывала, знай, я тебя не обижу и другим не позволю. – Я постарался быть насколько возможно искренним, говоря ей это, и кажется, подействовало. Девушка чуть расслабилась и даже улыбнулась. А я понял, что мне нужно срочно обзаводиться эмоциональной защитой. Иначе погорю, как Плейшнер на Цветочной улице... Вот не было забот, купили порося!

– Что Берг Милорадович? – спросил я Ладу, расправляясь с завтраком.

– Вот уж не знаю. Как вас, три дня тому, принесли сюда, так все крыло исследователей и закрыли. Охранители чуть не под каждым окном сидят. Злые, ужас. Кушанья и те только после досмотра им относят. – Лада пожала плечами и, на мгновение задумавшись, заметила: – Вам бы о том с Владимиром Стояновичем говорить надобно, уж он-то к размышлам каждый день ходит. Или с господином Сакуловым, тот тоже все дни там пропадает.

Девушка забрала у меня опустевший поднос и поплыла к выходу, плавно покачивая бедрами, туго обтянутыми тканью длиннополой юбки... Да что же это такое-то?!!! Словно

прыщавый подросток какой, честное слово!

У самых дверей Лада вдруг обернулась, и в ее глазах мелькнуло лукавство. Так это она?! Я хмыкнул. Ну да, отомстила, несносная девчонка, за мои ментальные «щуповодства». Но как действовала, а? Я же ничего не почувствовал... Впрочем, это как раз немудрено, с моим-то отсутствующим опытом в подобных вещах. Не-ет, надо срочно учиться управлять менталом, хотя бы на бытовом уровне, и обязательно найти способы защиты от подобных воздействий. Я, конечно, не Аполлон и не считаю, что меня будут «привораживать» на каждом шагу, но ведь если с помощью ментала можно пробудить желание, то наверняка можно и манипулировать другими чувствами, страхом, гневом, например. А оно мне надо? Вот-вот.

Я проводил взглядом закрывающуюся за Ладой дверь и решил, что пора вставать. Судя по обмолвкам моих гостей, я и так провалялся во сне целую неделю... Это если считать медитацию. Меня передернуло. Врагу такого отдыха не пожелаю.

Кряхтя, словно столетний дед, я выбрался из-под одеяла и опустил ноги на пол. Но даже сидя почувствовал, насколько ослаб. Голова кружится, конечности еле шевелятся. Ужас, конечно, но ничего, бывало хуже. Держась за спинку кровати, я поднялся на дрожащие ноги и, перебирая непослушными руками по опоре, медленно двинулся в сторону ванной комнаты. Очередной гость застал меня в момент тяже-

лых раздумий. Я как раз пытался сообразить, как мне преодолеть пустое пространство до двери в уборную.

– Виталий Родионович, вы с ума сошли! Зачем вы встали? – Голос от входа в спальню заставил меня дернуться. В результате я чуть не потерял равновесие, но тут же был подхвачен руками визитера, одним прыжком преодолевшего разделявшее нас расстояние. М-да. Прыгающий князь – редкое зрелище! Придерживая за плечи, Телепнев усадил меня на кровать и, убедившись, что я не грохнусь, встал напротив. – Положительно, вас ни на минуту нельзя оставить в одиночестве. Обязательно выкинете какую-нибудь штуку! Вы еще не восстановились после нашего опыта, вам необходим покой!

– А профессор Грац так не считает. Он всего лечения и назначил-то, что усиленно питаться, а про то, что мне с кровати встать нельзя, он даже не заикался, – огрызнулся я. Честно говоря, с приходом князя на меня накатило раздражение, причем не на него, а на себя любимого, мою расслабленность и неосмотрительность, из-за которых я и пребываю сейчас в таком плачевном состоянии. И ведь понимаю, что не в силах был изменить что-либо и вроде пока никаких намеков на то, что меня ликвидируют, нет. А раздражение не уходит. Встало комом в горле и саднит. Гадство.

– Что с вами, Виталий Родионович? – Мне показалось или князь не на шутку перепугался? Вон как его силуэт лимонным светом полыхает! Блин, опять выверты этого чертова

ментала... Нет, как только смогу более или менее нормально передвигаться, сразу запрягу Буса, пусть учит всем этим премудростям, иначе и свихнуться недолго. От осознания нового открытия злость во мне растворилась без следа, и я смог сосредоточиться на беседе с князем.

– Ничего, Владимир Стоянович. Все уже прошло. – Я смахнул ладонью выступившую на лбу испарину. – Лучше скажите, как дела у наших розмыслов.

– Эх вы их, на старый манер, – покрутил головой Телепнев. – Поди, от obsługi вашей слышали?

– Почему это моей? – удивился я.

– Ну а чьей же еще... – пожал плечами князь и усмехнулся. – У вас служат, с вашего жалованья кормятся, стало быть, ваши и есть.

– Охренеть. Без меня меня женили, – тихо пробормотал я и уже громче договорил: – Хорошо, Владимир Стоянович, оставим пока этот разговор. Тем более что вы ведь так и не ответили на мой вопрос, ваше сиятельство.

– Работают, работают наши исследователи, – отмахнулся Телепнев. – Уж и подвижки кое-какие имеются. Правильно Хельга Милорадовна методу выбрала. Пока вы с Бусом Ратиборовичем сферу сворачивали, она ее изучала. Жаль, в точности повторить сей феномен невозможно. По крайней мере, так считают исследователи.

– То есть все зря? – Кажется, мне сейчас поплохееет.

– Ну что вы, право! Конечно нет. Пусть пока нет спосо-

бов воссоздать «хрустальную сферу». Но! Увиденное помогло открыть очень интересное и, что значительно важнее, полезное направление. Я не специалист в естествознании, но сам факт того, что в ближайшем будущем мы сможем СОЗДАВАТЬ тонкие тела, а не только видоизменять уже существующие от рождения, для каких-то конкретных нужд, это, знаете ли, дорогого стоит. Даже если смотреть только с точки зрения моего ведомства, то сфера применения таких искусственно созданных оболочек поражает воображение. Так-то, Виталий Родионович. Сами того не подозревая, вы стали маленьким камешком, вызвавшим целый камнепад в естествознании...

Ну кажется, началось. Сейчас этот ушлый князь будет ездить мне по ушам, доказывая, что теперь моя жизнь будет в опасности, поскольку конкуренты непременно захотят прикоснуться к такой интересной теме и могут начать охоту на несчастного иномирца.

– Ладно, Виталий Родионович, я ведь к вам буквально на минутку зашел, проведать. Дела, дела, – опроверг все мои ожидания Телепнев, сворачивая разговор. – Уж простите меня за столь краткий визит.

– Да что вы, Владимир Стоянович, я все понимаю. Как-никак, время-то рабочее, не так ли. Спасибо, что выкроили хоть минуту, – проговорил я. Князь покивал, мол, верю-верю.

– Ну что ж, тогда до встречи. Надеюсь в следующий раз

увидеть вас уже совершенно выздоровевшим. И... Виталий Родионович, примите мой совет. Как почувствуете сколько-нибудь значимое улучшение самочувствия, загляните к нашим исследователям. Думаю, они будут рады помочь вам научиться следить за вашими тонкими оболочками. – Теплев усмехнулся и вышел.

Да, сделал меня старый лис. Конкретно, как сопливого. Для него-то все мои эмоции теперь как открытая книга... С другой стороны, а что я ожидал? Что на такой должности окажется дедушка – божий одуванчик, не видящий дальше своего носа? Ой, сомневаюсь. Может, конечно, местные спецы и недотягивают немного по классу до моих соотечественников, но и считать их полными лохами – занятие крайне вредное для здоровья. Ну что ж, будет мне на будущее урок. Если доживу, конечно, до этого самого будущего. А сейчас попытка номер два. И на этот раз попробую воспользоваться своими «новыми» возможностями.

Пара «жгутов» уперлась в пол, и я попытался встать на ноги. Дохлый номер! Стоило только опереться на эти щупальца, как они попросту исчезли. На втором дубле я сотворил более мощные щупы, и они так же исчезли, едва я сделал первый шаг. Еще и полыхнули так, что вспышка была заметна невооруженным глазом. Странно, ручку входной двери я нажимал без всяких проблем... В чем причина?.. А вот Лада удержалась от падения совершенно другим способом. Ее ментальная конструкция больше была похожа на сплетенную

из таких же жгутов подушку... И их было чертовски много! Может, дело в том, что у пары щупов просто не хватает плотности для большого веса? Тогда понятна и вспышка. Это неизрасходованная энергия, высвобожденная с разрывом жгутов, преобразовалась в свет. Страшно подумать, что было бы, если бы я накачал щупы по максимуму! Никакой динамит изобретать не надо... И что мне делать?

Идея передвижения с помощью ментальной силы так меня захватила, что я и забыл, зачем это затеял... Пока организм не напомнил острым желанием повстречаться с унита-зом. Непреодолимым, можно сказать, желанием. В ту же секунду десяток щупов, уперевшихся в пол, подбросили мое тело вверх и вперед. В один гигантский прыжок я оказался у заветной двери, нехило приложившись к ней лицом. Но, право, это такие мелочи! Зато теперь я, кажется, понимаю, каким образом делаются по-настоящему великие открытия. Как говорилось в одном известном фильме: «Жить захочешь, еще не так раскорячишься!»

Решив проблемы физиологического характера, я облегченно вздохнул и, пользуясь ментальными жгутами, как костылями, эдакой осьминожкой выбрался в гостиную. Видок у меня наверняка был тот еще! Да я и сам не удержался от нервного смешка, увидев в висящем над камином зеркале, как выглядит мое передвижение со стороны. Страшноватое зрелище, доложу я вам. Нечто среднее между подергиваниями сломанной марионетки и движениями зомби из голли-

вудских ужастиков.

Аккуратно доковыляв до кресла у камина, я рухнул в него и только потом сообразил, что раз я сюда добрался, то неплохо было бы взять что-нибудь почитать... Хм. Продолжим тренировку. Мгновенно сформировавшийся щуп дернулся к книжным полкам, пробежался по корешкам книг (видеть с помощью этой «ложноножки» – весьма странное ощущение, надо сказать), и вот у меня на коленях уже лежит знакомый томик записок Хейердалла. В отражении зеркала это действие выглядело донельзя фэнтезийно. Ну да, «...и могучий маг, не пошевелив и пальцем, слевитировал нужный гримуар...» Да уж! Кажется, медитация повлияла на меня самым печальным образом. И ладно бы перед девушкой какой выпендривался, так нет, «самолюбуюемся», блин... Аллес. Кажется, к диагнозу «кобелизм» пора добавить «нарциссизм»... Я ухмыльнулся своему отражению и принял горделивую позу. В этот момент дверь, ведущая на лестницу, отворилась, и в проеме появилась Лада.

– Ой! Виталий Родионович, а как вы... – Девушка на мгновение стушевалась, но тут же приняла обычный вид. – Может, желаете откусать? Лейф как поговорил с Мекленом Францевичем, так сразу к плите и встал. Он там, наверное, уже на целый полк еды наготовил.

– Все что есть в печи, все на стол мечи. – Я демонстративно облизнулся, чем вызвал на лице Лады улыбку. Мой желудок предвкушающе заурчал. Кажется, для него недавний

завтрак уже стал древней легендой. Ну и ладно. Мне доктор прописал много-много кушать. А докторов надо слушаться. По крайней мере, иногда, правильно?

Услышав мое присловье, Лада опрометью понеслась обратно на кухню. А я переместился за стол, и к моменту ее возвращения мое благородие уже с тоской взирало на пустую столешницу, укрытую белоснежной скатертью.

После обильного и сытного обеда с тонкими, «кружевными» блинами, стерляжьей ухой и пирогом «в четыре угла», я почувствовал неожиданный прилив сил и, почти не помогая себе ментальными жгутами, отправился в крыло исследователей. Уже на лестнице было заметно усиление режима безопасности. Охранители начали встречаться на каждом углу, так что до знакомого кабинета я дошел, будучи расстрелян подозрительными взглядами, от которых не спасало даже удостоверение. А у дверей в кабинет оно и вовсе «отказало». Уже у самой вотчины исследователей проекта «Лед» меня тормознули два дюжих охранителя и, выдвинув вперед массивные челюсти, в унисон рявкнули: «Не велено!» Не знаю, что бы я делал, если бы на этот грохот камнедробилок не выглянул Берг. Смерив синемундирников гневным взглядом, он буркнул: «проходите», и охранители тут же подались в стороны. Все исследователи проекта, к моему удовлетворению, оказались в сборе.

– Здравствуйте, господа... Хельга. – Я отвесил барышне отдельный поклон и, с удовольствием заметив, что мне здесь

рады (исследователи не посчитали нужным скрывать от меня свои эмоции), попытался расспросить их о ходе работ. Но нарвался на такой вал абсолютно незнакомой мне терминологии, что почти тут же перестал понимать, о чем идет речь, и сдался. – Господа философы, остановитесь на мгновение и вспомните, что у меня нет степени по естествознанию! Будьте проще, и люди к вам потянутся.

– Простите, Виталий Родионович. Увлёклись, – первым опомнился Берг. А следом и остальные смущенно заулыбались. – Если вкратце, то все у нас получилось как нельзя лучше. Сейчас мы уже начали работать над примерной моделью тонкой оболочки, которая могла бы взять на себя некоторые функции ментального тела и поддерживать их самостоятельно. Его сиятельство возлагает большие надежды на это начинание.

– Я рад, что все, что мы с вами претерпели, не прошло зря и принесло пользу науке. – Вот опять Берг покраснел. Что я опять не так... наука? Стоп. Ну конечно! Наука – это пар и телефонная связь, а ментал и тонкие тела – это естествознание. И здесь философию за науку не считают. Ну понятно, в «моем» мире, там, у противников есть веский аргумент: сами философы не могут прийти к единому мнению, что является предметом их изучения. Но здесь-то такого нет! А спор все тот же...

Ладно. Буду считать, что одной тайной в моей жизни стало меньше. А теперь надо раскрутить моих «розыслов» на

ликбез по правилам пользования открытыми ими способностями. А то они, понимаешь, нагадили, а мне разбейся! Не пойдет. Будут учить, куда они денутся?

И не делись. Нет, особого восторга моя просьба не вызвала, но и отказываться от этого бремени никто из исследователей не стал. Так что я получил сразу пять наставников... и все бесплатно. Ну хоть какой-то плюс на кладбище моих интересов...

Глава 9

Учение – свет, а неученых тьма

Скрывать мысли и эмоции оказалось не труднее, чем следить за выражением собственного лица. Так что уже через пару дней я мог не опасаться шуточек Лады. Правда, как пояснил тот же Берг, применяемый мною способ контроля относится к простейшим. То есть если содержимым моей черепушки заинтересуется знающий и умеющий человек, то его эти щиты не задержат даже на мгновение... что не мешает подавляющему большинству обывателей останавливаться на этом этапе. Ну обывателям, может, такого уровня и достаточно, а вот мне хочется большего.

– Понимаю, Виталий Родионович, – покивал Берг, услышав мои рассуждения. – В свое время все мы выбрали стезю естествознания, именно потому что посчитали для себя невозможным не знать пределов своих сил. Бус Ратиборо-

вич...

– Слушаю вас, господа, – тут же возникший, как по ма-
новению волшебной палочки, невозмутимый исследователь
вопросительно посмотрел на Берга.

– Бус Ратиборович, не могли бы вы продемонстрировать
нашему коллеге несколько приемов для защиты разума от
умышленных воздействий?

– Буду рад помочь. Виталий Родионович, пройдемте в со-
седний кабинет. Здесь шумно, нам будут мешать. – Бус да-
же не сделал вид, будто расстроен тем, что его отвлекли от
работы. Просто кивнул, выслушав задание начальника, и на-
правился к двери, ведущей в соседний кабинет. Поразитель-
ный организм.

– Виталий Родионович, – холодным тоном заговорил Бус,
едва закрылась дверь, отрезая нас от остальных исследова-
телей. – Прошу вас, присаживайтесь в кресло, и начнем.

– Я вас не отвлекаю, Бус Ратиборович? – уточнил я.

– Нисколько, – покачал он головой. – Я, видите ли, боль-
ше практик, нежели теоретик, в отличие от моих коллег. И
необходимость в моем участии на данном этапе исследова-
ний не так велика, как мне бы того хотелось. Начнем, пожа-
луй. Виталий Родионович, скажите, вы слышали об «оград-
никах»? Да? Замечательно. Так вот, основные типы защит от
чужих воздействий на разум строятся по тому же принципу
лабиринта. Например, вот такая схема может послужить хо-
рошей основой при возведении щита...

Бус развернул перед моим мысленным взором картинку, часть которой находилась в постоянном движении, ее линии словно перетекали из одной в другую, образуя все новые и новые узоры. Это действительно походило на лабиринт... живой лабиринт.

– Пусть вас не пугает кажущаяся сложность этой схемы, – правильно понял мой недоумевающий взгляд Бус. – Нет совершенно никакой необходимости запоминать все эти линии, углы, пересечения и прочее. Как только начнете работать над собственной защитой, сами поймете. А теперь давайте попробуем построить нечто подобное.

И опять медитации...

К обеду я был в состоянии, которое легче всего охарактеризовать одним словом: «заблудился». Перед моим внутренним взором то и дело мелькали самые разные части растущего под присмотром Буса мысленного лабиринта, а в голове поселился пульсирующий гул, с каждым ударом которого этот лабиринт как-то неуловимо менялся. Ощущения, словно мне голову песком набили...

– Виталий Родионович, как вы себя чувствуете? – Голос исследователя вернул меня в реальность. Я тряхнул головой и уставился на Буса.

– Скажите, а этот вот... лабиринт, он теперь так и будет у меня в голове болтаться? Не очень-то комфортные ощущения, знаете ли.

– О, не волнуйтесь, господин Старицкий, – чуть улыбну-

ся Бус. – Не могу сказать, что эта тяжесть исчезнет через полчаса, но уже к вечеру вы будете чувствовать себя вполне сносно. А за ночь, во время вашего сна, защита уплотнится и к утру станет, так сказать, на «боевой взвод».

– Вы меня утешили, Бус Ратиборович, – вздохнул я. – И что, это действительно такая эффективная защита от чужих воздействий?

– Ну как вам сказать... – Исследователь нахмурился. – Понимаете, Виталий Родионович, идеальной защиты от чужих воздействий не существует... Возьмем, к примеру, вашу «хрустальную сферу». Проломить ее невозможно, вскрыть каким-либо иным способом нереально... Вроде бы вот и идеальная защита? Но нет. Находясь под ее действием, вы сами оказываетесь неспособны работать с менталом. Точно так же и у любой иной защиты имеются свои плюсы и минусы. Вот «лабиринт», строительством которого вы сейчас заняты. Для того чтобы обойти его и проникнуть в защищаемую область, понадобится не меньше полугода времени и как минимум трое-четверо очень сильных манипуляторов.

– А если нанести мощный ментальный удар? – поинтересовался я.

– Ну, Виталий Родионович... – протянул Бус. – Я же упоминал об «оградниках». Принцип тот же. Только оберег призван гасить и возвращать владельцу энергию, выплескиваемую им вовне, а лабиринт действует в обратную сторону, не пропуская воздействия извне. Кроме того, вы же обратили

внимание на подвижность защиты? Так вот, пытаться ее пробить – все равно что сечь плеткой море. Круги пойдут, но вода-то от этого не исчезнет... Понимаете?

– Образно. Но вполне понятно, – согласился я. – И все же, Бус Ратиборович, существуют ли еще какие-то способы защиты?

– Разумеется. – Бус вскочил с кресла, в котором сидел во время моей медитации и нашей беседы, и, заложив руки за спину, принялся наворачивать круги по комнате. – Способов защиты великое множество. Есть постоянные, как тот же лабиринт, моментальные, то есть выставляемые непосредственно в момент воздействия, а есть, например, «спящие» – такие щиты объединяют в себе оба предыдущих типа защит.

– Это как?

– Это просто, – пожал плечами Бус. – Скажем так, постоянно действует не сам щит, а лишь его тревожная часть. Стоит только чужому воздействию затронуть ее, как защита реагирует, выстраивая моментальный щит. Понятно?

– Хм, а к чему такие сложности, Бус Ратиборович? – медленно проговорил я. Не то чтобы я этого не понимаю, нет. С логикой я дружу, по крайней мере, иногда, но мне нужно, чтобы Бус увлекся темой и не вздумал увильнуть, когда я попрошу обучить меня и этим способам защиты.

– Ну как же! Ведь воздействия могут быть самые разные, Виталий Родионович, в том числе и не имеющие целью выживание чужих знаний или идей. Потому не все щиты на-

целены на защиту памяти, мыслей или эмоций. Есть и такие, что предназначены для защиты материального тела, здоровья владельца. Отсюда и разнообразие щитов. Скажем, «лабиринт» не спасет, если противник решит отрезать вам «воздушным лезвием» ногу. Зато вовремя выставленная «алмазная сеть», рассеивающая действие многих секущих воздействий, запросто справится с защитой ваших конечностей. И вот тут мы и подходим к смыслу деления защит на постоянные, моментальные и «спящие». Во время долгого боя лучше, конечно, иметь постоянно вывешенную «тяжелую броню», чтобы не отвлекаться на противодействие чужим манипуляциям. А вот в короткой открытой стычке моментальные щиты предпочтительнее, поскольку строятся с учетом конкретных воздействий противника. С другой стороны, постоянно находиться в состоянии готовности к отражению атак невозможно, и здесь очень помогают «спящие» щиты. Они могут быть какой угодно сложности, но обычно достаточно просты и нацелены на предупреждение и отражение самых первых, неожиданных воздействий.

– Однако. А что это за «секущие» воздействия, Бус Ратиборович? – протянул я.

– Ох, Виталий Родионович... Ну это совсем не вовремя, – покачал головой исследователь, вдруг начиная нервничать. – Боюсь, что я не смогу удовлетворить вашу любознательность в этом вопросе, по крайней мере, до тех пор, пока не получу соответствующих санкций от его сиятельства.

– Да полно вам, Бус Ратиборович! Я же не прошу вас научить меня этим вашим воздействиям. А вот узнать о них, какие да зачем, и научиться защищаться, это же совсем другое дело!

– И не уговаривайте, Виталий Родионович. Сие только лишь с позволения князя Телепнева. Иначе никак, – развел руками Бус.

– Ну... на нет и суда нет, – вздохнул я и перевел тему, вспомнив о распоряжениях, отданных с утра Лейфу и Ладе. – А что, Бус Ратиборович, не пойти ли нам пообедать? Должно быть, и коллеги ваши не против будут.

– Да... Знаете, Виталий Родионович, нам же все приносят, – как-то вдруг смутился Бус. – Конечно, не от Гавра и даже не из «Летцбурга», но очень неплохие кушанья.

– То-то я смотрю, ваша компания такая вся похудевшая, – покивал я, окидывая собеседника недовольным взглядом. – Можно подумать, что это вы неделю в коме провели, а не я. Нет, Бус Ратиборович, решено. Через полчаса жду вас вместе с остальными исследователями у себя.

– Но как же... – Парень на мгновение замолчал, но почти тут же улыбнулся и открыл дверь в кабинет исследователей. – Благодарю за приглашение, Виталий Родионович. Будем непременно.

– Вот и славно. – Я кое-как выбрался из кресла и двинулся к выходу в коридор. Привычно шарахнувшись от охранителей в синих мундирах, сверливших меня подозрительны-

ми взглядами, я направился в сторону лестницы. Очень мне хотелось повидаться с князем. Да видно не судьба. Их занятное сиятельство в очередной раз куда-то усвистал, так что пришлось отложить вопрос моего углубленного обучения на неопределенное «после обеда»... Почему неопределенное? Да потому, что наш начальник имел знакомую мне еще по тому миру привычку власть имущих. То есть, уехав обедать, запросто мог вернуться в присутствии только на следующее утро.

В общем, будем ждать. С этой мыслью я и вернулся в «свой» флигель, где с удовольствием втянул носом дразнящие ароматы, неизвестно как долетающие с первого этажа, и в предвкушении хорошего обеда уселся у камина с книгой и папиросой. Бесшумно появившаяся Лада тут же поставила на столик рядом с моим креслом одинокую чашку обжигающего, черного кофья (ну не виноват я, что здесь его называют именно так) и принялась за сервировку стола.

– Ваше благородие... – Я поднял глаза на застывшую передо мной экономку и печально вздохнул. Лада, прекрасно поняв причины моей грусти, отчаянно покраснела. – Извините, Виталий Родионович. Стол сервирован на шесть персон. Прикажете открыть вина или пусть подождет с четверть часа?

– Да, думаю пора, пусть подышит. – Я глянул на каминные часы. – И не забудь беленькую охладить.

– И что за интерес вам в этой горечи? – тихо пробурчала

Лада, скрываясь за дверью. «Немецкие привычки», как называет их Лейф. Я не сдержал улыбки. Спор между братом и сестрой о правилах подачи блюд на стол всегда сводился к одному и тому же. Лада была готова к каждому салату подавать новое вино и напрочь игнорировала водку, а Лейф, наоборот, был самого низкого мнения о винах, но при этом приходил в ярость, не обнаруживая на столе рюмки прозрачного аперитива.

Не прошло и четверти часа, как исследователи пожаловали в гости. Встречая их, я выглянул на галерею и покачал головой. Такое впечатление, что ко мне во флигель пожаловала вся Особая канцелярия, по крайней мере вся ее обмундированная служба. В галерее было не протолкнуться от синих мундиров охранителей. Эх как берегут исследователей, а!

Обед, впрочем, как и всегда у Лейфа, был вкусен и очень обилен. Исследователи, кажется, готовы были проглотить блюда вместе со столовыми приборами и салфетками. И я могу их понять. Все-таки хороший обед не чета перекусам холодным сухпаем из ближайшей забегаловки... Вот пусть и наслаждаются, а там, глядишь, подобрают, авось я с них еще какие-нибудь нужные знания стрясу...

– Нет, Виталий Родионович, никак не могу, – покачал головой Берг, едва мы устроились с ним подымить у окна. – Прошу вас не обижаться. Я действительно не могу вас научить боевым воздействиям. Просто потому, что ни я, ни мои коллеги с ними не знакомы. Понимаете? Точно так же

обстоит дело и с защитой. Мы не можем придумать защиту от оружия, с действием которого незнакомы.

— А от знакомого оружия? — Я решил не отступать. Берг в раздумье тронул себя за губу. — Например, от пули.

— О! — Начальник проекта рассмеялся. — Виталий Родионович, вы мне сейчас напомнили меня самого, на первом курсе. Я точно так же был уверен, что менталу покорно все на свете! Увы, Виталий Родионович, увы, но это не так. Да, можно с помощью некоторых щитов уберечь тело от удара клинка, но вот от пули... Это вне наших сил, знаете ли... Слишком велики скорости у этих маленьких стальных ос. Так-то. Впрочем, если после моих слов ваш пыл не угас, я вполне могу научить вас некоторым приемам защиты от ударов клинком или дубинки. Не вижу в этом ничего противозаконного.

— Договорились, Берг Милорадович, договорились. — Я довольно покивал, старательно скрывая недоумение от иных слов своего собеседника. Кстати о клинках... А ведь меня сегодня еще ждет тренировка в зале с одним очень любопытным экземпляром охранителя.

Выпроводив гостей, я переоделся в более свободный костюм и двинулся в спортзал. М-да, ничего глупее, чем занятие спортом на сытый желудок, и придумать было невозможно. Впрочем, кажется, я не одинок в своей глупости... Стоило мне войти в холл при спортзале, как я почуял в воздухе нежный аромат буженины, а в углу обнаружился очеред-

ной синемундирник, с аппетитом наворачивающий огромный бутерброд, запивая его чаем из стакана в тяжелом под-
стаканнике. Пожелав охранителю приятного аппетита и получив в ответ благодарный кивок (хорошо еще он догадался ничего не говорить, с набитым ртом у него вряд ли вышло бы что-то толковое), я заглянул в зал. Пусто. Такое впечатление, что про это помещение вообще все забыли. Хотя еще сегодня утром здесь было довольно много народа, в том числе и абсолютно лишнего, на мой взгляд. И откуда здесь берутся все новые и новые «бойцы», желающие проверить меня на крепость? Ведь вроде бы каждые два дня, на тренировке, устраиваю показательное «избиение» кого-нибудь из охранителей, пора бы понять, что я им не по зубам. Так нет! Все с той же периодичностью обязательно находится какой-нибудь придурок, считающий, что уж он-то точно уложит меня на лопатки. Настырны-ые! М-да. Интересно, и где же обещанный мне тренер по фехтованию?

– Извините, это вы Виталий Родионович? – Низкий голос за моей спиной заставил меня подпрыгнуть на месте. Я обернулся. Никого, кроме давешнего охранителя, уминавшего бутерброд. Синемундирник кашлянул в кулак, расправил шикарные, подернутые сединой вислые усы и поднялся со стула, сжимая в руке продолговатый сверток. – Так как, я не ошибся?

– Не ошиблись. А вы?

– Старший охранитель Бережной, – щелкнул каблуками

синемундирник, вытягиваясь «во фронт».

– Э-э. А по имени-отчеству? – Я несколько опешил.

– Так это... Тишило я... Ну Тихомир. А по отчеству лучше не надо, непривычный я, – выдавил охранитель. Вот дела! Здоровый дядька, явно под полтинник, и обращение по отчеству ему непривычно!

– И все же, Тихомир. Как вас по батюшке величать? – настаивал я.

– Храбрович, – буркнул он.

– Вот и ладно, Тихомир Храбрович. Я так понимаю, вы и есть обещанный мне князем учитель по фехтованию? – Я снова распахнул дверь в спортзал.

– Точно так, – степенно кивнул охранитель, расправляя усы и шагая следом за мной. На пороге зала синемундирник замер, окидывая помещение изучающим взглядом. – О! Неплохо. И места вдосталь.

– Рад, что вам пришлось по вкусу, – усмехнулся я. Интересно, а что он раньше здесь никогда не был, что ли?

– Да как сказать, – протянул охранитель. Оказавшись в зале, он явно почувствовал себя в родной среде. – Только то и хорошего, что места много. А в остальном... И света мало, и огорожок никаких. Ладно, на первых порах и того, что есть, хватит, а там что-нибудь придумаю. Ну что, ваше благородие, начнем?

И мы начали. Для начала Тихомир всучил мне нечто, что должно было изображать длинный нож: тяжелую деревяш-

ку с измазанной углем «режущей кромкой». Ну худо-бедно с ней я управился, продемонстрировав своему тренеру несколько ударов, целью для которых послужила единственная «груша» в зале. Все же обычный тактический нож мне как-то привычнее. Тихомир посмотрел на мои телодвижения, понимающе покивал, покрутил ус и заменил «нож» на «саблю». Это уже не деревяшка, это три кило тупого изогнутого железа отвратительного качества, которые чуть не вернули мне кисть!

– Извините, Тихомир Храбрович, но эта вещь мне незнакома, – честно признался я. Мой тренер задумчиво хмыкнул и, кивнув каким-то своим мыслям, встал рядом со мной.

– Левую ногу назад, упор на нее, правую руку вперед на уровень груди...

Я проклял всё! Нет, не так. Я ПРОКЛЯЛ ВСЁ! Этот садюга вымотал меня до полного изнеможения. Так меня не гоняли даже в учебке... И ведь умом понимаю, что так и должно быть, что боль в мышцах от необычных нагрузок и суставах, приучаемых к новым движениям, неизбежна, но как же хочется кого-нибудь убить! А еще больше хочется завалиться в постель и чтобы ни одна тварь меня не трогала минимум сутки!

Наконец тренировка закончилась, и я поплелся к выходу из зала в сопровождении сердобольного садиста-тренера. По пути к вестибюлю я узнал о своем новом знакомом пару интересных вещей. Оказалось, что сей охранитель – бывший

профессиональный дуэлянт. И попал на службу в Особую канцелярию именно из-за своей профессии. Убил на хольмганге кого-то не того, и быть бы Тишиле Бережному каторжанином, если бы не заступничество прежнего главы Особой канцелярии, предоставившего влипнувшему в неприятности дуэлянту выбор. Либо каменоломни, либо синий мундир и достойный пенсион по выслуге. Вот так и оказался гроза хольмгангов учителем для всяких оборотов, «кои, кроме дреколья в руках ничего путного не держали». Определили ему небольшое подворье на Плотницком конце, туда и ходят синемундирники для постижения науки нарезания ближнего своего аккуратными ломтиками. А вот сегодня, вишь, попросили самого явиться в канцелярию.

– Так что, Тихомир Храбрович, выйдет что толковое из нашего фехтования, как думаешь? – поинтересовался я у охранителя, когда мы уже вышли в вестибюль.

– А почему не выйдет? Выйдет. Я ж вижу, вы, ваше благородие, со сталью знакомы не понаслышке. Понимание, что кусок железа с плотью человеческой наделать может, имеете. Ну так это самое главное и есть. Ежели понимание имеется, ухватки что мясо нарастут, – прогудел охранитель. – Вот только одно скажу. Про фехтование более при мне не упоминайте. Я вас не красотостям и состязательному манеру учить буду, а как врага саблей иль палашом сподручней на тот свет спровадить. Ясно?

– Ясно, Тихомир Храбрович, – кивнул я. Ой интересный

дядька, ой интересный!

— Ну а коли ясно, то и ладно, — кивнул охранитель. — Завтра после обеда подойду. Продолжим урок. А сейчас покойной ночи, Виталий Родионович. Девятый час, пора и мне до дому. Уж поди и жена заждалась.

— До завтра, Тихомир Храбрович, до завтра. — Я расклялся с охранителем под удивленным взглядом дежурного и направился во флигель, где меня ждал очередной том записок Хейердалла, горячий чай со сладостями и кресло у растопленного камина.

Утро встретило меня уже привычными булочками и кофеом в исполнении Лады, после чего, пребывая в замечательнейшем настроении (даже тянущая боль в суставах почти не раздражала), я привел себя в порядок и отправился за очередной порцией знаний к исследователям.

Надо сказать, что Берг сдержал-таки свое слово и поделился способами защиты от колюще-режущих предметов. В том числе и от тех, что запущены умелой рукой в полет. Принцип оказался незамысловат. При соприкосновении клинка с ментальным щитом последний так уплотняет воздух вокруг защищаемого, что перед тем как достичь тела, клинку, оказывается, необходимо преодолеть преграду, сравнимую по упругости с двадцатисантиметровым слоем плотной резины. И вот тут я не понял, а что мешает таким же образом остановить пулю? Берг говорит, что мешает скорость. Иначе говоря, щит просто не успевает сра-

батывать и уплотняет воздух тогда, когда пуля уже пролетела... то есть достигла цели. Пробовали растягивать границу действия щита. Бесполезно. Если тревожный радиус меньше двух метров, щит не успевает сформироваться, если больше... то это просто неудобно, к тому же щит срабатывает на любой, влетающий в этот радиус предмет больше или меньше определенной массы. А таким предметом может оказаться что и даже кто угодно. В общем, громоздко это все и неэффективно. Естественно, что такой результат никого не устраивает. Хм... Надо подумать. И поэкспериментировать... Так. Где там мой список разрешенного к ношению оружия? Точно. Сейчас возвращаюсь во флигель, штудирую список, а потом вперед на поиски приличного оружейного магазина. Думаю, моих средств должно хватить на покупку чего-нибудь громко стреляющего.

– Виталий Родионович, думаете, вы единственный, кого захватила эта проблема? – попытался урезонить Берг, заметив мечтательное выражение моего лица. – Поверьте, это не так. Каждый, каждый, кто хоть раз сталкивался с поздней реакцией воздушного щита, пытался решить эту задачу. И как вы понимаете, безуспешно.

Я согласно покивал и, толком не дослушав исследователя, рванул на выход. Мне кажется, задачка вполне может быть решена. Если защита будет реагировать не на саму пулю, а, допустим, на характерную вспышку или звук затвора... В общем, есть над чем подумать. Хех. Не хотелось бы, правда,

опаздывать на тренировку с Тихомиром, но интересно же!

Часть 2

Глава 1

На свободу с чистой совестью

После того, как я окончательно оклемался от последствий жутковатого эксперимента с «хрустальной сферой», жизнь моя некоторым образом устаканилась, я даже пару раз выезжал в город на прогулку. Ненадолго, правда. Но тут уж ничего не поделаешь, Телепнев настоял на том, что мои прогулки не будут длиться больше трех-четырёх часов. «Во избежание всяческих неприятных неожиданностей», как было мне сказано князем. Прежний бешеный ритм жизни приказал долго жить. Не стало ежедневных авралов и многочасовых медитаций у исследователей, хотя я и продолжал навешиваться к ним каждое утро в попытках вызнать что-нибудь полезное. Правда, процесс был обоюдным. Я терзал Буса и Берга на предмет новых знаний, а Хельга с Олафом и Ярославом то и дело требовали, чтобы я то свернул, то развернул свою блокировку под их присмотром. Эта, с позволения сказать, работа длилась примерно до обеда, компанию в котором мне частенько составляли исследователи, а порой и иные сотрудники канцелярии, среди коих у меня как-то незаметно образовалась уйма знакомых, с которыми

при встрече надо было как минимум раскланяться, а то и переброситься парой слов «о погоде, о семье». А уж охранители, недавно сверлившие меня подозрительными взглядами, теперь при встрече с отменным рвением козыряли моему благородию. А как же! По распоряжению князя каждый синемундирник обязан был посещать спортивный зал не реже трех раз в неделю и «с усердием перенимать боевые ухватки у его благородия Старицкого». В общем, превратил-таки меня князь в тренера для своего «спецназа»... М-да. Конечно, до современных мне «спецов» этим медведям еще пилить и пилить, но они старались, как и предписано было в приказе, с усердием перенимали ухватки, несмотря на то что учил их явный штатский. И это при том, что отношение военных и прочих обмундированных к «шпакам» во все времена было, скажем так, несколько снисходительным. Правда, истины ради стоит отметить, что некоторые из моих новоявленных учеников с удовольствием оставались в зале по окончании тренировки. По-моему, им доставляло немалое удовольствие наблюдать за тем, как злобного тренера, еще полчаса назад устраивавшего им веселую жизнь, гоняет их же собрат-охранитель. Надо отдать должное Тихомиру, зрителей он шугал в том же стиле, в каком вбивал в меня умение махать острым железом. Иначе говоря, не успевшим вовремя слинять, нехило прилетало дубинкой, с которой Тишила, по-моему, не расставался вовсе, после чего неудачникам вручались дрыны, изображавшие нечто длинноклинковое, и на-

чиналась потеха. К моему величайшему удивлению, далеко не каждый охранитель мог похвастаться мастерством фехтовальщика, так что доставалось им от Тишилы по полной программе. Когда же я рискнул поинтересоваться у знакомого мне по «банному делу» поручика, в чем причина столь низкой подготовки охранителей, тот лишь пожал плечами.

— А с кем моим орлам рубиться, Виталий Родионович? Наши противнички и сами-то частенько сабли в руке не держали, а ежели дойдет до смертоубийства, так здесь табельный «Сварскольд» куда как сподручней. Да и перечить под его угрозой мало какой лиходея осмелится, — объяснил поручик, оставив меня в легком недоумении. Ну в самом деле, на кой тогда синемундирники вечно таскают с собой по полтора килограмма на фиг им ненужной стали? Понты?

На фоне всей этой физкультурной пасторали мои достижения в естествознании выглядели куда как бледнее. Сложно сказать, в чем была причина этого перекоса. Может, ученик моим исследователям попался куда худший, нежели испытатель, а может, просто все эти ментальные выверты не для меня? Черт его знает. Но если в плане исследований все у нас шло как по маслу (я настропалился чуть ли не мгновенно раскрывать и сворачивать блокировку, а розмыслы и вовсе принялись за создание первых рабочих образцов искусственных оболочек), то моя возня с защитой от пуль, например, буксовала со страшной силой.

Нет, с самой защитой все было неплохо. Показанная Бер-

гом схема, уплотняющая воздух вокруг объекта, вполне эффективно останавливала любой попадающий в область ее действия предмет. Отвратительно было со временем ее постановки. Сначала я пытался привязать ее к звуку выстрела. Облом. Несмотря на всю архаичность местного оружия, пули, из него выпускаемые, звуковой барьер преодолевали без проблем. Единственное, что удалось сделать в этом плане, это заставить реагировать защиту на звук взводимого курка (за неимением в местных короткостволах затворов, о звуке которых задумывался... Местные пистолы оказались все поголовно револьверного типа, или барабанники, как их принято здесь называть, о чем я узнал, лишь посетив оружейный магазин. Счастье еще, что князь выделил десяток табельных «Сварскольдов» для обкатки в подвальном тире). Но такая защита не без изъянов. Несмотря на то что я постарался, насколько это возможно, увеличить разрешающую способность тревожной части защиты, с тем чтобы она могла отреагировать на нужный звук, даже если он будет заглушен какими-то шумами, по-настоящему чуткой «тревожка» так и не стала, да и больно ненадежен был этот способ. Достаточно сказать, что если мимо проедет «лихач» и в то же время какой-нибудь супостат, в паре десятков шагов от меня, взведет курок своего «Тиссо», защита его прошляпит... Грустно. Плюнул на это дело и взялся за отработку иных вариантов. Второй способ показался мне куда интереснее, по крайней мере скорость света куда выше скорости звука и уж

однозначно выше скорости полета местных пуль... На пробу я отстрелял несколько коробок патронов разных марок и долго-долго морочил себе голову тем, как вбить параметры вспышек от выстрелов в тревожную часть защиты. Пока не догадался выставить своеобразные «вилки», определяющие верхние и нижние значения. Количество «датчиков» удалось уменьшить чуть ли не на порядок, но все равно защита получилась громоздкой, с чрезмерно развитой тревожной частью, выглядящей в мысленном взоре как покрывающие всю тонкую оболочку иглы ежика, заканчивающиеся небольшими раструбами. Самое паршивое, что, находясь под такой защитой, даже раскинуть простейшую сеть познания оказалось чертовски тяжело. Да что там сети, если воспользоваться щупами, чтобы вытащить с полки нужную книгу, и то стало почти неподъемным делом.

У меня совсем было опустились руки от этих неудач, когда результат деятельности моего ущербного разума попал на глаза хмурой Хельге, только что получившей грандиозный разнос от князя за болтовню об исследованиях, проводимых ее командой, в неподобающем месте. Пообщалась с коллегами из университета, называется. Собственно, чтобы вывести барышню из депрессии по поводу несправедливости жизни вообще и начальства в частности, я и продемонстрировал ей свое творение. Увлекающаяся натура рыжей исследовательницы, как я и ожидал, тут же переключилась на оценку увиденного. В отличие от брата, Хельга не стала

твердить, что создание защиты от пуль невозможно...

– В этом что-то есть, Виталий, – задумчиво протянула рыжая исследовательница, не спуская глаз с результата моей работы. – Конечно, тяжело на вид, и вряд ли возможно приспособить твою задумку в качестве обычного щита... Но вот если совместить с нашей разработкой, то может и выйдет что-то толковое.

– С какой разработкой? – не понял я.

– Как это? С искусственной тонкой оболочкой, разумеется, – пожала плечами Хельга. – Зададим ей нужный вид, и готово. Основная проблема-то с твоей защитой в ее громоздкости. То есть твое ментальное тело вынуждено чуть ли не напрямую управлять всем этим кошмаром. А если мы встроим эту функцию в созданную оболочку, то естественное тело будет разгружено и сможет выполнять иные задачи, не отвлекаясь на контроль защиты... Только объясни, пожалуйста, зачем тебе понадобилось так много чувствительных окончаний? Не проще было обойтись хотя бы десятком?

– Может, и проще, – вздохнул я. – Только у меня не получилось создать окончания с большим диапазоном принимаемых сигналов. Пришлось брать количеством. Какие-то из них «видят» только вспышку барабанника «Барринса», к примеру, а какие-то реагируют только на отраженный свет от выстрела, зато чуть ли не любого короткоствольного оружия.

– Будет много ложных срабатываний, – утвердительно заметила Хельга.

– Ну-у, не так уж и много. По расчетам получается одно ложное срабатывание на десять оправданных.

– А это не много? – Хельга вздернула бровь, но тут же кивнула. – Впрочем, наверное, ты прав. Пусть лучше иногда защита срабатывает вхолостую, нежели опаздывает или вообще не включается... Ну что, попробуем?

С этими словами Хельга сорвалась с места и, взметнув длинной юбкой пыльный вихрь, умчалась к коллегам. Даже не подумала меня подождать... Экспериментаторша, что с нее взять?

М-да. Манипуляции с менталом – штука, конечно, интересная, но что дальше? Еще немного и я полезу на стены флигеля от идиотизма происходящего. Все эти натужные попытки исследователей и князя найти мне хоть какое-то занятие и следующие за ними преувеличенные похвалы в мой адрес за выполнение ерундовых, никому не нужных заданий... Если первые пару недель после моей медитации я еще воспринимал это как своеобразную психотерапию, то теперь... Жуть. Ну не привык я к синекуре! А назвать иначе мою работу в канцелярии, после того как исследователи разобрались с блокировкой, невозможно. Может, поэтому я так обрадовался, когда князь направил на мои тренировки охранителей. Хоть как-то оправдываю те немаленькие суммы, что еженедельно выдает мне казначей канцелярии в качестве жалованья.

– О чем кручинитесь, Виталий Родионович? – О, легок

на помине. Я поднялся с кресла, приветствуя Телепнева, неслышно вошедшего в гостиную.

– Рад вас видеть, Владимир Стоянович. – Мы обменялись рукопожатиями, и глава канцелярии сел в соседнее с моим кресло. – Да вот думаю, чем себя занять у вас на службе.

– А что, нынешних забот вам уж недостаточно? – В тоне князя легко можно было прочесть недовольство моими словами. Его трудности.

Я взглянул на вошедшую следом за князем Ладу, в ожидании непонятно чего застывшую у выхода на лестницу.

– Ваше сиятельство, желаете чаю или кофию? – Дошло. Спасибо, Лада.

– Кофий, пожалуй, – медленно кивнул Телепнев. Лада, услышав ответ князя, тут же слиняла на кухню, а глава канцелярии тут же вернулся к теме. – И все же, Виталий Родионович, разве вам недостаточно дел на службе?

– Владимир Стоянович, неужто сами не видите? – Я вздохнул. – Ведь чем я занят с тех пор, как оправился от той медитации? Тренирую охранителей? Учусь манипуляциям с менталом? Пару раз в день демонстрирую исследователям действие блокировки? Ерунда. Сплошная синекура. Не дело это, князь, совсем не дело.

– Э-э, голубчик, да вас никак скука заела? Сплин, как говорят иные наши соседи... – неожиданно усмехнулся Телепнев. – Не ожидал, совсем не ожидал. Ваши ровесники в обществе, чай, только радовались бы такой невеликой службе,

а вы... Право же, какое разительное отличие. Ужели в вашем родном мире все молодые люди столь ревностно относятся к служению Отечеству?

— Вряд ли, Владимир Стоянович. — Я усмехнулся.

— Ну что ж, будем считать, что вы у нас эдакий уникам, — отразил мою усмешку князь, после чего благодарно кивнул Ладе, принесшей кофе, и, приняв у нее из рук чашку, посерьезнел. — Знаете, Виталий Родионович, в чем-то я вас понимаю. Наверное, я бы и сам страдал от скуки, окажись на вашем месте... Но что делать, по нашему соглашению я более ничем не могу вас занять... Да и сами вы должны понимать, что как бы то ни было, но допускать вас к серьезной работе в канцелярии я не имею права. Но вообще, как вы помните, через неделю заканчивается срок нашего с вами сотрудничества. Вот тогда вы и обретете столь долгожданную свободу. Правда, вместе с ней вы получите и определенные проблемы, и первой из них станет добыча средств к существованию...

Вот тут я не мог не согласиться с князем. Действительно, стоит мне выйти за ворота канцелярии, как вопрос пропитания станет ребром. Нет, деньги у меня есть, жалованье-то тратить некуда, даже с учетом того, что часть его уходит на оплату услуг Лейфа и Лады, остается вполне приличная сумма по местным меркам. Но все же недостаточная для того, чтобы прожить на нее целую жизнь. Максимум, на что ее хватит, это на год-другой скромной жизни. И о личном поваре и экономке в этом случае придется забыть... А не хо-

чается. Особенно о Ладе.

Князь внимательно наблюдал за моим лицом. Правильно, разобраться в моих эмоциях напрямую у него теперь не вышло бы, вот и пришлось обойтись его сиятельству контролем моей мимики. Правда, надо отдать ему должное, физиономист из Телепнева получился очень неплохой. Впрочем, трудно было ожидать иного от главы службы безопасности немаленького государства.

– Вижу, вы отдаете себе отчет в тех сложностях, что вас ждут за порогом канцелярии. Посему предлагаю вам поступить следующим образом. Я не могу предложить вам службу в штате канцелярии, поскольку, согласно уложению, всякий подданный, ищущий штатного чина, должен закончить специальные курсы государева училища, кои, как мы знаем, вы не проходили. Но я могу сохранить за вами должность наставника для наших охранителей. Поверьте, не из снисхождения, но потому что ухватки ваши действительно оказались весьма для них полезны. Будете заниматься с охранителями два-три раза в неделю, расписание можно будет уточнить позже. Понятно, что жалованье ваше несколько уменьшится по сравнению с нынешним, да и флигель придется освободить, но уж клятвенно вас заверяю, что на достойную, хоть и не шибко роскошную жизнь жалованья вам будет достаточно. Да, вот еще. Поскольку уложениями не дозволяется найм штатских для службы в Особой канцелярии, чин писмоводителя, заштатный разумеется, остается за вами, Вита-

лий Родионович.

– Это обязательно? – вздохнул я.

– Да, – коротко ответил князь, но, глянув на мою кислую физиономию, смягчился. – Посмотрите на адъюнкт-профессора Граца, его же не смущает чин заштатного коллежского советника. Отнеситесь к вашему статусу так же.

– Попробую. – Я вздохнул.

– Вот и ладно. – Телепнев покивал и, отставив чашку на стол, поднялся с кресла. – Что ж, надеюсь, с обретением свободы ваш сплин отступит, а?

– Я тоже на это надеюсь, Владимир Стоянович, – согласился я, поднимаясь следом за главой канцелярии.

– Ну что ж. Тогда позвольте откланяться... и, Виталий Родионович, при первой возможности навестите профессора Граца. Думаю, он сможет порекомендовать вам квартиру в приличном доме. – С этими словами князь коротко кивнул, прощаясь, и покинул гостиную.

М-да. Особая канцелярия, кажется, совсем не хочет меня отпускать. Впрочем, чего еще можно ожидать от спецслужбы?

Попрощавшись с князем, я спустился на первый этаж, где нашел Ладу и Лейфа. Как-то само собой получилось, что эти двое превратились из прикомандированной прислуги сначала в моих личных слуг, а чуть позже, когда я окончательно избавился от последствий той памятной медитации, и вовсе образовали что-то вроде моего ближнего круга. Даже с Хель-

гой, единственным человеком в этом мире, с которым я был на «ты», я чувствовал себя куда скованнее, нежели в обществе Лады и Лейфа. Что подвигло их уволиться от Граца, я пока так и не узнал, да мне это и не было особо интересно. Даже если окажется, что это всего лишь еще один шаг Тепленева по контролю моего благородия, на отношение к Ладе и Лейфу сей факт вряд ли повлияет. Пусть шпионят, если надо. У меня особых тайн не имеется, а если и появятся, то уж спрятать их я сумею. Надеюсь...

На кухне, как всегда, дым стоял коромыслом. Тут постоянно что-то парило, шкворчало и кипело. Вот и сейчас Лейф, быстро, почти не глядя, рубящий зелень, то и дело отвлекался на пышущие жаром сковороды и при этом успевал ворчать на Ладу, сосредоточенно взбивающую какую-то массу в небольшой плошке. В ответ девушка только изредка фыркала, но от работы не отвлекалась. Моего прихода эта парочка поначалу даже не заметила, правда, только до того момента, пока я не попытался разжиться снедью. Стоило протянуть руку к поджаристому пирожку, горка которых возвышалась на рабочем столе, как Лейф тут же меня заметил.

– Виталий Родионович, ну к чему это? Подождите с полчаса, накроем стол как надобно, отобедаете, – прогудел повар.

– Прости, Лейф. Не удержался. Уж больно аппетитное печево, – повинился я. – Вообще-то я зашел совершенно по

другому поводу. Ну-ка, други мои, подскажите, как мне найти дом Меклена Францевича?

– Навестить желаете... – улыбнулся Лейф. – То верно. Как вы свалились, господин профессор, почитай, каждый день о вашем здоровье справлялся, а потом и вовсе местных врачей взашей прогнал да сам за вами смотрел.

– Балабол, – фыркнула Лада. – Виталий Родионович спрашивал, как ему профессора сыскать, а не о том, кто за ним по болезни ходил. Вы не слушайте Лейфа, ваше... Виталий Родионович. Коли желаете навестить профессора, езжайте на Неревский конец, там, напротив гостиного двора, его особняк стоит. Аккурат сразу за зданием Торгового собрания. Только вы наперед ему визитную карточку отошлите, за день предупредите о том, что в гости пожелуете.

– А что, по телефону предупредить нельзя? – хмыкнул я, за что тут же получил два осуждающих взгляда.

– То не по правилам, – после долгой паузы покачала головой Лада и пустилась в объяснения: – Ежели дело какое срочное, то можно и телефонировать. Сие простительно. Но уж коли в гости собрались, то надобно вежество проявить, уважить хозяев, дабы они подготовиться могли к визиту да встретили гостя как должно.

– Понял-понял, – кивнул я. – Вот только тут одна заковыка. Визиток у меня нет. Не было в них необходимости, вот и не заводил.

– Визиток? Так у вас же цельный шкаф костюмами за-

бит, – непонимающе взглянул на меня Лейф.

– Я про визитные карточки говорю, – поправился я. Действительно, визитка здесь это именно костюм, а не картонный прямоугольник с реквизитами. Его-то именуют либо визитной карточкой, либо просто карточкой, но никак не визиткой. Конфуз, однако. Черт, все-таки я пока еще слишком мало знаю об окружающем мире. Пока я сижу во флигеле, это не особо заметно, но стоит вырваться «на волю, в пампасы», как мое незнание местных обычаев станет большой проблемой... вплоть до дуэлей, или как они здесь называются, хольмганга.

Правда, кажется, я нашел способ исправить это недоразумение. Вот он сидит передо мной, аж в двух экземплярах. Решено, сейчас мы их и припряжем к ликвидации безграмотности среди отдельно взятого меня. Я окинул брата с сестрой изучающим взглядом.

– Лада, Лейф, прошу вас внимательно меня выслушать. Как вы заметили, я не очень хорошо осведомлен о традициях местного общества. Так получилось, что я родился и вырос в месте, где подобные обычаи совсем не в ходу. Так что буду вам благодарен, если вы возьмете на себя труд помочь мне разобраться с принятыми в здешнем обществе правилами, – выдохнул я, завершая тираду.

Лада и Лейф переглянулись и, словно неслышно о чем-то договорившись, слаженно кивнули.

– Не сомневайтесь, поможем, ваше благородие, – проба-

сил Лейф и неожиданно подмигнул. – Отец наш тоже из природных ушкуйников, а в городе осел, так и полугода не прошло, как сию премудрость выучил. Так что теперь никто в нем волка бегущих холмов и не угадает, ну кроме разве что таких же ушкуйников.

Я еле заставил себя проглотить вопросы, уж было готовые сорваться с моего языка после слов Лейфа. Приняли они меня за какого-то ушкуйника, и черт бы с ним. Потом разберемся. Главное, что с вживанием в местное общество ребята мне помогут. А с остальным попозже разберемся.

– Вот и славно. – Я кивнул брату с сестрой. – Значит, теперь надо заказать эти самые визитные карточки, да?

– Не извольте беспокоиться, Виталий Родионович, все сделаем в лучшем виде. Только набросайте, что должно на карточке напечатать. А к завтрашнему вечеру я вам их принесу, – скороговоркой произнесла Лада.

– Так. А что на них написано должно быть, я не знаю, – развел я руками. Ну в самом деле, хрен его знает, что там на этих карточках у них печатают, кроме ФИО? О! – А знаете, пусть там только мои фамилия, имя и отчество значатся.

– А титул, регалии? – удивленно вскинулась Лада.

– К черту, – отмахнулся я.

– Правильно, – поддержал меня Лейф. – Титул – это вон земельным дворянам да бондам кич. А морским волкам громкое величанье ни к чему.

И все-таки за кого ж меня принял этот повар с замашками

вояки?

– Ну как пожелаете, Виталий Родионович. А цвет, шрифт... – заговорила Лада, грозно поглядывая на братца.

– То на твое усмотрение, красавица, – пожал я плечами. – Главное, чтобы аляповато не было.

– Все исполню, ваше... Виталий Родионович, – кивнула Лада и вдруг встрепенулась. – Ой, Лейф! Заболтались мы... Что ж ты за сковородами-то не следишь?!

– И вправду, – прогудел ее братец, разворачиваясь к плите. Я понял, что меня таким образом выпроваживают с кухни, и тихонько удалился. Правда, на лестнице меня догнал голосок Лады.

– Виталий Родионович, обед будет готов через полчаса. Вам кофий сейчас подать или как откусаете?

– Сейчас подавай, – откликнулся я, уже выходя в гостиную.

Глава 2

Гости, они бывают разные...

Интересно, а с чего это господин профессор так моему приезду удивился? Вроде за сутки-то должен был в себя прийти... Не зря же я ему по всем местным правилам карточку присылал? Да и князь не с бухты-барахты о Граце вспомнил, наверняка перекинулся парой слов с профессором, благо прогресс здесь до телефонизации уже дошел, хоть

и не повальной. Дорогое это удовольствие, оказывается, телефонная связь, куда как дороже, чем у нас мобильная в начале девяностых.

– Вот не ожидал, Виталий Родионович, совсем не ожидал... – покачивая головой, в очередной раз проговорил Грац, разливая по бокалам терпкий портвейн.

Черт, да я впервые в жизни пробую такую вещь... М-да, это не та бормотуха, что досталась нам от «совка». То есть, может, и на моей «исторической родине» продается нечто подобное тому нектару, что разливает по тюльпанам бокалов Меклен Францевич, да только вот ассоциации типа: «Агдам» и «Три топора» напрочь отрезали всякое желание тратить деньги на подобную гадость. Каюсь, был не прав.

Я с удовольствием пригубил темный ароматный напиток и улыбнулся.

– Отчего же не ожидали, Меклен Францевич? Помнится, сами в гости зазывали или уж позабыли?

– Как можно, Виталий Родионович? – укоризненно проговорил профессор, жестом отсылая застывшего у входа в гостиную дворецкого. – О приглашении я не забывал. Просто не думал, что вы последуете совету Владимира Стояновича. С вашей-то подозрительностью.

– Знаете, профессор, я, может быть, и не в меру насторожен, но вот на полного идиота, по-моему, все-таки не очень похож. Пока действия князя не выбиваются из нашего соглашения, я не вижу поводов игнорировать его советы. Тем бо-

лее что я прекрасно осознаю свою беспомощность во многих вопросах местной жизни. Это, конечно, не смертельно, но мне бы не хотелось лишних проблем.

– Что ж. Вполне разумный подход. – Профессор поднялся с кресла, покрутил в руке бокал с портвейном и, поставив его на столик, заговорил решительным тоном: – Верите ли, Виталий Родионович, я действительно до сих пор чувствую себя некоторым образом виновным в том, что вам пришлось пройти через все эти крайне неприятные процедуры в отделении господина Сакулова... М-да... Знаете, я ведь даже прошение подал на имя князя. Ждал решения его сиятельства и удивлен был сверх всякой меры, когда он сам под вечер ко мне домой нагрянул. Отставки моей не принял, отчитал как мальчишку и заявил, что паранойя, оказывается, заразная болезнь. Правда, после ужина его сиятельство несколько поостыл...

– Ну да, – протянул я. – И наверняка предложил вам взять на себя некоторые заботы о моем обустройстве с окончанием «заключения» в Особой канцелярии.

– Именно так, Виталий Родионович, именно так, – согласен наклонил голову профессор и, облокотившись на спинку кресла, уставился на огонь в потрескивающем горящими дровами камине. Помолчав с минуту, Грац проговорил: – Хитер князь, ох хитер. Так он и мне честность свою демонстрирует, и вас, голубчик, из-под надзора не упускает, но одновременно же дает понять, что не намерен напрямую вме-

шиваться в вашу жизнь.

– Похоже на то, весьма похоже. – Я взял со столика бокал профессора и, протянув его хозяину, заключил: – Что ж, ежели вы правы, Меклен Францевич, на что я немало надеюсь, то может, пора нам и мировую заключить?

– А и правда. – Грац принял бокал и, чокнувшись со мной, лихо его опростал. Вот, а говорят: «Этикет, этикет»... Фигня это все, когда соответствующий повод имеется. Я опрокинул свой бокал следом за профессором.

– А поведайте мне, Меклен Францевич, как так получилось, что Лада с Лейфом от вас ушли, да у меня на службе оказались, причем фактически не интересуясь моим мнением на сей счет... или и тут наш князь постарался? – поинтересовался я, дождавшись, пока профессор в очередной раз наполнит наши бокалы. Грац усмехнулся и, отправив в рот пластинку копченой, острейшей оленины, пожал плечами.

– Вот уж не могу знать, Виталий Родионович. Право, не только для меня, но и для князя поступок слуг стал полной неожиданностью... И объясняться они не желали. Но предположения кое-какие у меня имеются. Как же без них? Чай, не один день с Владимиром Стояновичем головы над сей загадкой ломали.

– Ну-ну? – поторопил я профессора, внезапно увлекшегося закуской.

– Вы воин, Виталий Родионович. Постойте, не отнекивайтесь и не ссылайтесь на давнюю отставку. Я не говорю о во-

енных с их эполетами, позументами и звенящими шпорами. Я имею в виду воинов по духу, прирожденных, так сказать. Это первая причина, почему Лейф перешел к вам на службу и перетащил за собой сестру. Для него очень важно оказать-ся под началом воина. А кроме того, у вас, Виталий Родионо-вич, если мне память не изменяет, имеется некий рисунок на плече... – медленно проговорил Грац, и я почувствовал, что краснею. Действительно, на моем левом плече имеется тату-ировка, сделанная в результате большого загула с бывшими, так сказать, коллегами. Встретились уже будучи на граждан-ке, почти случайно... Ну и погуляли. Очень уж нам, изрядно подогретым беленькой и воспоминаниями, пришлась по ду-ше идея обзавестись «памяткой» о совместной службе, благо запретить нам того, как людям штатским, уж никто не мог. Тогда-то у меня на плече и появился якорь, скрещенный с мечом, на фоне штурвала, очень, кстати говоря, приличного качества. Вроде бы ничего особенного, и краснеть не с чего. Вот только татуировку эту мне и моим бывшим сослуживцам сделала «мадам» в борделе, на юге Москвы. М-да уж.

– Вы правы, профессор. Имеется у меня на плече татуи-ровка. – Я кое-как пришел в себя. – Вот только какое это имеет отношение к переходу Лады и Лейфа ко мне на служ-бу?

– На Руяне, Виталий Родионович, до сих пор проживают люди, не забывшие традиций и обычаев предков. Иногда они даже ходят в походы. Правда, нынешние их ушкии ничуть

не похожи на древние, да бояре, их водящие, большей частью имеют чины полковников иррегулярного войска государева... Так вот, у них, как и многих иных морских разбо... э-э... воителей, рисунки, подобные вашему, частенько встречаются. А отец Лейфа и Лады из тех мест родом. Так что, думаю, именно сие изображение и было тем решающим доводом, что заставил Лейфа и Ладу покинуть службу у абсолютно гражданского профессора и перейти к вам.

– Странно, – протянул я. – И незазорно было Лейфу в услужение идти-то? Если я верно понимаю, они с Ладой дети профессионального военного, можно сказать, в касте от рождения...

– Каста... кастильский диалект, если не ошибаюсь?? – выгнул бровь профессор, но, не дождавшись от меня ответа, вернулся к теме нашей беседы. – Ежели б они на родине остались, на Руяне то бишь, то уж точно в слуги не пошли бы. В шестнадцать лет Лейф был бы принят в дружину на один из ушкуев, а Лада стала бы дом вести. Да только отец их после смерти супруги переселился в Хольмград и повесил оружие на стену, а значит, из ушкуйников вышел. Детям его тогда до совершеннолетия год-другой оставался. Естественно, что он забрал их с собой, тем самым лишив сына надежды на службу на ушкуях...

– Ну а все-таки как они в слуги-то пошли, Меклен Францевич? – поторопил я медлительный рассказ профессора.

– По обычаю, на шестнадцатую весну отпрыск ушкуйника

должен уйти на добычу. С разбоя ли, труда ли он ее возьмет, то не важно. Лишь бы не краденой была. Старшие ту добычу оценивают и, коли решат, что она хороша, снимают с себя всякую заботу о юноше. С того момента он сам себе голова. Дочерей работать не заставляют, но учат вести хозяйство. Уж не знаю, почему отец их покинул остров, но даже выйдя из ушкуйников, традициям старый черт не изменил. Вот и оказался шестнадцатилетний парень на улице в поисках заработка. Можно только посочувствовать Лейфу. Будь дело на Руяне, его бы просто взяли новиком на ушкуй, а там с первого же выхода и добыча была бы... Да только, отъехав с острова, закрыл ему отец дорогу в новики. В Хольмграде же совсем иное дело. Ну кому здесь нужен шестнадцатилетний юноша без самых малых мирных умений? Помыкался Лейф, да и пристроился поваренком в ресторации. Не знаю, чем думал их отец... ох не знаю. Своими затеями превратил он сына из воина в повара, да и дочь недолго в отчем доме пробыла. Едва Лейф стал шефом, а дело-то, кстати, небывалое, за два-то года из поваренка-посудомойщика стать мастером кулинарии! Так вот, стоило Лейфу заполучить под свою команду кухню ресторации, Лада тут же сбежала под его крыло. Сняли они на пару квартиру да в ней и жили, пока та ресторация не сгорела. Тогда-то ее хозяин, старый знакомый моего отца и добрейшей души человек, пристраивая бывших своих работников, ко мне и обратился. Я и взял Лейфа с Ладой в свой загородный дом, думал через пару лет их на хо-

зыйство поставить, нынешние-то повар с экономом уж в изрядных летах, вот им замена и была бы. Да видно, не судьба. Зато теперь у Лейфа есть шанс исполнить свою мечту...

– Какую же?

– Вернуться на Руян и стать ушкуйником, – ответил профессор и, заметив непонимание собеседника, пояснил: – В новики путь ему закрыт, да и вырос он из тех лет. Потому остается только две возможности для Лейфа исполнить мечту. Первая: привести на Руян собственный ушкуй, что, как вы понимаете, задача почти невыполнимая, а второй путь – отслужить под началом воина не менее пяти лет и выдержать перед Господой боярской испытание. Коли пройдет, быть ему на ушкуе по выбору бояр. Нет, путь ушкуйника для него будет закрыт окончательно, даже если он после поражения в испытании собственный ушкуй приведет. На Руяне его не примут. Так-то.

– Вот так история. – За рассказом Граца я совершенно забыл про недопитый портвейн, а вспомнив, пригубил и скривился. От близкого огня напиток перегрелся, и вкус его стал почти невыносим, по крайней мере для меня. Заметив мою кривящуюся рожу, профессор покачал головой.

– И чему же вас «сакуловцы» только учили, Виталий Родионович? – Грац коснулся кончиком пальца нагретшегося бокала в моей руке, и я тут же почувствовал, как стеклянный сосуд стремительно холодеет. Однако.

– Научите, Меклен Францевич?

– Нет ничего проще, Виталий Родионович, – кивнул профессор. – А вообще, думается, стоит вам заняться бытовым применением обретенных способностей. А то, поди, сами-то и накопитель не зарядите, а?

– Полностью с вами согласен, Меклен Францевич, – вздохнул я. – Тем более что я даже не знаю, о каких таких накопителях вы речь ведете... Но подозреваю, что это устройство настолько банально, что не уметь его заряжать просто стыдно.

– Правильно понимаете, голубчик, – рассмеялся Грац. – Ничего, на днях этим займемся... А сейчас уже поздно, первый час ночи. Пора и почивать. Ваша комната уже готова.

– О чем вы, Меклен Францевич? Какая комната?! – спохватился я. – Я же уже час как должен быть в канцелярии.

– Не стоит так волноваться, право, – отмахнулся Грац. – Я телефонирую князю, и поверьте, он не будет возражать по поводу вашего отсутствия.

– Возражать, может, и не будет, но уж точно не преминет при удобном случае упрекнуть меня в нарушении слова, – покачал я головой.

– Бросьте, Виталий Родионович... – Профессор чуть заметно усмехнулся. – А и упрекнет князь, так ведь не всерьез. А раз так, то что вам за морока? Оставьте ваши волнения, друг мой. Право, вам совершенно не о чем беспокоиться. Да и возвращаться через половину города, ночью... Знаете, не самая лучшая идея, уверяю вас.

– Хотя бы разрешите воспользоваться телефоном самому? Негоже перекладывать объяснения за свой проступок на чужие плечи. – Кажется, мне удалось настоять на своем. Грац вздохнул и повел рукой в сторону тяжелого телефонного аппарата, водруженного на персональную консоль у стены под зеркалом и блистающего надраенной медью трубок и лакированным корпусом благородного дуба.

Первым делом я набрал номер кабинета князя в канцелярии. Да-да, в здешних аппаратах устанавливают классический дисковый номеронабиратель и напроочь отсутствуют «граммофонные ручки», а посему нет никакой необходимости изображать из себя сумасшедшего подрывника с истошным воплем лося во время гона: «Барышня!!!»

Ответом были привычные щелчки и полная тишина на линии. В принципе этого следовало ожидать. Какого черта его сиятельство забыл в канцелярии в первом часу ночи? Нет, попытаться-то я должен был, но раз Телепнев не отвечает, будем звонить дневальному.

Вот там-то трубку подняли моментально. Выслушав представление охранителя, я назвался сам и, выдав свое местонахождение, внаглую заявил, что вернусь в канцелярию не раньше полудня, о чем, дескать, и следует доложить старшему караула. Дневальный, тяжело вздохнув, буркнул что-то вроде: «сдем вашбродь, гпдин насвник» и отключился. Вот и славно.

Утро добрым не бывает... Кто сказал? Убил бы гада.

Нельзя так правду-матку резать, никак нельзя. Помрет еще от многочисленных проникающих... Ой-ей. Что ж так голова болит-то, а? Нет, все. Портвейн больше не пью. Оно, конечно, штука вкусная, но с утра дюже похмельная. А ведь мы вчера всего-то пару бутылочек с профессором уговорили. Под острую оленину и орехи... Эх-х. Где ж моя Лада, когда она так нужна, а?

Не успел я додумать мысль, как дверь в спальню тихонько отворилась, и на пороге показался благообразный седой дядечка, самого что ни на есть «дворецкого» вида. Ага, в фильмах о викторианской Англии таких вот пингвинов с бакенбардами по десятку на пучок, а пучок за грош...

– Доброе утро, ваше благородие. – Каменная физиономия «пингвина» даже не дернулась, когда я бросил на ее владельца уничтожающий взгляд. Ну да, а хрен ли он приперся с утра пораньше, да еще и без кофе?! Хотя рассол тоже сгодился бы... Эх! Где же моя Лада? Повторяюсь? Ну да, уж она-то не забыла бы принести средство от похмелья. Впрочем... Я заметил, как «пингвин» посторонился, и мимо него проскользнула служанка с подносом в руках. Так, кажется, я немного переусердствовал. Уважаемый дворецкий, беру свои слова обратно. Ты мировой мужик! А что у нас в этой чашке? Рассол... с квашеной капусты... блеск!

Поправив здоровье и настроение, я дождался, пока служанка покинет комнату, забрав у меня опустошенный поднос, и, не обращая никакого внимания на все так же стоя-

щего истуканом у дверей «пингвина», прошлепал в ванную комнату. М-да. Вот вы можете представить, что когда придете в гости к знакомым и останетесь у них ночевать, в ваше распоряжение ими будет предоставлен не диван в гостиной, а отдельная комната с таким же отдельным санузлом... и всем необходимым гигиеническим набором, вплоть до бритвы и нескольких видов туалетной воды на выбор? Нет, если ваши знакомые – олигархи, то я умолкаю... Но здесь-то я в гостях у обычного адъюнкт-профессора! Культурный шок, вот как это называется. Не хватает еще только, чтобы мне здесь и костюм взамен вечернего предоставили...

Приведя себя в порядок (даже щеки отскоблил!), я вывалился из ванной и уже почти не удивился, заметив на специальной подставке свой костюм. Вычищенный и выглаженный. О стрелки на брюках вообще порезаться можно, а сорочка мало того что сверкает ослепительной белизной, так еще и воротник-стойка накрахмален чуть ли не до полной неподвижности шейного отдела позвоночника. В общем, в этом костюме я, как средневековый рыцарь, в том смысле, что для бокового обзора надо повернуть не голову, а весь корпус целиком. Вот так, изображая из себя тяжелую бронетехнику, я и спустился в столовую, где меня уже дожидался Меклен Францевич и плотный завтрак, заставляющий обещать мне дополнительные полчаса тренировок ежедневно.

После приема пищи (боже, какой оборот! И это в отношении рябчиков в сливовом соусе и нежнейшего паштета из гу-

синой печени...) Грац, ничуть не торопясь, раскурил сигару и, пригубив кофе, велел «пингвину» заложить экипаж. Как раз к тому моменту, когда мы с профессором «раздавили» кофейник, дворецкий вернулся и доложил, что указание выполнено и экипаж ждет нас у входа. Что ж, значит, пора прокатиться по городу. Профессор обещал показать несколько квартир из тех, что обычно сдают приглашенной профессуре на долгий срок. Ну уж, что годится для высоколбых умников, сойдет и для меня... наверное.

Открытая коляска профессора хоть и позволяла обозревать окрестности без каких бы то ни было помех, но все же оказалась не лишена и определенных минусов, а именно, в ней было жутко холодно! Хотя вроде бы погода стоит на удивление сухая и безветренная.

– Ну, Виталий Родионович, а что вы хотите, листопад на исходе, того и гляди морозы ударят, – заметил Грац и тут же покаялся: – Но я тоже хорош, надо было хоть плед приказать положить. Вот ведь сам недосмотришь, а слуги и не почешутся.

Правивший лошадью извозчик тут же съежился, что не ускользнуло от внимания профессора.

– Не трясись, Званко. То не твоя забота, – успокоил он извозчика. Тот на мгновение обернулся и, кивнув, вдруг свистнул, залихватски щелкнул кнутом, отчего лошадь всхрапнула и резко прибавила ходу. Так довольно быстро коляска миновала Неревский конец и выехала на Загородский. Здесь

дома были попроще, чем на Неревском, но и не бараки, отнюдь. Крепкие здания все из того же белого камня, с резными наличниками на окнах и затейливой резьбой на оконечниках крыш. Иногда мелькали безуспешно прячущиеся за облетевшими деревьями венцы добротных срубов, вздымающихся над каменными стенами на уровне третьего, а кое-где и четвертого этажей, и вдоль каждой улицы, вымощенной мелкой брусчаткой, ровными рядами отсчитывали сажени витиеватые фонарные столбы.

Коляска остановилась у вычурных, явно декоративных ворот, ведущих в небольшой парк, в глубине которого виднелось массивное здание с несколькими галереями на арочных белокаменных подпорах, с высоким крыльцом, широким гульбищем и многоярусной крышей, выложенной аккуратными деревянными плашками.

– Дом Смольяниных, – прокомментировал профессор и легонько ткнул извозчика в спину. – Званко, что встал? Не видишь, ворота открыли, езжай.

Дом мне понравился. Особенно то, что в нем можно было снять не только квартиру, но и нечто наподобие моего нынешнего обиталища – флигеля. С той лишь разницей, что у здешних пристроек, а их в доме Смольяниных насчитывается аж четыре штуки, есть собственные выходы в парк. Хозяйин, точнее, хозяйка дома приняла нас радушно, было видно, что с профессором она знакома не первый год и знакомство это достаточно близкое... Ну-ну. Впрочем, они доволь-

но шустро закончили ворковать, и дальше беседа повернула в сугубо деловое русло. Под предводительством хозяйки – Заряны Святославны мы осмотрели южный флигель, и он мне настолько глянулся, что я почти не торговался. В результате сумма аренды составила всего восемь рублей серебром в месяц, и Грац еще делал мне знаки, что я сильно переплатил. Не знаю, не знаю. По обещанию князя жалование мое хоть и уменьшится где-то втрое, но составит не меньше шестидесяти рублей в неделю, да Лейфу с Ладой я должен буду платить по десять рублей в ту же неделю... По-моему, вполне нормальный расклад, даже с учетом того, что стол и кров для них идут за мой счет. Кстати, о птичках...

– Заряна Святославна, могу ли я воспользоваться вашим телефоном? – Оп-па... А что это хозяйка так странно на меня смотрит, а? Опять я глупость сморозил, что ли?

– Уж извините, господин Старицкий, но телефонного аппарата у нас пока нет, обещают поставить, да не ранее чем через полгода. Уж больно много желающих, а возможности станции, говорят, невелики... – развела руками хозяйка.

Непорядок. Я глянул на профессора, но тот только плечами пожал.

– А что, не подскажете ли, кто ведает этой самой телефонной станцией и распределением номеров? – осведомляюсь я... Ну конечно, и почему я не удивлен? Как здесь могли обойтись без Особой канцелярии? Интересно, а здесь такой термин, как «непотизм», в ходу? Деньги? Окститесь, ка-

кая взятка?! Князь настаивал на том, чтобы я не терялся по окончании нашего сотрудничества... вот и попробуем уболтать его сиятельство на установку одного телефонного аппарата вне очереди. Так сказать, во избежание потери меня, любимого... Ну да, а как же? Где у нас Виталий Родионович? Дома? Послать к нему нарочного... Послали, и пилит бедняга через полгорода. Пока добрался, а меня к тому времени уж и след простыл. Куда делся? Да хоть и в загородное имение профессора Граца поехал, на шашлыки, ага. А там тоже телефона нет... Ха! Да князь еще и уговаривать меня будет, чтобы в дом Смольяниных телефонную линию провести. А что я? Я не гордый, соглашусь... Зачем осложнять жизнь Особой канцелярии? У них и так хлеб несладок. Ну да это все лирика, а сейчас придется чапать в канцелярию самому. Пора начинать готовиться к переезду.

Я оставил хозяйке аванс, классические три месяца вперед, и, тепло попрощавшись, вышел на улицу. Профессор остался с Заряной Святославной, разрешив воспользоваться своей коляской. По-моему, мое обещание направить Званко обратно, после того как доберусь до канцелярии, Грац даже не услышал... Ну и фиг с ним, пускай воркует, а у меня сегодня еще дел по горло.

Копыта выбили искры из мостовой, коляска плавно качнулась, и под залиvistый свист Званко мы понеслись по улицам Хольмграда. Вот, кажется, и заканчивается мое «сидение под замком»... если, конечно, сиятельство не выкинет

какой-нибудь фокус напоследок. Параноик? Так я этого никогда и не отрицал.

Глава 3

Философия как прикладная наука... или искусство?

К вечеру я вымотался так, что меня впору было пересыпать нафталином, аккуратно сложить в шкафу и забыть на годик-другой. Причем не могу сказать, что совершил какой-то трудовой подвиг. Вовсе нет. Просто количество мелких, но срочных дел, образовавшихся в связи с предстоящим переездом, перевалило за все разумные пределы, а ведь их еще и нужно было вписать в существующий график... В общем, суeta суeta. А тут еще князь пригласил на чашку кофия, во время распития которого сиятельство добрых полчаса сокрушался о необязательности современной молодежи, красноречиво поглядывая в мою сторону. Хорошо еще, что мне удалось закруглить нашу беседу и смыться из кабинета Тепленева, сославшись на то, что меня ждет тренировка у Тихомира.

— Все-все, Виталий Родионович, не смею более вас задерживать, — покивал князь, соглашаясь с моими словами, и, когда я, откланявшись, уже переступил порог его кабинета, договорил: — Да, кстати, о тренировках... Я бы хотел, чтобы до завтрашнего дня вы продумали свое расписание и опреде-

лились, по каким дням будете наведываться в наши пенаты, для обучения охранителей... Вот теперь действительно все.

А с утра, едва выпив кофе с фирменными булочками Лейфа, я вновь окунулся во всю эту суету. На бегу, по дороге в зал, прикинул график занятий с синемундирниками, а после тренировки с ними, за обедом, набросал его на бумаге. Затем забежал к исследователям, покрутился вокруг, время от времени «сверкая» своей блокировкой, пообщался с Бергом и Бусом, был послан Хельгой... на прогулку, под тихие смешки Олафа с Ярославом. Сбежал, на ходу продумывая список необходимых вещей, коими непременно стоит обзавестись для комфортной жизни после переезда. Снова спортзал, на этот раз в роли ученика, подгоняемого короткими, но чрезвычайно емкими окриками Тишилы. Только когда за окном окончательно стемнело, смог добраться до кабинета главы канцелярии, где и оставил затребованный князем график, положив бумагу на стол его секретаря, отсутствующего, как и сам Телепнев. После чего с чувством выполненного долга вернулся во флигель, где был накормлен вкуснейшим ужином и озадачен огромным списком первоочередных вещей, требующихся Ладе и Лейфу для нормального ведения хозяйства в новом доме.

Оставшееся до переезда время я разрывался между многочисленными походами по лавкам для обзаведения личными вещами, проверкой закупленных поваром и экономкой товаров и занятиями в канцелярии. А тут еще и Грац пова-

дился приезжать в гости на ужин, после которого, невзирая ни на какие отговорки, брал меня в оборот и учил бытовым манипуляциям. А их оказалось ох как немало. Например, зарядка накопителей. Как оказалось, в Хольмграде нет единой электросети. В каждом доме, в подвале или какой-нибудь подсобке, располагаются собственные накопители – здоровенные герметичные медные бочки высотой в два-три человеческих роста, по сути являющиеся огромными батарейками. Одним из первых действий, которому учится любой студент-философ, оказалось умение заряжать эти самые накопители, обеспечивающие дома горожан фактически дармовой энергией. А возможность организовать небольшой огонек, с помощью которого можно и костер развести и сигарету прикурить? А охлаждение, как то, что продемонстрировал мне с бокалом портвейна профессор? Про перемещение небольших предметов с помощью «щупов» я уже молчу. Но вот что интересно, все это, так сказать, воздействия общего характера. А ведь в каждой профессии есть свои маленькие хитрости, свои манипуляции с менталом, облегчающие работу. Вот кстати, Лейф частенько пользуется уплотняющими воздух воздействиями, не дающими кипящему маслу брызгать во все стороны и заляпывать плиту вокруг сковороды. А вытяжка? Одно воздействие – и пар кипящих кастрюль, вместе с чадом поджариваемых стейков, устремляется в широкий раструб вентиляционной трубы, выведенной на улицу. А Лада, например, с легкостью пользуется воздействия-

ми, аналогичными знакомым мне пылесосам. Пара манипуляций – и по комнате гуляет небольшой смерч, активно и качественно собирающий пыль с любых доступных поверхностей. Не могу сказать, что освоил все эти премудрости, но большую часть того, что Грац считает необходимым знать любому уважающему себя горожанину, я постиг. Правда, профессор грозился еще заняться моим здоровьем, но тут я решительно его притормозил. Во-первых, потому что у меня банально не хватало времени на довольно продолжительные воздействия, связанные с укреплением организма, а во-вторых... честно говоря, меня попросту нервировал тот факт, что моим лечением займется патологоанатом... Понимаю, что глупость, но вот истерический смешок как-то сам подкапывал к горлу, стоило Грацу заикнуться о лечебных воздействиях. Ими, кстати, обыватели не злоупотребляют, предпочитая не заниматься самолечением, а полагаться на профессионалов-врачей, чей арсенал лечебных манипуляций куда как многообразнее и качественнее. Впрочем, как я понял из рассказов профессора, хирургии местные эскулапы также не чужаются, а уж качество местной фармакологии я опробовал на себе... Два месяца вон последствия расхлебываю.

В общем, скука, на которую я еще недавно пенял, приказала долго жить. По крайней мере до тех пор, пока я не переберусь на новое место жительства.

Дом встретил меня шумом и криками. Въезд был назначен на следующий день, как раз по завершении контракта с

канцелярией, и сейчас во флигеле творилось нечто невообразимое. Лейф рычал на работников, устанавливающих мебель на кухне, что разместилась на первом этаже флигеля, в конце длинного бокового коридора. Лада не отставала от брата, подгоняя грузчиков, занимавшихся тем же самым в остальных комнатах. Работяги сновали по этажам и комнатам, словно муравьи! Всего во флигеле два этажа, на первом расположились комнаты прислуги, гостиная, она же столовая, и просторная кухня с крутой лестницей, ведущей в погреб, а на втором – небольшой кабинет с пока еще пустующими массивными книжными полками, подпирающими потолок, да пара спален с отдельными туалетными комнатами. Не роскошное жилье по местным меркам, так... среднего достатка. Но мне больше и не нужно, а уж что подумают окружающие, мне по большому счету совершенно без разницы. Невеликая я шишка, чтобы роскошь и понты стали для меня насущной необходимостью.

Большая часть вещей уже была доставлена, и теперь на всех двух этажах флигеля царил натуральный бедлам. Потоптаваемые моей экономкой работнички носились, как наскипидаренные, шустро расставляя по указанным Ладой местам купленную мебель, которая, кстати, проделала немалую брешь в моих сбережениях. Дорогое, как оказалось, удовольствие. Но на хорошей мебели я и дома не сэкономил, не собираюсь этого делать и здесь, тем более что, осмотрев местные мебельные производства в поисках необходимых предметов,

выяснил одну несказанно обрадовавшую меня вещь: найти в Хольмграде мебель посредственного качества невозможно. Диваны, кровати, бюро и шкафы здесь строят, что называется, на века, о биче моего мира, то есть шпоне и ДСП, и слыхом не слыхивали. Их тут попросту нет. Любой предмет мебели выделяется исключительно из массива, и цена его будет зависеть лишь от тонкости работы мастеров. Ну я не любитель барокко и ампира, так что мой новый дом большей частью обставляется образцами строгой классики, изредка перемежаемой только зарождающимися здесь, а потому робкими ростками модерна, оттого пока еще органично сочетающего в себе изящество изогнутых линий и лаконичность форм.

Постепенно дом начал обретать свое лицо, за что надо сказать огромное спасибо Ладе, сопровождавшей меня в моих метаниях по различным лавкам, и то и дело одергивавшей от покупок всяческой дребедени самого что ни на есть винтажного вида, но совершенно ненужной в быту. Не будь со мной рядом этой по-немецки рассудительной девушки, и, боюсь, мой кошелек показал бы дно еще до того, как я купил все действительно необходимое. А с ее помощью и умением торговаться, кое у меня просыпается лишь при виде ковров, мои капиталы уменьшились только вполовину, и это при полностью обставленном доме! Нет, понятно, что мне еще не раз придется хлопнуть себя по лбу, вспомнив об очередной мелочовке, это неизбежно, но забытая вещь, скорее всего, будет

из разряда той ерунды, которой пользуешься пару раз в год, а все остальное время стараешься запихнуть куда подальше, чтобы не мозолила глаза. В общем, я остался доволен тем, как идут дела в моем новом жилище.

Вдоволь налюбовавшись на работу грузчиков, я удовлетворенно улыбнулся и направил свои стопы на поиски хозяйки дома. Надо наводить мосты с «царицей сей земли», глядишь, и прибыток какой-никакой образуется...

Заряна Святославна обнаружилась на заднем дворе, среди аккуратных остекленных теплиц, в которых словно поселилось вечное лето. Чего здесь только не было! От роскошных, наливающихся алым цветом помидоров и колючих, крепеньких огурчиков до всевозможных салатов и луков. Морковь и редис, кабачки и баклажаны... А цветы! Море самых разных цветов заполнило несколько больших теплиц, больше похожих на зимние сады, соединенные между собой стеклянными переходами, в которых тоже царит буйство красок и ароматов. М-да, такого я увидеть никак не ожидал. И ведь могу поспорить, что и здесь не обошлось без местной «прикладной» философии.

Увидевшая мою ошалелую рожу, Заряна Святославна гордо улыбнулась и, неспешно продефилировав через половину этих «зимних садов», вышла мне навстречу.

– Добрый день, господин Старицкий. Рада вас видеть. – Низкий грудной голос хозяйки дома привел меня в чувство.

– И вам здравствовать, Заряна Святославна. – Я отвесил

собеседнице короткий поклон. – Вот приехал присмотреть за работой в доме.

– О, это правильно, – чуть кивнула хозяйка. – За поденщиками глаз да глаз нужен! Но вам грех жаловаться, Виталий Родионович, видела я вашу экономку. Огонь-девка!

И вот как это понимать? Это намек или разведка, а?

Пока я судорожно размышлял над словами хозяйки, та вдруг сменила тему.

– Да что же это я! Идемте, Виталий Родионович, я вас хоть чайком угощу. Все лучше, чем на заднем дворе посередь лебеды да крапивы беседы вести.

Ну насчет лебеды это Заряна Святославнахватила! Какая трава в конце октября? А если про теплицы говорить, так там вообще никакому сорняку не выжить. Уничтожат, едва только намек появится... Но отказываться невежливо, да и не хочется, если честно, а посему идем пить чай.

– С превеликим удовольствием, Заряна Святославна, – киваю хозяйке, и она, как-то очень естественно завладев моим локтем, ведет меня в дом. Кажется, я начинаю понимать Меклена Францевича. Здешняя царица, конечно, уже давно не девочка с наивными глазками, отнюдь. Хозяйка дома, зрелая дама с тонкими чертами лица и безупречной осанкой, она очаровывает своей статью и уверенностью на раз. Мону-ментальная женщина!

Стол к чаю накрыли на застекленной террасе. Вообще планировка здания очень интересная. Здесь нет привычных

мне лестничных клеток с массивными железными дверьми квартир-отнорков. Скорее планировка похожа на гостиничную, с той лишь разницей, что вместо куcych номеров здесь целые апартаменты со всеми службами и подсобными помещениями да несколько общих комнат, вроде немаленькой библиотеки, бильярдной, где нашлось место и для карточных столов, курительной комнаты и салона с выходом на огромную веранду. А всего в доме девять квартир, не считая флигелей-пристроек и апартаментов самой хозяйки, из которых только и можно попасть на упомянутую мною террасу, где уже пыхтит и исходит ароматным дымком самовар. Глянув на стол, я невольно вспомнил фильм «Женитьба Бальзаминова». Уж очень похожа оказалась сервировка на то великолепие, что понимала под чаепитием героиня Мордюковой. Да уж.

– Угощайтесь, Виталий Родионович. – Хозяйка старательно подвигала мне то одно блюдо, то другое. Варенье из айвы сменялось смородиновым, ватрушки – слойками и пирожными, а те уступали место пирожкам с самыми разнообразными сладкими начинками. М-да, после такого угощения и начинаешь понимать, что именно наши предки именовали чаепитием до седьмого полотенца! От огромного количества горячего напитка меня даже в жар бросило, так что пришлось открыть одно из окон террасы. Чую, после такого чая я до завтра есть не буду, ибо обожрался!

Говорили о разном. Заряна Святославна, очевидно ка-

ким-то чутьем понявшая, что меня не интересуют сплетни местного общества, довольно шустро и незаметно съехала с этой темы, обратившись к более интересным вопросам. Правда, в беседе об особенностях внешней политики государства я, по незнанию вопроса, вынужден был по большей части изредка поддакивать да мычать нечто маловразумительное, отметив тем не менее взвешенность суждений моей собеседницы, зато свернув на тему ментальных воздействий, буквально преследующую меня в последнее время, мне удалось не ударить в грязь лицом, рассказав моей собеседнице о некоторых способах манипуляций, почерпнутых мною у исследователей и в силу своей «эксклюзивности» неизвестных обывателям. В ответ хозяйка дома продемонстрировала несколько воздействий, абсолютно непохожих на все то, что я видел за все время моего пребывания в этом мире. Прямо на моих глазах Заряна Святославна вытянула вперед руку, и уже через мгновение к ней на ладонь спикировал пролетавший за распахнутым окном воробей. При этом ментал вокруг моей собеседницы был спокоен, словно ничего не произошло. Удивление на моем лице, очевидно, было написано огромными буквами, потому как хозяйка дома не сдержала улыбки и, покормив пичугу крошками, оставшимися от пирожных, отпустила птицу, после чего снизошла до объяснений.

– Не удивляйтесь, Виталий Родионович. Это не нынешнее учение, а старое знание. Школа Мокоши, знаете ли, уж не

первый десяток веков разменяла, – проговорила хозяйка.

– Вот оно как? Пожалуйста, расскажите поподробнее, Заряна Святославна, а то ведь я ни о чем подобном и не слышал. Уж уважьте гостя.

– Само собой разумеется. Как не уважить доброго человека, – усмехнулась собеседница и, на секунду задумавшись, заговорила: – В том, что вы не слыхали о школе Мокоши, нет ничего удивительного, Виталий Родионович. Так сложилось, что довольно долгое время на Руси, да и не только, подобные знания были под запретом. Церковь воспринимала их как язычество, с которым она люто боролась во все времена. Более того, в то время ее служители пытались закрепить за собой исключительное право на ментальные воздействия. Чтобы не оказаться под патриаршей пятой, школы Руси ушли в леса. Сибирь, она большая... А вот европейским школам бежать оказалось некуда. Результатом противостояния стала война между римской церковью и древними учениями, окончившаяся падением римского духовного стола двести шестьдесят лет назад. Церковным владыкам всех конфессий было наглядно показано, куда ведет стремление к абсолютной власти. Тогда, все еще многочисленные, хоть и немало претерпевшие от своеволия церкви, древние учения были возвращены в мир из той тени, где они вынуждены были прозябать в течение нескольких сотен лет. К сожалению, к тому моменту человечество уже начало заниматься естествознанием, и хотя даже сегодня философия не может дать

и десятой доли того, что известно старым школам, возврата к прежнему количеству последователей древних учений не произошло. Может быть, тут виновна еще и разрозненность школ... Не знаю.

– Как же тогда школам удалось победить в войне? – поинтересовался я.

– При помощи тогдашних королей, разумеется, – пожала плечами хозяйка дома. – Уж очень их не устраивало укрепление власти церкви, потому они охотно давали убежище представителям школ в своих коронных владениях. Фактически войны в обычном понимании этого слова не было. Было противостояние светских и церковных властей, интриги, яды, кинжалы... И только одна битва. Тогда же погиб последний римский понтифик Алессандро Борджиа. Правда, ходили слухи, что умер он не на поле боя, а был зарезан в собственном саду, едва баварские кнехты подступили к Риму.

– А на Руси? Вы же сказали, что здешние школы ушли в леса? Как же они добились своего оправдания?

– Государь Велимир Второй основал Хольмский университет, первое учебное заведение, где естествознание было введено в программу обучения. Как вы понимаете, спорить с ним церковь не стала. Сначала понадеявшись, что «эта придура» молодого государя сама пройдет, а когда в качестве профессоров были приглашены старейшины двух самых крупных в прошлом школ, протестовать было поздно.

Пример римского стола, уже павшего на тот момент, маячил перед патриархом и митрополитами... – Заряна Святославна пригубила чай из небольшой пиалы, показывая, что лекция окончена. Ну да! Так я и удовольствовался сказанным, ждите...

– Заряна Святославна, скажите, а какие школы вам известны... и есть ли возможность ознакомиться с ними поближе?

– Ох, горазды вы, господин Старицкий, на сложные просьбы, – вздохнула хозяйка. – Знаете, среди русских школ действующих осталось не так много, я слышала о Перуновой, Волосовой, Стрибожьей и Сварожьей... Вроде бы еще и Переплутова жива, но точно не ведаю.

– А как же Мокошь? – не понял я.

– Э-э, Виталий Родионович. Школы Мокоши, Мары и Живы не про вас, – покачала головой хозяйка. – То наше, бабье. Вот ежели желаете, могу со старейшиной Волосовым свести, он-то в учениях получше меня разумеет. Согласны?

М-да. Согласиться? Или вежливо отказать... Как бы в какую секту не затащила хозяйюшка. С другой стороны, она же в курсе, что я к охранителям прикомандирован, станет ли сама в петлю лезть? Да и кто мешает навести справки у Граца или князя. Уж глава Особой канцелярии-то точно должен знать об этих школах с языческим уклоном. Решено...

– Буду рад такой возможности, Заряна Святославна. Уж очень мне любопытно узнать, что за школы такие, что учат

животных подчинять...

– Не подчинять, господин Старицкий, никак не подчинять. Говорить с ними, о помощи просить иль услуге. Да и то не всякая школа такому научит. Перунова, например, и вовсе такова, что ее последователей звери как огня боятся. Медведи и те с дороги сходят. Так-то, – сердито нахмурилась моя собеседница.

Поняв, что невольно обидел хозяйку, искренне перед ней извинился, отговорившись незнанием таких особенностей. Похоже, что Заряна Святославна и сама несколько смутилась своей суровой реакцией на мои слова, вспомнив, что я вообще только от нее и узнал о существовании школ, а уж об особенностях их учений и вовсе ничего знать не могу.

Постепенно разговор наш, по обоюдному молчаливому согласию, свернул на обыденные темы вроде кулинарии. Надо сказать, моя собеседница была немало удивлена моим познаниям в области вкусной еды, что, впрочем, не помешало ей вступить со мной в жаркий спор на тему применения лимонов в приготовлении ухи.

– Поверьте, уважаемая Заряна Святославна, лимон вовсе не испортит ухи, ежели будет правильно использован.

– То есть выкинут, Виталий Родионович. Сие есть единственное приемлемое использование этого цитруса в ухе. Попробуйте добавить его в блюдо, и суп будет горчить, словно нерадивый повар при чистке рыбы пролил желчь! – Хозяйка разгорячилась.

– Ну право же, Заряна Святославна, не стоит быть столь безапелляционной. Всего-то и надо при добавлении лимона проследить, чтобы в уху не попала пленка с него. Именно она и придает столь неприятную горечь. Не верите? – Я внимательно посмотрел на собеседницу, всем своим видом выражающую недоверие к моим словам. Я вздохнул. – Зря, очень и очень зря, дражайшая Заряна Святославна. Предлагаю провести опыт. Найдутся ли у вас необходимые ингредиенты для ухи?

– Обижаете, господин Старицкий, – фыркнула дама. – Чай у реки живем да в столице. Найдется все, что пожелаете... Но! Предлагаю пари.

– О? – Оказывается, госпожа Смольянина еще и азартна? Положительно, чудная женщина. Начинаю завидовать Грацу самой что ни на есть черной завистью. – И что же будет предметом нашего спора?

– Проигравший накрывает обед по рецептам выигравшего, – усмехнулась хозяйка.

– Идет. Приступим? – согласился я.

Смольянина кивнула и, взяв со стола небольшой колокольчик, тряхнула его. По террасе поплыл тонкий звон, и через мгновение в дверях показалась служанка, этакая серая мышка в строгом платье. Выслушав распоряжения хозяйки, девушка заверила, что все будет готово немедленно, и испарилась.

Не люблю уху... Но готовить умею, поскольку ее очень

уважали мои друзья. Они-то и подбили на первое приготовление сего блюда, однажды взяв меня на «слабо». Дескать, не любишь уху, потому как не умеешь ее готовить. Ну-ну. Через четыре часа я уже кормил этих обормотов тройной ухой поцарски. Трескали так, что за уши не оттащишь. Вот и сейчас хозяйка дома крутится вокруг плиты, вдыхая аромат готовящегося на открытом огне блюда. Ну а теперь причина нашего спора. Я аккуратно разрезал лимон и, свернув у попавшего под руку чайника серебряное ситечко, так же аккуратно выдавил через него сок в котел. Десять минут прошло, убираем котелок с открытого огня и даем ухе потомиться еще с четверть часа.

Пока я корпел над ухой, госпожа Смольянина уже велела накрыть стол, не забыв и об альтернативе моему блюду. Не верит в мой кулинарный талант Заряна Святославна. Зря.

От позднего обеда и восторгов хозяйки по поводу приготовленного мною блюда нас отвлек неожиданный гость из Особой канцелярии. Честно говоря, когда я обсуждал с князем возможность установки в доме телефона и получил туманное обещание «подумать», я совершенно не ожидал, что вопрос будет решен положительно и столь быстро.

Глава 4

Кому суждено быть повешенным, тому море по колено...

Вот знал ведь, что в конце концов что-то подобное произойдет... Но почему именно сейчас? Неужто так трудно было хоть годик подождать? Впрочем, глупый вопрос, судьба – это такая стерва, что при ее участии надеяться на лучшее можно только в гробу. Эх. И дернул же меня черт отправиться в театр. Сидел бы себе дома с книжкой, сигаретой и бокалом порто, к которому меня так неожиданно пристраслил профессор, и в ус бы не дул. А теперь... Ну вот что мешало этому придурку в аксельбантах, что сидит в ложе напротив, прийти в театр завтра? Но нет, не с моим везением. Блин, надо было еще тогда, у «Летцбурга» под мостовую его закатать вместе со всей гоп-компанией, сейчас бы и проблем не было. Ладно, если бы да кабы это не наш вариант. Попробуем найти плюсы в нашей нечаянной встрече... А их немного.

Первый плюс – это то, что ныне офицерик в одиночестве, а значит, очередной махаловки в стиле «пятеро против одного» не будет, а будет хольмганг. Точно будет. Вон как доблестный воин побагровел, меня увидев. Не хватит у него выдержки дружков кликнуть да всей компанией на меня навалиться. Вот ей-ей, как только занавес опустят, он тут же завалится в ложу профессора, любезно мне предоставленную

на сегодняшний вечер, чтобы вызвать меня в круг.

Второй плюс в том, что по правилам – да-да, не зря же я почти все свободное время провожу в библиотеке, успел с местным дуэльным кодексом ознакомиться – так вот, по правилам выбор оружия будет за мной как за вызываемой стороной. А значит, всякие неожиданности и неприятности с этого направления для меня исключены, а вот для моего противника – только начинаются. Хе. Ну в самом деле, не буду же я с ним рубиться на саблях всего-то после месяца с небольшим занятий? Я ж не самоубийца. Что бы там Тихомир ни говорил по поводу моего растущего не по дням, а по часам умения, как бы ни хвалил своего великовозрастного ученика за скорость и реакцию, но то, что даже самому среднему бойцу я пока, что называется, «на один зуб» – сие есть факт непреложный, хоть и печальный. А значит, никаких сабель, шпаг и мечей. Правда, к моему удивлению, огнестрельное оружие использовать в хольмганге не дозволено, но это единственный встреченный мною в кодексе запрет подобного рода. В остальном хоть на катапультах перестрелы устраивай. Вот так-то. О! Легок на помине.

За моей спиной скрипнула входная дверь, и я почувствовал легкий сквозняк, принесший с собой тяжелый дух перегара. Похоже, мой будущий противник уже серьезно набрался. Ну ничему люди не учатся!

– Ты... Вы... Име-ик-ю... – сипло произнес голос. Я медленно обернулся, затылком чуя устремившиеся в ложу про-

фессора взоры немногочисленных зрителей, не пожелавших покинуть зал в антракте. А передо мной оказался покачивающийся, словно былинка на ветру, лейтенант, уже один раз летавший под моим чутким руководством и теперь рискующий повторить сей в высшей степени экзистенциальный опыт... да, изначально у меня не было такой цели, но кто ж знал, что от него так несет?! Это ж сколько надо было выжрать и в какой помойке, чтобы получить такую оригинальную смесь ароматов, а?

– Любезнейший, подите прочь, от вас воняет. – Буду я еще ждать, пока это чудо проспиртованное сможет выговорить свое имя. А зрители-то как заинтересовались... Дьявол. И черт с ним, испортил мне вечер, урод, пусть пеняет на себя.

– Да вы... ты...!!!! Я ж тебя-ик... – Еще пуще побагровело это недоразумение и вдруг выдало тираду почти трезвым тоном: – Господин как-вас-там, я – Государева Плесковско-го полка десятник, боярин Голова. У памятного вам, должно быть, ресторана вы оскорбили меня и моих друзей. К сожалению, они вынуждены были покинуть столицу, получив предписание по новому месту службы на южной границе, а посему не могут присутствовать здесь сейчас, дабы пообщаться с вами. Но, думаю, они будут безмерно рады узнать о нашей встрече. Имею честь вызвать вас в круг.

– Виталий Родионович Старицкий, заштатный письмоводитель Государевой Особой канцелярии. Жду ваших поручников через три дня, поутру в доме Смольяниных. А сейчас

выйдите вон. Вы мешаете мне смотреть спектакль. – Я демонстративно приложил к носу платок и повернулся лицом к сцене, где уже разворачивалось второе действие. Охреневший десятник еще пару секунд посопел за моей спиной, а затем, выматерившись, вывалился из ложи. М-да. Кажется, сегодня о хольмганге будет трещать весь Хольмград. Чтоб он провалился, этот чертов десятник!

– Ну, Виталий Родионович, такого я от вас не ожидал. Нет, никак не ожидал! – в очередной раз покачал головой князь, приехавший к Смольяниным буквально через полчаса после того, как я вернулся из театра, и теперь расхаживающий по моей гостиной с каким-то удивленно-злым видом. Ментал вокруг Телепнева бурлил, а цвета, в которые окрашивались его тонкие оболочки, наводили на мысли о суициде. – Как вас только угораздило попасть в такой переплет, а? Хотя... именно с вами, по-моему, может происходить и не такое.

Кажется, «сиятельство» начал успокаиваться. Вон и бордово-черные оттенки оболочек сменяются куда более светлыми и ровными цветами. Не ангельское сияние, конечно, но и в дрожь от него не бросает, уже хорошо.

– Ладно, Виталий Родионович. Сделанного не воротишь... – вздохнул князь, присаживаясь на диван. Тут же нарисовавшаяся рядом Лада поставила перед ним поднос с небольшим чайником, окруженным различными молочниками, сахарницами и конфетницами. Телепнев с подозрением окинул взглядом угощение и недоуменно хмыкнул. Да уж,

о том, что глава Особой канцелярии обожает кофе, по-моему, знает вся столица, а тут такой облом!

– Уж извините, Владимир Стоянович, но в этом доме после десяти вечера о кофее даже я не смею заикнуться, – развожу руками. А что делать, если Лада действительно втихую проводит такую политику. Сам видел, как она, в своей заботе о здоровье моей брэнной тушки, не прошедшей пока курс здешней медицины, ровно в десять вечера вылила в канализацию недопитый и забытый мною в кабинете кофе.

– Что ж, может, оно и к лучшему. Супруга моя тоже с сей пагубной привычкой борется по мере сил. Да только все без толку. – Телепнев нехотя пригубил чай и, оставив чашку подальше, вернулся к теме хольмганга. – Виталий Родионович, хоть поделитесь, с кем биться собрались, а то по городу столько слухов бродит, и все разные. Чему верить и не знаешь.

Ага, как же! Наверняка ведь к утреннему приезду в присутствие князя уже будет ждать на столе обстоятельный доклад: кто, с кем, где, когда и как. Да только будет это завтра, а знать ему хочется уже сейчас.

– С десятником Плесковского полка, боярином Головой.

– Так-так-так. – Князь нахмурился. – Может, Государева Плесковского полка?

– Ну да, – кивнул я.

– Час от часу не легче. Виталий Родионович, что вам мешало набить мор... э-э... повздорить с какими-нибудь дру-

гими офицерами? – всплеснул руками князь. – И я, дурак старый, удовольствовался лишь словами Ратыши и проверить сих господ не удосужился.

– Да в чем дело, Владимир Стоянович? – Я действительно не понял, с чего князь вдруг так разволновался.

– Понимаете, друг мой... – медленно проговорил князь. – Есть в нашей армии такое негласное деление, что ли... на старую службу и новую. Повелось так, когда предок государя нашего велел боярам всех имеющихся у них боевых холопов передать ему в полки и самим исполчаться по новому указу сам-один. А чтобы не было местнических споров о том, кому надлежит быть воеводою у тех бояр, сам стал во главе их полков, отчего и прозвано было войско Государевым. В то же время над собранными в полки холопами государь поставил своих личных бояр, кои уделы малые по его воле держали. Из них-то и выросла новая армия, или, как стали их позже называть, полки новой службы. Так они и существуют по сию пору. Правда, старой службы, то есть государевых полков у нас ныне всего четыре наберется, но гонору в них боярско-го да местнического... В общем, готовьтесь, Виталий Родионович. Коли сослуживцы того десятника сочтут, что вы весь Государев Плесковский полк оскорбили, каждый день станете в круг выходить, пока в полку офицеры не переведутся или вы сами в сыру-землю не ляжете.

– А могут и не счесть? – Я приподнял бровь. Хоть лекция о «паркетных полках» меня и впечатлила, но возмож-

ность ежедневных дуэлей вместо тренировок под руководством Тишилы как-то не прельщала. А посему надо бы попробовать отвертеться от чести прослыть убийцей полка... Самонадеянно? Так ведь я же говорю, сражаться с ними на саблях я не намерен, а на ножах, думаю, шансов у господ офицеров будет немного, тем более у таких, как эти – «дворцовая гвардия», блин.

– Могут, – согласно наклонил голову князь. – Но тут уж как решит офицерское собрание полка... А повлиять на него не в силах даже государь, хоть и является он по традиции полковником плесковичей. Так-то, Виталий Родионович.

– Понятно, – вздохнул я. При упоминания государя настроение мое резко ушло в минус. Привлекать к себе его внимание, да еще и таким... хм, небезобидным способом мне совсем не хотелось. Но деваться, кажется, снова некуда. – Что ж, все одно мне ничего иного не остается, как ждать развития событий и искать себе поручников, Владимир Стоянович. Прорвемся!

– Будем надеяться, Виталий Родионович, – проговорил князь, поднимаясь с дивана. – А насчет поручников примите добрый совет: пригласите профессора Граца и Тихомира. Думаю, они вам не откажут в такой чести. Ох, я совершенно забыл о времени! Уж за полночь, а вам нужно бы выспаться. Посему откланиваюсь. Да и супруга моя наверняка уже заждалась, а я и так непозволительно злоупотребил вашим гостеприимством. Прощайте, Виталий Родионович. Покой-

ной ночи.

Не дав мне вымолвить и слова, князь быстрым шагом покинул гостиную и до самого порога моего дома не пророчил более ни звука. Лишь когда Лада подала ему «котелок», князь на мгновение замер на крыльце и, окинув меня взглядом, хмыкнул.

– Удачи вам, господин Старицкий. Не посрамите Особой канцелярии.

– Благодарю за пожелания, ваше сиятельство. Постараюсь не ударить в грязь лицом, – кивнул я в ответ, и князь направился к своей коляске, по нынешней холодной и дождливой погоде накрытой тентом.

– Велите приготовить ванну, Виталий Родионович? – Голос Лады вывел меня из задумчивости. Я повернулся к своей очаровательной экономке и улыбнулся. – Да, пожалуй. И если не сложно, Лада, пришли в кабинет брата. Мне нужно с ним кое о чем потолковать.

Сероглазка быстро кивнула и, так же мгновенно развернувшись, попыталась слинять. Щазз! Я все же успел заметить следы слез на ее лице, а потому больше двух шагов девушке сделать не удалось.

– Стоп. Отставить. Лада, зайди, пожалуйста, в мой кабинет и дождись меня, остальные указания подождут. Хорошо?

Не оборачиваясь, девушка опять кивнула и быстро скользнула в боковой коридор. Ну-ну. Пусть немного приведет себя в порядок. А мне надо выяснить, кто обидел мою эконом-

ку! Найду сволочь и напинаю. Больно. Лейф обнаружился там, где ему и положено, то есть на кухне. Хотя и время уже не детское, а он сидит себе с бокалом красного вина над каким-то толстенным томом и ведать не ведает, что кто-то его сестру обидел.

– Да что вы, ваше... Виталий Родионович! – прогудел Лейф, узнав причину моего визита. – Никто ее не обижал, уж поверьте.

– А что ж она тогда выглядит так, словно рыдала часа два без перерыва? – осведомился я.

Повар тут же смутился.

– То вам лучше у ней самой проведать, – пробурчал Лейф и плотно сжал губы, демонстрируя полное нежелание общаться. Вот блин, партизан нашелся на мою голову!

– Ну что ж. Не хочешь говорить, не надо. И впрямь, лучше уж я у нее все узнаю, – вздохнул я. – А потом с тобой поговорю. Ты же вроде пока спать не собираешься? Вот и ладно. Значит, заглянешь в мой кабинет, как я освобожусь.

Лада встретила меня настороженно. На личике ее уже не было и намека на недавние слезы, но глаза смотрели на меня с опаской... и какой-то беззащитностью, что ли? Черт! И как с ней разговаривать? Как с ребенком, что ли: «Скажи дяде, кто тебя обидел, он их в бараний рог свернет...» Бред.

– Ну с чего же ты, красавица, так плакала? Кто тебя огорчил? – не вынес я воцарившейся в кабинете тишины.

– Никто, – тихо проговорила Лада и вдруг разрыдалась...

снова. А мне что делать?!

Я подошел к плачущей девушке и тихонько обнял ее за плечи. Лада тут же уткнулась носиком мне в плечо и что-то забормотала сквозь непрекращающиеся всхлипывания. Минут через пять до меня начало доходить, в чем дело: моя замечательная экономка узнала о хольмганге и почему-то решила, что мне его не пережить... Дела-а. И как это понимать?

Я осторожно погладил Ладу по голове и, пытаюсь ее успокоить, понес какую-то бессвязную чушь... А что делать, если меня, как и большинство мужиков, женские слезы приводят в заторможенное состояние.

Так мы и сидели с Ладой в обнимку на диване, пока я не понял, что всхлипы прекратились, сменившись тихим сонным посапыванием... Во дает барышня! Пригелась и уснула... Стараясь не разбудить девушку, я поднял ее на руки и отправился в комнату при въезде в дом, выбранную ею в качестве спальни. Надо было видеть круглые от удивления глаза Лейфа, когда я прошкандыбал мимо него с сестрой «наперевес».

Уложив так и не проснувшуюся Ладу на кровать и укрыв ее покрывалом, я тихо вышел из комнаты и почти бегом направился обратно в кабинет. Время действительно позднее, а у меня еще есть один немаловажный вопрос к Лейфу как человеку, выросшему среди ушкуйников, а значит, разбирающемуся в оружии.

– Да ну, Виталий Родионович, то не беда. Найдем что требуется. В столичных-то лавках, конечно, вряд ли удастся заказать что-то подобное. А вот на Старой Ладоге можно и поспросить. Но даже если там никто и не торгует такими странностями, то ведь местные кузнецы там такие, что на заказ хоть ушкуй откуют. Правда, и стоит их работа не копейки. – Нервничающий Лейф (еще бы он не нервничал, после того как увидел мои занятия по переноске тяжестей. Хотя какая в Ладе тяжесть? Пятьдесят, максимум пятьдесят пять килограмм) отмахнулся от моих сомнений по поводу возможности найти в Хольмграде нужный мне инструмент. – Завтра же съезжу, коли вы мне хоть рисунок-набросок дадите, что вам требуется. За день и обернусь.

– Вот и договорились. Рисунок с утра возьмешь здесь же, он вместе с деньгами будет лежать на столе. А коли будешь заказывать инструменты у кузнецов, не забудь сказать, что работа сия должна быть исполнена в три дня, считая день заказа. Не позже.

– Ох и дорого же запросят кузнецы за такую работу, – вздохнул Лейф.

– Так мне ведь дамаск или булат ни к чему, – пожал я плечами. – Но и самоварным железом я не обойдусь. Посему денег за скорость не жалей, но и не раскидывайся ими без дела. И не забудь, мне нужно, чтобы их было две и они ничем друг от друга не отличались. Ясно?

– Понял. Все исполню, Виталий Родионович, – кивнул

Лейф и, замаявшись, спросил уже от самых дверей: – А что Лада сказала?

– Да ничего не сказала, – поморщился я. – Проплакала у меня на плече с полчаса, да и уснула.

– Вон оно как... – покачал головой Лейф. – Ну да ладно. Покойной ночи, Виталий Родионович.

– И тебе того же.

После ухода Лейфа я взялся за черчение... Не сказать, что это был мой любимый предмет в школе, но кое-как со своей задачей я справился, благо размеры понадобившегося мне инструмента помню неплохо. Так, общая длина – пятьсот миллиметров, здесь сто восемьдесят на сто пятьдесят. Вот так. Думаю, тридцати рублей на этот шедевр за глаза хватит. Я выложил поверх рисунка три серебряных десятки и с чувством выполненного долга отправился спать.

Уехавший следующим утром на Ладогу Лейф к вечеру вернулся, сияя как начищенный пятак. Ему удалось договориться с одним из тамошних кузнецов, и тот пообещал, что выполнит работу за один день.

– Так быстро? – удивился я.

– Так вы ж сколько денег для работы передали! – воскликнул Лейф. – Он все заказы в сторону отставил и принялся над вашим инструментом работать.

– Неужто тридцать рублей – такая большая сумма за мой заказ? – пожал я плечами.

– Двадцать рублей, – поправил меня Лейф, выкладывая

на стол серебряный кругляш. – И потом, это ж серебро, а не ассигнации. Вот коли бы вы бумажек на тридцать рублей дали, тогда да. Пришлось бы поторговаться, да и то вряд ли бы какой мастер раньше чем за два дня все справил. Все ж серебро к ассигнациям-то один к двум идет. Неужто вы того не знали?

– Да знаю, только привыкнуть никак не могу, – вздохнул я и подвинул ему принесенную сдачу, меняя тему. – Бери, друг мой. Ты нынче славно потрудился, это тебе за помощь.

Лейф недоверчиво глянул на монету, потом на меня и вдруг, весело усмехнувшись, смахнул ее со стола в карман.

– Благодарствую, ваш... Виталий Родионович. – Лейф на мгновение умолк, но потом все же не выдержал. – Только скажите, зачем вам это понадобилось, да еще так срочно?

– Как зачем? – Я удивленно приподнял бровь. – У меня же хольмганг на носу. Вот и готовлюсь.

– С этим?! В круг?! Ваше благородие, Христом-Богом молю, возьмите с собой на хольмганг. Хоть кучером при коляске. Уж очень посмотреть хочется.

Ну да, «отрежьте мне крылья, я хочу это видеть». А какой реакции еще можно было ожидать от человека, которого с детства готовили к судьбе корсара?

– Лейф, ты бы еще на колени пал... – Я недовольно покачал головой, и парень тут же сник. – Коли так хочешь, то поедем вместе... при одном условии.

– Все, что угодно! – А в глазах такой азарт горит. Блин,

как, оказывается, мало нужно человеку для счастья, а?

– Ты наконец перестанешь называть меня благородием.

– Как скажете, Виталий Родионович, – расплылся в улыбке Лейф.

Возвращения парня с Ладogi на следующий день я ждал с непонятым даже для меня самого волнением. Хотя почему непонятым? Совсем даже наоборот, боялся, что кузнец что-нибудь сделал не так, а времени на переделку у нас почти нет. Вот только что-то сильно меня трясло. Пока не додумался выстроить эмоциональный щит... от Лады. Именно ее страх, накладываясь на мой собственный нервяк, и породил такой мощный мандраж. А стоило вырасти эмоциональному барьеру, как волнение улеглось и к приезду Лейфа все сошло на нет. Вместе с поваром мы внимательно осмотрели работу старолadoжского кузнеца и не смогли найти в ней ни одного изъяна. Крепкая вещь, можно сказать на века сделанная. Вот только, кажется, Лада наше довольство не разделяет. Едва девушка увидела, с какой легкостью оружие рубит чурки, приготовленные для камина, как тут же упала в обморок. Естественно, что мужские игрушки были моментально забыты, и мы вместе с Лейфом принялись хлопотать над Ладой. Но едва она пришла в себя, как тут же окатила нас потоком слез. Спрашивается, стоило ли возиться с приведением сероглазки в чувство? Вот и я о том же. Не стоило. Значит, будем исправлять... Лейф опрометью слетал на кухню и уже через секунду вернулся с затребуванным мною

напитком, который мы тут же и влили в ротик Лады. Стакан водки, и девичья истерика переходит в крепкий здоровый сон. Фух. А рецептик запомню, мало ли что?

Утро... Что может быть лучше солнечного утра, когда просыпаешься сам, оттого что ноздри дразнит умопомрачительный аромат свежесваренного кофе, смешивающийся с не менее вкусным запахом горячего, только что вынутого из печи хлеба. Вот оно, счастье. Даже чуть-чуть жаль, что я взялся отучать Ладу от привычки приносить мне эту роскошь в постель. Но так как есть даже лучше. Теперь, если мне не предстоит визит в канцелярию, никто не будит меня рано утром, а часов в десять-одиннадцать Лада ставит поднос с легким завтраком на консоль у приоткрытой двери в мою спальню, и все. Дразнящий аромат совместного творения Лады и Лейфа и мертвого на ноги поставит, не то что меня, несчастного. Но не бывает в жизни так, чтобы все было замечательно, и едва я привел себя в порядок, как в спальню вошла хмурая после вчерашней эскапады экономка и тихо сообщила, что в гостиной меня уже ждут.

– Добрый день, господа. – Я раскланялся с поручниками боярина. Те назвались, но имена их тут же вылетели у меня из головы.

– Наш поручитель предлагает назначить встречу на завтра. В девять утра в столичном круге. Будут ли у вас возражения или требования по оружию? – спросил, иначе не скажешь, один из поручников.

– Возражений нет. Что же касается оружия... Прошу. – Я улыбнулся и откинул крышку небольшого ларца, притащенного откуда-то ушлым Лейфом.

– ЛОПАТЫ?!

Глава 5

Диагноз: поместный боярин...

Следующее утро подогнало погоду словно на заказ: безветренную и солнечную. Правда, температура воздуха вряд ли была выше нуля по местному Цельсию, но тут уж ничего не поделаешь, зима на носу.

– Коляска готова, Виталий Родионович, – прогудел Лейф, встречая меня в холле флигеля. – Заряна Святославна расщедрились, разрешили ее экипажем воспользоваться, я уж и проверил все. Там и полость медвежья теплая, да и наговор на обогрев подновленный, глядишь и до вечера его хватит.

– Замечательно, – кивнул я, одновременно принимая у бледной Лады перчатки и шляпу. Девушка тут же отошла на пару шагов и, быстро меня перекрестив, вдруг скрылась в боковом коридоре.

– Волнуется, – пояснил Лейф.

Ну спасибо, а то я без его подсказок не догадался!

– Оружие для хольмганга у кого, не знаешь? А то ведь я вчера так и недослушал, кто из моих поручников спор выиграл.

– Так вчера ввечеру Тихомир Храбрович изволили с собой забрать. Заявили, что как к доктору противник может к Меклену Францевичу подозрения испытывать, ежели тот оружие представлять будет. Дескать, кому как не медику с ядами знаться. Чуть до ссоры не дошли. Но вроде помирились. Так что сейчас что Тихомир Храбрович, что Меклен Францевич уж должно быть на кругу вас ждут.

– Все же отстоял Тишила свое право на представление, – усмехнулся я, выходя на улицу и устремляясь к коляске, у дверцы которой обнаружилась и хозяйка дома, одетая по-домашнему, без всяких верхних накидок. Из теплой одежды только и есть что белая шаль на плечах да меховая муфта на руках.

– Заряна Святославна, доброго утра вам.

– И вам того же, Виталий Родионович, – чуть улыбнулась Смольянина, преградившая мне путь к экипажу.

– Замерзнете же, хозяйюшка, – покосился я на непривычный мне предмет одежды. – Почто в такую погоду так холодно оделись?

– Не успею, Виталий Родионович. Я ж только проводить вас вышла. Негоже по таким делам с пустого двора уезжать. Плохая примета, – усмехнулась Смольянина и кивнула на коляску. – Вот, как и просили, экипаж в вашем распоряжении.

– Благодарю вас, Заряна Святославна. Лейф уж доложил.

– Как же, видела я, как ваш паренек коляску исследовал да упряжь. А уж лошадям только что в глотку не залез, осмат-

ривая. – Хозяйка махнула рукой в сторону застывшего каменным изваянием Лейфа, уже устроившегося на месте возницы. – Справный парень.

– Это точно, – согласился я, с тоской вспоминая, что сегодня остался без привычных утренних булочек, мастерски приготавливаемых «справным парнем». Невелик завтрак, конечно, но выходить в круг с набитым брюхом – полный абсурд. Антибиотиков здесь нет, а местным эскулапам с их магией я пока не особо доверяю. Вроде бы и сам начал потихоньку «колдовать», а доверия к подобным способам лечения, как в том мире не было, так и сейчас нет. Может, просто не успел привыкнуть, а может из-за той пары дел в моей практике, когда приходилось сталкиваться с «целителями»-шарлатанами, черт его знает. Но раз уж так получается, то следует самому побережться..

– Вы уж берегите себя, Виталий Родионович, – в унисон моим мыслям проговорила Смольянина, отступая в сторону и давая мне возможность забраться в коляску. Едва я оказался внутри, хозяйка дома уже виденным недавно жестом перекрестила меня и хлопнула ближайшую к ней лошадь по крупу. – С Богом. Трогай!

От командного голоса, вдруг прорезавшегося у Заряны Святославны, лошади дернулись и тут же рванули со двора крупной рысью. По-моему, Лейф даже кнутом взмахнуть не успел.

Мы промчались по полупустым улицам Загородского кон-

да к центру города, свернули у детинца на Людин конец и, миновав вокзальную площадь, выехали к небольшому парку, тихо поскрипывающему голыми ветвями облетевших многовековых деревьев. Коляска сбавила ход и медленно показилась по расчищенным от палой листвы, посыпанным мелким песком дорожкам. Скорый ход в парке запрещен, как пояснил Лейф, склонившись к небольшому окошку, прорезанному в тенте коляски. Ну и ладно! Времени у меня еще навалом, а вокруг вон какая красота... Пусть осень, пусть холодно, зато как горит багрянцем и золотом кленовая листва, усыпавшая землю под могучими стволами деревьев, как светит солнце, чертя на земле абстрактные рисунки угольно-черными тенями от ветвей все тех же дубов и кленов... и масляно блестят листья какого-то вечнозеленого кустарника, живой изгородью выющегося вдоль дорожек. А вокруг никого. Пусто поутру в парке. Будний день, как-никак. Только слышен мягкий топот копыт по песчаным дорожкам да скрип рессор моего экипажа... Ну да, и Лейф матерится. Блин, такую идиллию испоганил, сын ушкуйника!

До меня донеслась очередная рулада моего возницы-повара, и лошади встали.

– Что там, Лейф? – спросил я, пытаюсь рассмотреть что-либо в окошке дверцы коляски. Бесплезняк, конечно.

– Да кто ж его знает, Виталий Родионович, – прогудел парень, но в голосе мелькнули настороженные нотки. – Вышли вон двое каких-то на дорожку и с места не сходят. Пойти,

что ль, узнать, чего им надобно?

– Нет. Сиди на месте. И, Лейф... у тебя там найдется что-нибудь для самозащиты?

– Атож. – Я вполне отчетливо представил себе ухмылку ушкуйника. – Ежели правильно вожжами-то пройтись, то нападавший на том свете очутится и глазом моргнуть не успеет. О! Идут сюда, Виталий Родионович.

– Понял, – проговорил я. – Сиди, не дергайся. Как только выстрелю, падай на пол. Да не вздумай лезть под выстрелы!

Ну не нравятся мне такие шутки. Здесь, конечно, просвещенное девятнадцатое столетие, да только думается, что и тут найдутся любители легкой наживы. А уж на заказ они действуют или наобум, это другой вопрос.

Я чуть напрягся, формируя сеть познания, и спустя мгновение уже точно знал, что вокруг нашей коляски собралось пять человек. Двое преградили дорогу, а еще трое подошли к остановившемуся экипажу сзади, так что Лейф их увидеть не мог.

– Сзади трое, – тихо проговорил я для возницы.

– Эй, в тарантасе, вылазь давай, барчук! – Голос одного из преградивших нам путь придурков был хрипл и простужен.

– А то что? – поинтересовался я. Вытащил барабанник и тихонько опустил на пол, одновременно напрягая ноги для удара в левую дверцу коляски. То, что атаковать меня будут именно через нее, мне подсказала сеть познания, послушно передавшая ощущение живых существ, огибающих коляску

слева. Двое не увиденных Лейфом разбойничков уже подобрались к дверце вплотную, оставив своего «коллегу» у задней стенки экипажа.

– А то выволокем, сам не рад будешь! – просипел знакомый уже голос, и в ту же секунду я со всей дури ударил в дверь обеими ногами. Самый шустрый неудачник схлопотал удар дверцей по морде и, отлетев в сторону, затих. Второй же, не ожидавший такого поворота и потому на секунду замешкавшийся, огреб рукоятью барабанника по черепу и кулем рухнул на землю. «Сварскольд» пару раз рывкнул в белый свет как в копеечку, заставив оставшихся на ногах бандитов шарахнуться в стороны, и я, выпав из экипажа, нырнул под коляску.

– Не дури, барчук! – Голос «переговорщика» донесся откуда-то справа, но ответа от меня не дождался. Я в этот момент как раз взял «на мушку» третьего горе-налетчика, оставшегося за задней стенкой экипажа. При звуке выстрела он, как и остальные подельники, упал наземь, так что сейчас ствол «сварскольда» упирался ему в переносицу.

– Оружие есть? Кто такие, чего нужно? – шепотом поинтересовался я у затаившего дыхание разбойничка.

– Так с Плотни мы... – так же шепотом ответил тот, демонстрируя пустые руки. – Атаман сказал, через парк седни богатый барин ехать будет, вот мы и...

– Понятно. Отползай, – приказал я придурку, и тот, с готовностью закивав, не вставая на ноги, начал разворачивать-

ся, елозя пузом по песку. Почему придурок? Потому что решил, что я поверю в его безоружность. Удар рукоятью барабанника по затылку, нанесенный горе-налетчику из неудобного положения, тем не менее вполне удался, и небритая физиономия разбойника безвольно ткнулась в песок. Вот. Трое готовы. Теперь можно и с оставшимися красавцами побеседовать.

– Ау, чего замолк, переговорщик? – крикнул я.

– Так и не молчу я вовсе, барчук. Наоборот, это ты отвечать не хочешь, когда с тобой хорошие люди разговаривают.

– Ну вот, ответил, и чего ж тебе надобно, «добрый человек»?

– Так это... ой е-е-о.

Не понял! Это что такое?

– Виталий Родионович, все. Готовы тати. – Веселый голос Лейфа заставил меня выматериться. Не утерпел повар, полез в драку. Небось, пока разбойнички от моих выстрелов тихарились, парень незаметно слез с коляски и, миновав кустарник, зашел к татам в тыл. Ну я ему устрою варфоломеевскую ночь и утро стрелецкой казни, импровизатору хренову. Надеюсь, он этих уродцев хоть не насмерть приголубил... А то что-то не хочется еще и с сыскарями знакомство сводить.

Я выбрался из-под экипажа и в ожидании Лейфа, вытаскивающего тушки татей из-за деревьев, скептически глянув на свой костюм, вздохнул. Кажется, Меклен Францевич недавно учил меня воздействию, очищающему костюм от

легких загрязнений, ну там, «от капнувшего на манжеты соуса, крошек галльских булочек, брызг от неумело налитого половым вина...», как следовало из его же объяснений. Хм. Песок, конечно, мало похож на соус или крошки от хрустящих булочек... но что-то же делать надо? Если я появлюсь в таком виде на круге, это могут счесть оскорблением, причем не только плесковский десятник, на чье пыхтение мне ввиду предстоящего хольмганга, откровенно говоря, плевать, но и его поручники. А устраивать еще две дуэли сразу после боя с боярином мне совсем не улыбается. Что я им, д'Артаньян?

Представив себе гасконца с пехотной лопатой наперевес, я невольно усмехнулся. Добравшийся до меня со своей ношей, Лейф, приняв мою усмешку на свой счет, тут же довольно улыбнулся в ответ. Ага, наивный.

– И чему же ты так радуешься, позволь спросить? – поинтересовался я, подпуская в голос холода. Лейф тут же потушил ухмылку и, упустив безвольные тушки бандитов, развел руками.

– Так это... вот. – Поняв, что вопрос не был риторическим, Лейф наконец крайне лаконично пояснил свою радость и ткнул пальцем себе под ноги, указывая на валяющихся на песке татей.

– А скажи-ка мне, друг мой, чему учил тебя твой батюшка. О дисциплине, например, он ничего не говорил?

– Как же не говорил, – вздохнул Лейф, моментально поняв, куда ветер дует. – В походе-то ушкуйном без подчине-

ния приказам старших никуда. Провальный поход будет, коли дисциплину порушить.

– Так что ж ты мой приказ не исполнил?

– Ну... – протянул Лейф. А до меня только сейчас по-настоящему дошло, что, несмотря на всю свою самостоятельность, ум и умения, передо мной стоит молодой двадцатилетний парень, со всеми порывами и заскоками, присущими его возрасту, а не воин, прошедший огонь, воду и медные трубы и понимающий необходимость точного исполнения приказов.

– Ладно, – прервал я затянувшуюся паузу. – Что татей пришиб, молодец, а о неукоснительности исполнения моих распоряжений мы с тобой дома поговорим... Как думаешь, кто из этих паскудников – атаман?

– Вот этот, кажись, – облегченно вздохнув, проговорил Лейф, указав на одного из татей. – Слышал я, пока к ним подбирался, как он своему дружку командовал.

– Славно. Значит, этого связать, кляп в глотку и в экипаж. Да и поехали, а то уж время подходит, как бы наши знакомцы не обиделись на опоздание.

– А с остальными что? – недоуменно спросил Лейф, хватая атамана татей за шкуру.

– Оставим, на кой они нам? Ежели сыскарям их везти, так времени жалко, да и не поместятся все разбойнички в коляску. А так очухаются, уйдут и бес с ними, – пожал я плечами, направляясь к экипажу, на ходу пытаюсь применить все

свои куцые знания в бытовых воздействиях, чтобы очистить костюм от песка.

Справился я со своей задачей только за пару минут до приезда на место. Круг, укрытый от посторонних взоров особенно высокой и плотной живой изгородью из вечнозеленого кустарника, расположился почти в самом центре парка (тоже мне аттракцион для детишек!) и представлял собой утоптаный пятачок, метров двадцати в диаметре, огороженный высоким и широким каменным бордюром, очевидно, при необходимости играющим роль скамьи. Впрочем, мне сейчас было не до садово-архитектурных изысков. Все мое спокойствие, сохранившееся даже во время столкновения с татями, неожиданно дало трещину. Стоило мне увидеть постные физиономии поручников боярина и бледные лица моих помощников, как беспечное настроение меня покинуло. Нет, у меня не тряслись поджилки и не сводило живот. Но где-то в груди ворохнулся страх, а следом за ним пришел знакомый легкий мандраж, всегда накатывающий на меня в преддверии боя. Не желая растягивать удовольствие ожидания хольмганга в таком состоянии, я одним движением выскочил из экипажа и, быстрым шагом преодолев несколько метров, отделявшие меня от компании поручников, отвесил им короткий полупоклон.

– Доброе утро, господа. А где боярин Голова? Неужто опаздывает? – поприветствовав присутствующих, поинтересовался я.

– Господа поручники утверждают, что ваш противник прибудет с минуты на минуту, – ответил Грац, цедя слова сквозь зубы.

– В чем дело, Меклен Францевич. Вы чем-то расстроены? – удивился я. В таком настроении я профессора еще не видел.

– Я не расстроен, Виталий Родионович. Пустое, – качнул головой Грац. – Так, мелкое недоразумение между нами и поручниками вашего противника.

– Вот как? – Я мельком глянул на молчаливо взирающих на нас поручников. С их надменным видом я успел познакомиться во время краткого визита этих господ в мой дом. Правда, тогда им не удалось сохранить его надолго. Узнав о предпочтенном мною оружии, сослуживцы десятника подняли хай, точно базарные торговки, но ничего не добились и вынуждены были удалиться, пыхтя, как закипающие чайники. А сейчас... – Так что же такого произошло, Меклен Францевич?

– Эти... господа поставили под сомнение право Тихомира Храбровича быть вашим поручником. Дескать, помещным боярам зазорно выступать поручниками наравне с мужичьем. Урон их чести, видите ли.

– Так ведь, если моя память не изменяет, по Русской Правде, в соответствии с уложением о государственной службе, чин старшего охранителя обмундированной службы Особой канцелярии соответствует войсковому званию корнета? Раз-

ве нет? И в чем же господа поручники увидели урон их чести? — проговорил я. — К тому же, коли десятнику Плесковского Государева полка незазорно сойтись на хольмганге с заштатным письмоводителем Особой канцелярии, должно ли подчиненным сего десятника воротить нос от представителей противной стороны, даже если те и не блистают золотым шитьем на мундирах?

— Вы несомненно правы, Виталий Родионович, — заметно расслабившись, кивнул Тишила. — Но, кроме того, бояре забывают, что право на хольмганг есть у каждого подданного. Равно как и свобода в выборе поручников. А все спесь поместная.

— Да уж. Совсем историю забыла молодежь, — вставил свои пять копеек Грац, уже не выдавливая из себя слова, как воду из камня. — Да и не только историю. Законов государевых они тоже не помнят. Очевидно, в голове все место родовые сказки заняли, вот на иные знания памяти-то и не хватило.

Ё-мое. Или я чего-то не понимаю, или Тишила и Грац нацелились вызвать этих петухов гамбургских на хольмганг! Иначе с чего бы им доводить поручников боярина до кипения?! Блин, да где же этот чертов Голова? Чую, если через минуту он не появится, то придется нам ждать своей очереди у круга, пока профессор и Тишила не выяснят отношения со скрежещущими зубами поручниками... О, кажется, едет.

Все присутствовавшие одновременно повернулись на топот копыт. К хольмгангу подъехал богато, но аляповато

украшенный позолотой экипаж с намалеванными на дверцах красочными гербами, утонувшими в обилии всяческих держателей, мантий и прочих завитушек... Качнулись бордовые бархатные занавески с золотыми кистями, в окошке распахнувшейся дверцы экипажа и в проеме показался боярин Голова.

Вообще-то малая пехотная лопата – это не меч и даже не топор. Иначе говоря, не создан сей шанцевый инструмент для фехтования. И я, когда выбрал МПЛ в качестве дуэльного оружия, прекрасно это понимал. Но главное, выбрав такое диковинное оружие и лишив своего противника возможности свести бой к классическому фехтованию, я перевел игру, что называется, «на свое поле». Теперь все козыри были у меня. Насквозь знакомое оружие и возможность работать в привычном стиле, а не шараться от длинноклинковых дрынов, как на тренировках у того же Тишилы.

В круг мы с боярином шагнули одновременно, и я снова порадовался удачности идеи. Каждое движение десятника выдавало в нем отменного бойца... фехтовальщика. Обменявшись парой скупых, экономных ударов, от которых оба с легкостью ушли, мы отпрянули друг от друга и, не размениваясь на бесполезные на такой дистанции обманные движения, закружили по хольмгангу, время от времени сближаясь для короткого обмена ударами, которые невозможно парировать, только уклоняться. Вон боярин, по привычке должно быть, попробовал отбить удар в корпус, но все что ему уда-

лось, это лишь чуть изменить траекторию удара, так что сведенный в ноль край моей лопаты прочертил длинный разрез на его боку. Впрочем, мои дела тоже оказались не блестящи. Если в начале боя я надеялся на свою более развитую, чем у противника, физику, то уже через пять минут наших танцев и присматриваний друг к другу понял, что преимущества как такового у меня нет. Противник без усталости кружил по пяточку и начал проявлять хоть какие-то признаки усталости лишь получив кровоточащий порез почти под мышкой. А значит, надо менять тактику.

Резко сблизившись с десятником, я провел несколько быстрых ударов, от которых тот ожидаемо уклонялся, всякий раз болезненно морщась от явно не слабой боли в боку. И еще раз.

От длинного горизонтального удара на уровне груди боярину пришлось отпрыгнуть. То, что надо! Расходимся. Атака. Удар, удар, взмах. Мы отпрыгнули друг от друга одновременно. Отвлечся, пора! Разрывая дистанцию, я выпустил лопатку из руки, оружие свистнуло в воздухе, и боярин рухнул, заливая песок площадки кровью. Продолжить бой с разрубленной ключицей ему, думаю, будет проблематично.

Острый край выроненной им в падении лопатки коснулся горла десятника. Боярин, и так бледный от потери крови, и вовсе спал с лица, еле слышно вздохнул и, облизав пересохшие губы, выдавил:

– Ваша победа.

– Вот и славно. – Я поднялся с колена и, не обращая ни на что внимания, шагнул к ограде круга. Усевшись на бордюр, я подставил лицо прохладному ветерку и сквозь полуприкрытые веки наблюдал, как буквально через секунду рядом с боярином оказались поручники. Грац тут же ринулся осматривать пациента и оказывать ему первую медицинскую помощь. Тишила, дождавшись, пока профессор вытащит из раны десятника застрявшую там лопату, принялся приводить в порядок мое «дуэльное оружие», а поручники боярина, выслушав своего поручителя, недовольно сопя, двинулись ко мне.

– Наш поручитель признал поражение и свою неправоту в вашем с ним споре, о чем и поручил вас уведомить. Засим свои обязанности как поручников мы считаем исполненными, – напыщенно проговорил плесковец.

– И как мы не связаны более ограничениями, что налагает сей статус, имею честь сообщить вам следующее, – произнес его сослуживец. – Поставив в свои порученцы мужика, вы умалили нашу честь, а равно и честь нашего полка. К сожалению, мы не имеем возможности вызвать вас в круг сей же час, поскольку боярин ранен и его надо немедленно доставить в лазарет. Но будьте уверены, по возвращении в полк о вашем поступке узнают все наши товарищи. И у кого-то из них вполне достанет времени, дабы встретиться с вами в круге. Засим откланиваемся. Прощайте, господин Старицкий.

– Всего хорошего. Не забудьте передать господам офице-

рам, чтобы как следует подготовились к встрече. Кстати, есть у меня знакомый кузнец на Ладого, так он, знаете ли, такие чудные лопаты делает, и совсем недорого.

Плесковцы покраснели, но молча щелкнули каблуками и направились к боярину. Дождавшись, пока профессор наложит повязки, вояки подняли десятника на руки и, погрузив его в экипаж, укатили прочь.

– Ну что, чую, придется нам время занятий увеличить, а, Виталий Родионович? – заметил Тишило, не упустивший, как оказалось, ни слова из разговора с плесковцами.

– Только не сегодня, Тихомир Храбрович. Никак не могу. Нынче у меня одна важная встреча назначена. Да еще и князю надобно подарочек завезти, – открестился я и, поднявшись с бордюра, направился к экипажу.

– Какой такой подарочек? – тут же нарисовался любопытный профессор.

– Да вот нашел по дороге сюда. – Открыв дверцу, я кивнул на все еще пребывающего в отрубе, связанного по рукам и ногам татя.

– Прав был князь, свинья грязи везде найдет, – вздохнул Грац.

Э-э... Это он о ком, а?! Трубка клистирная!

Глава 6

Если у вас паранойя, это еще не значит, что за вами не следят...

Перед тем как отправиться в присутствие, заехал домой... м-да... а ведь именно что домой! То ли я так быстро привык к своему новому месту жительства, то ли прав был кто-то из прочитанных мною на исторической родине авторов, утверждавший, что дом – это прежде всего место, где тебя ждут. Наверное, все-таки второй вариант вернее.

Стоило экипажу въехать во двор, как на крыльцо флигеля тут же выпорхнула Лада. Очевидно, братец успел подать ей какой-то знак, или она просто почувствовала, что все прошло удачно, но к тому моменту, как экипаж остановился, на лице сероглазки сияла такая улыбка! Я пропал.

Выбравшись из экипажа, я поднялся по ступеням крыльца, но не успел переброситься с Ладой и парой слов, как за моей спиной послышались чьи-то легкие, но уверенные шаги... Кто бы сомневался, что госпожа Смольянина зайдет проведать своего жильца, возвращающегося с хольмганга, а заодно проинспектировать состояние доверенного ему экипажа. Я ободряюще улыбнулся Ладе, бросающей хмурые взгляды в сторону хозяйки дома, и повернулся навстречу поднимающейся по ступеням даме.

– Рада видеть вас в здравии, Виталий Родионович, – про-

говорила Смольянина, окидывая меня изучающим взглядом. Проверяет на предмет комплектности, что ли?

— Ну а как же, не мог же я позволить себе лишить вас такого замечательного во всех отношениях жильца? — усмехнулся я. В спину пахнуло ветерком, а затем раздался чуть слышный хлопок тяжелой дубовой двери, оснащенной по последней местной моде пневматическим доводчиком. Лада сбежала.

— Он еще шутит! — в притворном гневe всплеснула руками хозяйка дома, поднявшись на крыльцо.

— Прошу меня извинить, Заряна Святославна, более не повторится. — Я изобразил на лице максимально возможное раскаяние, одновременно открывая перед Смольяниной дверь. — Пожалуйста в дом. Хотя я и стеснен ныне во времени, да и чаю, как у вас давеча, обещать не могу, но замечательным кофием попотчую. Уж не откажите, ручаюсь — такой амброзии, как моя Лада готовит, вам и в лучшем ресторане не попробовать.

— Паяц, — фыркнула Смольянина, не скрывая искорок веселья в глазах, вздернула надменно подбородок и, шелестя юбками, прошествовала мимо меня в холл.

К тому моменту, когда мы дошли до гостиной, там уже был накрыт небольшой стол у окна, на котором обычно лежали утренние газеты. Сласти, тростниковый сахар, подогретые сливки... не хватало только дымящегося кофейника, распространяющего вокруг себя самый чудесный для всяко-

го заядлого кофемана аромат. Впрочем, этот недостаток был исправлен почти мгновенно. Все же Лада у меня умница. Ведь я ни словом при ней не заикнулся насчет кофе. Остается только понять, как она умудрилась приготовить его с такой скоростью... За ту пару минут, что прошли с момента бегства сероглазки с крыльца, по-моему, и чайник-то не закипит... А уж приготовить за это время кофе и вовсе нереально, если это не растворимая бурда, конечно... которую здесь еще попросту не придумали. И надеюсь, не придумают.

– Так что же, поведайте мне о перипетиях вашей встречи, Виталий Родионович. – Хозяйка дома пригубила кофе из маленькой, тончайшего фарфора чашки.

– Вот не думал, что такая неаппетитная тема может вас заинтересовать, Заряна Святославна, – покачал я головой.

– Полно вам, господин Старицкий, – отмахнулась та. – Хольмград хоть и столица, а все одно что большая деревня, слухами живет. Так неужто я упущу такую возможность? Согласитесь, лучше уж узнать об интересном событии от одного из участников, нежели домыслы да переиначенные на свой лад, по разумению шептунов, слухи собирать...

– Ну если смотреть с такой позиции, то вы, наверное, правы, хозяйюшка. – Пришлось мне развести руками и коротко, не забывая о времени, рассказать Смольяниной о том, как прошел хольмганг. Правда, упоминать о нападении в парке и до сих пор валяющемся на дне экипажа спеленутом гоп-стопнике, я не стал. Зачем плодить лишние слухи...

Вот в чем можно посочувствовать местным жителям, так это в отсутствии здесь такого достижения человечества, как «зомбоящик». Нет, с одной стороны, это просто здорово. Но с другой... насколько тяжела жизнь обывателя, вынужденного вместо потока сериальных слез с экрана обходиться жалким ручейком шепотков и слухов о жизни столицы. Вот и получается, что зеленщица всю сплетничает с уличанами, как ее сосед-булочник «вчера жонку смертным боем бил», а знать на пирах шепчется о том, за какие заслуги отцу юной княжны такой-то государь новые привилегии пожаловал. А уж каково приходится самим обсуждаемым! М-да. А ведь я теперь тоже стану персонажем в сплетнях местного «сарафанного радио». Конечно, в приемной государя или трапезной какого-нибудь думного боярина обо мне и слова не проронят, не того полета птишка, но вот среди служилого люда слухи гулять пойдут. Если уже не пошли.

Заметив мои нервные взгляды на каминные часы в вакуумном колоколе, Заряна Святославна свернула свой дотошный допрос (ну вот скажите, на кой ей знать, сколько пуговиц было на сюртуке боярина Головы?).

– Ох, Виталий Родионович, я совсем забыла о времени, – пропела хозяйка дома, поднимаясь с кресла. – У меня же еще столько дел, столько дел... Да и вы говорили о занятости, а я тут растрещалась как сорока деревенская. Пора бы и честь знать.

– Понимаю, Заряна Святославна, – кивнул я, поднимаясь

следом. — Но надеюсь, что, несмотря на нашу занятость, оговоренная встреча со старейшиной все же состоится?

— Уж будьте покойны, Виталий Родионович. Буду рада познакомить вас со Ставром, — улыбнулась Смольянина, поправляя шаль и направляясь к выходу. — Жду вас сегодня к девяти часам.

— Непременно буду, Заряна Святославна. — Я открыл дверь в холл, и тут же появившаяся словно из ниоткуда Лада проводила хозяйку дома до крыльца.

А я отправился переодеваться. С этим неожиданным визитом Смольяниной у меня совсем не оказалось времени, чтобы привести себя в порядок после хольмганга. Надо исправляться.

В темпе вальса приняв душ и переодевшись в чистое, я приладил выручивший меня сегодня барабанник, удобно устроив его в специально заказанной у шорника кобуре-оперативке (ох и намучился я, объясняя мастеру, что и для чего мне нужно...), и, кликнув Лейфа, отправился на двор, к экипажу. Надо же все-таки побеседовать с атаманом в удобной обстановке? Да и князю доложить не худо было бы, до того как информация к нему в виде слухов дойдет...

Телепнев встретил меня хмуро, что, в сочетании с похоронно-черным штатским костюмом, наводило на мысль о глубоком трауре, в коем пребывает его сиятельство. На мой вопрос, не случилось ли чего, князь только недовольно скривился.

– Все идет своим чередом, Виталий Родионович, – проговорил Телепнев. Вот только тревожный всполох, вырвавшийся из-под ментальной защиты главы Особой канцелярии, говорил об обратном. Ну да настаивать не буду, делать мне больше нечего, кроме как лишние неприятности наживать?

– Это замечательно. – Я улыбнулся. – А что, Владимир Стоянович, не желаете взглянуть на мой улов?

– Это вы про того татя, что охранителям сдали? – приподнял бровь князь. Уже доложили, надо же! Когда успели? Ведь я только сдал атамана на руки штрафным синемундирникам и тут же двинулся к князю. И могу поклясться, что передо мной никто в его кабинет не входил...

Телепнев поднял телефонную трубку.

– Чайку нам с Виталием Родионовичем принесите, – проговорил князь, и трубка вернулась на рычаг. Вот я идиот... мог бы и сразу догадаться, что первым действием дневального после моего неожиданного визита в подвалы канцелярии был звонок начальству. Телепнев вздохнул. – Давайте встретимся с вашим «уловом» чуть попозже, друг мой. У меня имеется к вам крайне важный разговор.

– Я весь внимание, Владимир Стоянович. – Я напрягся. Не нравится мне поведение князя, ой не нравится. Точно, сейчас какую-нибудь гадость скажет.

– У нас произошло чрезвычайное происшествие, – тяжело произнес глава Особой канцелярии, дождался, пока вошед-

ший в кабинет секретарь поставит на стол поднос с чаем, и только после его ухода продолжил: – Можно сказать, небывалое происшествие. Пропал служащий канцелярии...

– Э-э?

– Хельга Милорадовна, – с каменным лицом сообщил князь.

– Как это?

– Вот так, Виталий Родионович. Совершенно точно известно только одно: этим утром Берг Милорадович заехал за сестрой по пути в канцелярию, но застал в ее квартире только пребывавшего в беспамятстве Буса Ратиборовича. Берг привел подчиненного в чувство, и тот сообщил, что предыдущим вечером зашел в гости к Хельге. Последнее, что он помнит – сделанный им глоток коньяка, предложенного хозяйкой.

Берг отправил извозчика в канцелярию, и через полчаса охранители были на месте. Квартира пуста. Части одежды, а также всех денег, украшений, а равно и каких-либо документов нет. Следы чужих тонких оболочек или воздействий, кроме остаточного флера самой Хельги и заглянувшего к ней Буса Ратиборовича, также отсутствуют.

– Однако... – Я хоть и выпал в осадок от такого заявления, но сделать вывод из сказанного князем моих невеликих способностей вполне хватило. Хельга сбежала. Бред, конечно, но... похоже, что так и есть.

– Владимир Стоянович, а могу я побывать в квартире

Хельги? – поинтересовался я.

– Желаете поучаствовать в сыске? – чуть ворчливо осведомился князь.

– Кто знает, – улыбнулся я. – Может, у меня что-то получится...

– Воля ваша, Виталий Родионович. В свое свободное время можете заниматься чем угодно. Об одном прошу. Не вздумайте мешать нашим розыскникам. Ежели сами что интересное узнаете, милости прошу ко мне в кабинет и никуда более. Вам ясно? – В последних словах князя настолько явственно прозвучал приказ, что послушаться его «просьбы» нечего было и думать. Одно мне только интересно, с чего бы Телепнев с такой готовностью разрешил мне влезть в это дело? Нелогично как-то. Я ведь здесь, что называется, «с боку припека», а пропала-то отнюдь не зеленщица-сплетница, а сотрудник Особой канцелярии, да еще допущенный к секретным сведениям. Хе... Интересно, а господа розыскники, как их поименовал князь, в курсе этих самых сведений?

– Они знают, что такой доступ у Хельги был, Виталий Родионович, но тема ее работы им неизвестна. И известна статья не должна, – ответил на мой вопрос Телепнев, задумчиво крутя в руках чашку с остатками чая. – Что же касается моего разрешения... Я, знаете ли, не люблю складывать все яйца в одну корзину, но и допускать государев сыск до поисков Хельги не собираюсь. Это дело канцелярии, и я не стану выносить сор из избы. А вы, Виталий Родионович, не только

чиновник канцелярии, пусть и заштатный, но и, как я помню из доклада Меклена Францевича, занимались подобными вещами там, у себя... Не так ли?

— В общем-то да. — Я кивнул. Вот уж не ожидал от князя такой откровенности, особенно в отношении государева сыска. Нет, понятно, что любые контролирующие органы всегда ведут жесткую конкурентную борьбу, но столь явно высказываться о неприятии «коллег» несколько, хм-м, чересчур, что ли... Впрочем, кто его знает? В этом мире все не так, как на моей «исторической родине»; может, здесь это нормально? Ладно. Чего гадать о взаимоотношениях контор, у меня, кажется, есть дело поинтересней... — Значит, негласный розыск, Владимир Стоянович?

— Рад, что вы правильно поняли мою мысль, Виталий Родионович. — Князь сбросил с себя задумчивый вид и отсалютовал мне пустой чашкой.

— Я не настолько умен, как вам кажется, князь, — фыркнул я. — Иначе бы не пребывал сейчас в тягостном недоумении по поводу той легкости, с которой вы разрешили мне участвовать в розыске.

— Не участвовать, а учинить собственный, — покачал головой Телепнев и усмехнулся. — Будем считать, что мне просто стало интересно, чьи приемы окажутся успешней. Наши или ваши. Устроит вас такой ответ? А теперь, если не возражаете, Виталий Родионович, пойдемте, проведем того татя, что вы так любезно предоставили охранителям.

Спускаясь в подвалы канцелярии следом за князем, я только вздыхал. Наши – ваши... Устроит – не устроит... Жаль, что мгновения откровенности сиятельства истекли так быстро, и теперь об истинных мотивах его поведения мне не узнать. По крайней мере, в ближайшее время.

Внизу, в небольшом, скудно обставленном кабинете дневальный в черной, так называемой «подвального устава» форме, без каких-либо знаков различия, вытащил из ящика стола прошитый журнал, быстро нашел нужную страницу с именем и присвоенным номером, и уже через минуту перед князем лежала папка с тщательно выписанными данными.

Стоило нам оказаться в камере (а как еще назвать каменный мешок с единственным узким деревянным топчаном, принаитованным к полу, стальной дверью и без единого окна... если не считать таковым вентиляционный продух диаметром не больше десяти сантиметров), как пленник вскочил на ноги и уставился на меня и князя с абсолютным непониманием происходящего в глазах. Под дурачка решил закосить, что ли?

Атаман разбойничков оказался на редкость скучным и неинтересным человеком. Он так и не смог сказать, кто и зачем навел его банду на меня. Только и бормотал, что услышал о барчуке вчера в трактире на Плотне. А поскольку с деньгами у его банды, недавно прибывшей в столицу «на гастроли», в последнее время стало совсем худо, то он и решил облегчить карманы ближнего.

Поверить в такое совпадение было решительно невозможно. Но говорить что-либо иное сей господин явно не соби-
рался. Не помогла даже квалифицированная помощь мозго-
лома – смутно знакомого мне, невыразительного дядьки, вы-
званного Телепневым для ментального допроса.

– Господа, ничем не могу помочь, – в конце концов раз-
вел руками приглашенный специалист. – Судя по всему, гос-
подин Лукан вчера выпил лишнего... Точнее, был пьян до
изумления. Ничем другим творящийся в его голове сумбур
объяснить невозможно. Думаю, ему бы следовало хорошень-
ко проспаться... а завтра с утра можно будет и повторить до-
прос.

– Хорошо. – Недовольный Телепнев рассеянно кивнул
подчиненному, и тот шустро выскользнул за дверь. Князь
бросил брезгливый взгляд на забившегося в угол камеры та-
тя и повернулся ко мне. – Что ж, Виталий Родионович. Вид-
но, придется нам подождать с установлением истины. Пока
не восстановится нормальная работа мозга этого душегуба,
узнать от него о действительных заказчиках нападения нам
не удастся. Особенности ментального допроса, знаете ли...

– Ну что ж... На нет и суда нет, – кивнул я. – Но может,
что-то знают его подельники? Я-то их ловить не стал, не до
того было, знаете ли, но ведь он же их атаман, наверняка зна-
ет, где они сейчас быть могут?

– Слышал, что Виталий Родионович говорит? – повернул-
ся к татю князь.

– Дружков вам моих? С-собаки легавые... Подавитесь, – хрипло, но уверенно прокаркал тать и сплюнул нам под ноги.

– Да ты никак нас с государевым сыском спутал, родной, – подозрительно ласковым голосом проговорил князь. – Ой ошибся. Ну да ничего, мы твою ошибочку-то поправим, Луканушка.

Князь выглянул в коридор и коротко бросил в пространство: «Конвой, в допросную вора» ... Тут же притопали трое мордovorотов в черных кителях без знаков различия. Двое, подхватив под руки Лукана, потащили его за собой, не давая сделать ни шага самостоятельно. А третий шел чуть позади и следил за каждым движением подконвойного. Стоило только татю опереться ногой об пол, как тут же следовал короткий удар подкованным мыском сапога в лодыжку и короткий стон боли атамана. После третьего удара Лукан перестал делать попытки двигаться своим ходом.

Был я как-то в одном замке-музее в Германии, и там, в подземелье, была реконструирована классическая средневековая пыточная... Так вот, оказавшись в помещении, которое Телепнев поименовал допросной, я понял, что наука действительно шагнула далеко вперед. По крайней мере, дыба на паровой тяге и меха с тем же приводом наглядно это доказывали.

– Вы что?! Вы что делаете, ироды!!! Нельзя же... – завопил Лукан, когда деловитый хозяин сего помещения, одетый в кожаные штаны и такой же передник на голый торс, с по-

мощью конвойных начали крепить руки татя на все той же продвинутой дыбе. – Государем же запрещено... Вы как!!!

– Так ведь то сыску запрещено, милай, – тихо улыбнулся князь. И от этой его ухмылочки, по-моему, перекосило даже ката. Про меня, горемычного, и вовсе молчу. Не ожидал я такого поворота, совсем не ожидал. А князь тем временем продолжал вещать: – Добр наш государь к подданным своим, даже таким душам заблудшим, кои в подворотнях у ближнего последний медяк забрать норовят. Заботится он о людех, что под его рукой живет. Но уж коли кто зло затаил да супротив спокойствия на Руси да власти законной выступает, того государь карает строго и безжалостно. Ибо нет ничего хуже для добрых людей, чем смута в государстве да свары за власть. Вот мы и боремся с ворами да отступниками по мере сил своих.

– Охранители... – прохрипел с расширенными на всю радужку зрачками Лукан. – Да за что же... я же никогда... ничего.

– Вот-вот. Рассказывай, Луканушка, рассказывай, коли жизнь да шкуру свою в целости сохранить хочешь...

М-да, велик, оказывается, страх перед Особой канцелярией. А ведь так сразу и не скажешь... Вон и Заряна Святославна ко мне очень неплохо отнеслась, да и Лейф с Ладой... хоть и знали, что я по этому ведомству числюсь. Да и те немногие люди, с кем я познакомиться успел за все свое недолгое пребывание «на свободе», тоже не особенно-то от меня шараха-

лись, узнавая о моем месте службы... Загадка, право слово. Я на секунду отвлекся, но почти тут же вынужден был вернуться к реальности. С Луканом происходило что-то совершенно странное. Он только открыл рот, чтобы что-то сказать, как вдруг дернулся, глаза его и вовсе чуть не выскочили из орбит, а потом тать сразу обмяк.

– О черт! – Князь с яростью стукнул по дыбе кулаком и заорал на сгрудившихся напротив него конвоиров и ката. – Доктора сюда, немедленно!!!

Синемундирники тут же усвистали за дверь, а я попытался нащупать у разбойника пульс. Мертв. Пришедший спустя пять минут штатный доктор констатировал смерть от апоплексического удара, равнодушно пожал плечами и, посоветовав пригласить для вскрытия профессора Граца, ушел, не обращая никакого внимания на бушующего князя.

– Ох и хитрый нынче тать пошел, Виталий Родионович, – вздохнул князь, когда немного успокоился и мы, наконец покинув подвалы канцелярии, вернулись в его кабинет. – Ведь и слова сказать не успел, шельмец, а! Ну каков?! Сбежал, как есть сбежал, прохиндей. Взял и на тот свет ускакал... А мне теперь подозрениями мучайся. А ну как и в самом деле был он в чем-то эдаком замешан...

– Полно вам сокрушаться, Владимир Стоянович. Ну что делать, бывает. Да и бес с ним, с этим Луканом. Пошлите с десяток удалцов на Плотню, пусть по тамошним питейным заведениям пройдутся, глядишь и увидят где подельников

его, ежели они, конечно, еще в родные края не подались. Наверняка же хоть один из татей что-то ведает. А чтоб охранители их узнали, я им образы тех подельников подкину.

– Что ж, наверное, так и поступим, Виталий Родионович, – чуть помолчав, согласился Телепнев, но тут же, не выдержав, снова покачал головой. – Нет, ну хитрован!

Выполнив обещанное и передав образы татей вызванному для этого в кабинет князя начальнику синемундирников (спасибо Грацу за науку), я отправился домой, где меня ждал обед, пара часов блаженного безделья и обещанная Заряной Святославной встреча со старейшиной Волосовой школы.

Уже сидя в экипаже под управлением Лейфа, по пути домой я понял, что никак не могу выкинуть из головы мысли о нелепом побеге Хельги и не менее нелепой смерти Лукана... Вообще-то и действия татей во время нападения были какими-то идиотскими, уж очень неаккуратно работали, такое впечатление, словно они первый раз на промысел вышли... тоже нелепость полная. В общем, суммируя, получаем, что сегодня у меня на редкость странный день... Вот-вот, именно так – нелепый, точнее не скажешь.

– Приехали, Виталий Родионович!

– Лейф, будь добр, верни коляску хозяйке. – Я вышел на двор и, вытащив из бумажника несколько пятикопеечных монет, ссыпал их в руку парня. – А это отдашь дворовым мальчишкам. Пусть вычистят экипаж и обиходят лошадей. Только проследи, чтобы все было как должно.

– Сделаю в лучшем виде, Виталий Родионович, – заверил меня Лейф.

– Ну вот и замечательно, а я пойду обедать.

– Так ведь это... – Лейф на мгновение замер. – Ну я ж целый день с вами...

– Ох ты ж. – Я почесал затылок (будь здесь Лада, она бы мне уже лекцию начала читать о непозволительности таких жестов в приличном обществе). – Это что же, я сегодня голодным останусь, получается?

– Да нет, как можно! – воскликнул, краснея, Лейф. – Лада ж в доме, она наверняка все приготовила... Я просто к тому, чтобы вы на нее не сердились, ежели что не так будет сделано... все ж она не повар...

– Тьфу ты. Глупости какие, – облегченно рассмеялся я. – Не волнуйся, Лейф, не обижу я твою сестренку... и другим не позволю. Понял?

Мой повар кивнул, улыбнулся и, взлетев на козлы экипажа, тут же укатил куда-то на хозяйственный двор.

Глава 7

Потихоньку, полегоньку...

Конечно, Лада не работала шеф-поваром в ресторанах, и поданные ею к обеду блюда не были так же вычурны, как творения Лейфа, но зато приготовленные руками сероглазки вареники с творогом, по-настоящему домашние, исходя-

щие паром в глубокой миске, окруженной плошками с разнообразными заедками, заставили меня вспомнить детство в деревне... А уж когда я обнаружил в одной из плошек густейшую сметану, честное слово, чуть не замурлыкал от удовольствия! В результате запунцовевшей от смущения Ладе досталось куда больше комплиментов, чем мог бы рассчитывать получить ее брат за приготовление даже самого роскошного ужина...

Странно, но этот «домашний» обед незаметно привел меня в хорошее настроение, чего я совершенно не ожидал в свете произошедших за день событий и полученных новостей. Более того, усаживаясь за стол, я пребывал в полной уверенности, что в случае, если мне не удастся отложить встречу с Волосовым старейшиной, беседа с ним сегодня будет мне только в тягость. Теперь же я даже с некоторым удивлением констатировал, что от моего недовольства не осталось и следа. Лада просто волшебница! Или это я по вареникам соскучился?

Так, пребывая в благодушном настрое, с томом «Рассуждений об извечном противостоянии руссов и данов», я и скоротал время до назначенного часа встречи с дедушкой-секстантом... нет, как-то не так... с волхвом, короче.

В гостиную Заряны Святославны мое пунктуальное благородие ступило ровно в восемь вечера, под басовитый бой башенных часов, по какому-то недоразумению называемых хозяйкой напольными. «Августейшую вежливость» не оце-

нили... То ли потому, что хозяйка чересчур увлеклась беседой с неким франтоватым, подтянутым молодым человеком с тонкими чертами лица и редкими, в силу юности, усиками, вальяжно расположившимся в огромном кресле, то ли потому, что, по въевшейся привычке, двигался я слишком тихо. Да еще и прислуга не стала объявлять о моем приходе, поскольку я проживаю в том же доме, и значит вроде как «свой». Короче, меня в упор не замечают. М-да. Тоже мне, волхвы и волхвицы. А сколько щебету было! «Старая школа, древнее учение»... Что ж это за чудодеи такие, что даже мою небольшую тушку у себя под носом рассмотреть не могут, а?

Но не успел я закончить свой внутренний монолог, как меня наконец заметили.

— О, а вот и наш дорогой Виталий Родионович пожаловал. — Заряна Святославна поднялась с кресла, а следом встал и ее франтоватый собеседник, поглядывая на меня с легким любопытством.

— Как и обещался, любезная Заряна Святославна. — Я сделал шаг вперед, отвесив обоим короткий полупоклон. Хозяйка дома тут же зашуршала многочисленными юбками в мою сторону. Оказавшись рядом, Смольянина с легкой ободряющей улыбкой завладела моей рукой и повлекла за собой, навстречу своему собеседнику. Черт, чувствую себя как детсадовец на новогоднем утреннике, которого пытаются подтащить к Деду Морозу для чтения стихов... Да и «дедуш-

ка» меня дожидается... тот еще. Вот же ж! Спрашивается, что это за защиту мы с Бусом сладили, если этот кадр нащупал ее с первого раза... Нет, я прекрасно понимаю, что сей юноша, должно быть, и есть тот самый старейшина Волосовой школы, но при его гладкой румяной физиономии такой титул звучит попросту смешно, да и воспринимать юнца как серьезного человека у меня если и получится, то с немалым трудом. Судя по тому, как франт понимающе улыбнулся, удивление на моем лице было слишком явным.

– Не похож, да? Никак ожидали увидеть седобородого старца из сказаний, а, Виталий Родионович? – Франт протянул мне руку. – Уж извините, каков есть. Ставр Ингваревич. Волхв Волосовой стези.

– Виталий Родионович... учитель рукопашного боя, – чуть помедлив, ответил я тем же тоном, что и мой собеседник, не забыв пожать протянутую им руку. А вот в глаза ему я зря посмотрел, очень даже зря. Оттуда на меня высверкнуло такое! Не знаю, как описать... сила... опыт... знание, все вместе и что-то еще, подавляющее, властное... Этот странный взгляд сначала прошелся рентгеном, просвечивая каждую клеточку моего организма, и вдруг, обретя почти материальную тяжесть, буквально вдавил меня в кресло, в коем я непонятно каким образом очутился, так и не удосужившись отпустить руку этого... м-да. Впрочем, в одном волхв прав. Теперь с серьезным восприятием проблем не будет. Пусть он хоть трехлетним карапузом прикидывается, хоть куклой

Барби... не поверю.

– Ох, не рановато ли ты за свои штучки принялся, а, Ставрушка? – вдруг тихим, чрезвычайно ласковым голосом, от которого у меня волосы дыбом встали, вмешалась Заряна Святославна. И судя по тому, как дернулся волхв, тон хозяйки его тоже не оставил равнодушным.

– Да все уже, все... – проговорил Ставр Ингваревич, примирительно поднимая ладони и пятясь от моего кресла. Через мгновение на лице волхва появилась ехиднейшая ухмылка, и он как-то сразу превратился в того же нахального молодого франта, что я увидел входя в гостиную.

– Очень на это надеюсь, Ставр, очень, – проворковала Смольянина, холодно усмехнувшись. Впрочем, стоило Заряне Святославне повернуться в мою сторону, как улыбка ее стала вполне доброжелательной. Не видел бы секунду назад ее отражения в оконном стекле, ни за что не поверил бы, что эта милая дама со всеми признаками наседки способна на небольшой армаггедец, о возможном скором наступлении которого столь ясно предупреждало выражение ее лица. В том, что эта пантомима не останется незамеченной волхвом и тот непременно примет к сведению предупреждение о нежелательности каких-то шагов в отношении меня, сомнений нет. Что, несомненно, радует. Теперь самое главное, чтобы эта защита Смольяниной не оказалась стрельбой пастуха по волкам, подобравшимся к барану, уже отобранному хозяином на шашлык.

– Кажется, мы чересчур увлеклись. Прошу меня извинить, Виталий Родионович, за неподобающее поведение, – посерьезнел гость, очевидно правильно оценив мимику хозяйки.

– И то верно. – Смольянина присела было на краешек дивана, но тут же вскочила и тряхнула подхваченным с приставного столика колокольцем. Тихий перезвон наполнил на мгновение комнату и стих. Почти тут же отворилась дверь, вошедшая в гостиную служанка получила распоряжение о чае, кивнула и тенью выскользнула из комнаты.

За чаем с медом да вареньями, пряниками да сдобой мы и провели следующую пару часов. Ставр Ингваревич оказался настоящим кладезем знаний о метафизической стороне жизни, если можно так выразиться. Кажется, за два часа разговора с волхвами я узнал о здешнем естествознании больше, чем за все время упорных расспросов и учебы в исследовательском отделении канцелярии. При этом Ставр Ингваревич не загружал свою речь неповоротливыми и малопонятными мне терминами, а толковал о воздействиях, объясняя все чуть ли не на пальцах... И почему исследователи не сочли нужным сообщить мне столь интересную информацию? Так, я с удивлением узнал, что здешнее естествознание делится на несколько областей, различающихся по способам и объектам воздействия. Прежде всего это воздействия материальной сферы, к которым относится огромное количество манипуляций – от моих давешних щупов-«костылей» до сложных ментальных проекций, призванных материали-

зовывать предметы и явления. Затем ментальная сфера, манипулирующая тонкими телами. К ней, например, относится «мозголоводство» и соответственно защита от последнего. Про использование воздействий этой сферы для получения и структурирования информации пока умалчиваю, поскольку дальше простейшей сети познания сам я пока не продвинулся, а волхв, прекрасно понявший всю глубину моего невежества, не стал заострять внимание на этом моменте. Франтоватый гость Смольяниной лишь задумчиво потер гладкий подбородок и словно нехотя сообщил: «Есть, правда, еще несколько теоретиков, вроде тех же Эйнштейна, Фока и ветловского отшельника Хильберта, доказывающих необходимость выделения третьей сферы... но пока их заумные теории если и находят свое подтверждение, то лишь частичное, и то большинство людей, кажется, неспособно их понять...»

Эйнштейн?! Нет, все-таки либо я где-то ошибся в вычислениях нынешнего года, либо это не тот лохматый дядька с высунутым языком, что я помню по фотографиям! А может... да черт его знает, что может быть, здесь же все совсем иначе. В церковь, что ли, наведаться? Поговорить с попами, может удастся узнать какой сейчас год по привычному мне летоисчислению... а то официальный семь тысяч триста девяносто восьмой от сотворения мира для меня как-то уж очень абстрактен. Хм...

Волхв тем временем решил продемонстрировать несколь-

ко воздействий из той самой, несуществующей пока третьей сферы, с легкостью заставив мое кресло летать, не применяя таких знакомых мне «щупов», да и вообще никак не воздействуя на этот предмет мебели! Просто – раз, и кресло вместе со мной парит в воздухе да еще и летит туда, куда укажет волхв. Вместо того чтобы сдвинуть с места довольно тяжелое кресло с помощью кучи щупалец, напрягая внимание и концентрацию для контроля каждого из них, он искажил гравитационное поле, а когда кресло воспарило, заставил его двигаться, точно изменяя направление действия гравитации. Ну как-то так... Наверное...

– Почему же, имея такие возможности, у нас до сих пор ползают по земле паровозы? – справившись с удивлением, спросил я. – Ведь имея возможность такого воздействия, можно с легкостью подняться в небо!

– Не так все просто, Виталий Родионович. Несомненно, один опытный и умелый мастер манипуляций может поднять в воздух достаточно большой и тяжелый груз... Но где же взять сотни тысяч таких умельцев, чтобы подобные полеты стали более выгодны, нежели строительство дирижаблей? Воздействие на поля куда сложнее, чем воздействие на материю. Это не обогревающий наговор, который можно наложить на карету, или «вечный жар» паровозных топок, не теряющих своих свойств в течение довольно долгого времени. При манипуляциях с полями нужен постоянный контроль над структурой воздействия и ее подстройка. Без последней

ментальная проекция очень скоро перестанет резонировать с постоянно меняющейся структурой самого поля, а значит, воздействие не удастся, — ответил волхв.

— То есть не все так гладко, как хотелось бы... — кивнул я. Что ж, теперь понятно, почему здесь одновременно развивается менталистика и технология. Никаких противоречий. То, что слишком трудно или невозможно сделать с помощью одного, достигается за счет другого. Вполне здравый подход. Кстати, о подходах! — Ставр Ингваревич, когда я только вошел, вы по-моему, прочитали мои мысли и, если я правильно понимаю, даже успели пошарить в некоторых воспоминаниях...

— Нет, Виталий Родионович, ни памяти вашей, ни мыслей я не касался. Если желаете, могу в том слово свое дать, — покачал головой волхв.

— А что же это было? — удивился я.

— Один из приемов школы Волоса, — с готовностью пустился в объяснения волхв. — Когда идущий стезею древних знаний хочет узнать, с кем его свел путь, он смотрит в душу встреченного им человека... Действие это не очень-то и сложное и позволяет составить некоторое мнение о человеке, но и только. К тому же использующий этот прием сам открывается для того, в чью душу он решил заглянуть, так что процесс этот, если можно так выразиться, обоюдный. Не ошибусь, если предположу, что, когда я проделал этот прием с вами, вы тоже увидели во мне что-то эдакое, не правда ли,

Виталий Родионович?

– Не могу с вами не согласиться, Ставр Ингваревич, – кивнул я. – Вот только я впервые слышу о чем-то подобном. А за время работы в Особой канцелярии мне пришлось столкнуться с самыми разными способами познания, знаете ли.

– Естествознание... – пренебрежительно отмахнулся волхв. – Древние школы и их приемы никак не вписываются в представления современных философов и ими не изучаются. Так что нет ничего удивительного в том, что ранее вы не встречали «взгляда в душу». Но еще раз уверяю вас, Виталий Родионович, никаких просмотров воспоминаний или желаний этот прием не допускает. А вот насчет мыслей – верно, пытался, но... во-первых, сделал это без всякого злого умысла, а во-вторых, у меня все равно ничего не получилось. Уж очень хитрая защита у вас стоит... Хоть и странная. Так что дальше обрывков эмоций я продвинуться не смог.

И ведь даже в лице не меняется, гад...

– Конечно! И так заинтересовался очередной непонятной структурой, что полез исследовать ее, даже не подумав испросить на то разрешения! – фыркнула Заряна Святославна, отставив в сторону чашку с чаем. – И о том, что человек обидеться может, тоже не подумал. Не так ли, Ставрушка?

– Ну... – протянул волхв и сердито глянул на хозяйку. – Уж как есть, так есть. Но право же, такая интересная структура защиты. словно не один человек делал, а сразу двое. Ну где бы я еще подобное нашел!

– Постоите, постоите. Заряна Святославна, Ставр Ингваревич. Я же никого ни в чем не упрекаю. – Я поторопился притормозить собеседников, пока они новую склоку не затеяли, за ними не заржавеет. Если я правильно понимаю, у них это любимое развлечение. – А в чем странность-то? Я ведь немало времени потратил на создание лабиринта защиты, а тут...

– Ох, Виталий Родионович... Ну это уж совсем просто. Странен ваш щит тем, что его вроде как двое ладили. А так не бывает. Даже наставник не вмешивается в строительство щитов своих учеников. Показывает как и что, силой своей поддерживает, то бывает. А вот так, как у вас, право... впервые в жизни вижу что-то подобное. – Франтоватый волхв поднял вверх указательный палец, словно лектор, заостряющий внимание студентов на каком-то важном факте.

– Знаете, Ставр Ингваревич, я ведь действительно создавал сию защиту не один, а под руководством одного... хм... знакомого. И он, по-моему, ничего странного в этом не видел. Да и другие его коллеги, люди в естествознании многоопытные, ничего странного в «лабиринте» не узрели, хоть и осматривали его со всем тщанием, – развел я руками. Волхв же только чуть удивленно приподнял бровь.

– Положительно, вы странный человек, Виталий Родионович. Позволить кому-то помогать в создании собственной защиты разума и с такой легкостью говорить об этом... Ваша легкомысленность меня поражает. – Ставр Ингваревич

покачал головой и решительно ткнул в мою сторону пальцем, отчего хозяйка негодуяще фыркнула. Ну как же! Верх невежливости! Волхв, правда, даже глазом не повел и тон не изменил. – С этим нужно что-то делать, Виталий Родионович. Что же касается «слепоты» естествознатцев, то она меня ничуть не удивляет. В своем стремлении все подсчитать и уложить в нумерованные коробочки, с соответствующими пояснениями, они слишком многое оставляют без внимания. Отсюда односторонность в суждениях и упущение огромных возможностей. А ведь воздействия – это не только наука... но и искусство, в прямом смысле самое волшебное из всех.

Я заметил, как Заряна Святославна, тяжело вздохнув, закатила глаза. Она явно не в первый раз слушала спич волхва об искусстве ментальных воздействий. Впрочем, Ставр Ингваревич, похоже, тоже не оставил пантомиму хозяйки без внимания, потому как тут же решил закруглить тему.

– Если не возражаете, я бы хотел вас видеть у себя в гостях. По праздным дням я собираю интересный круг, и думаю, вам было бы полезно принять участие в наших беседах. Невежество надо искоренять... К тому же у вас появится возможность взглянуть на то, что ныне именуют естествознанием, как на искусство. Уверяю, вам будет интересно.

– Я с удовольствием приму ваше приглашение, но сделайте одолжение, поясните, с чего такая забота, Ставр Ингваревич? – Я даже немного опешил от напора собеседника.

– Все очень просто. Уважаемого волхва привела в замеша-

тельство ваша безалаберность, впрочем, как и меня, – вздохнула наша гостеприимная хозяйка. – Любой человек, хоть сколько-нибудь плотно занимающийся ментальными манипуляциями, знает, что собственную защиту следует возводить до самого последнего «кирпичика» тайно, а еще предпочтительнее в сугубом одиночестве. Что же касается искусства... Это у нашего любезного Ставра Ингваревича своеобразный пунктик, не так ли, Ставрушка?

– Уж какой есть, – вздохнул волхв в ответ на иронию Заряны Святославны.

– В его доме постоянно собираются как приверженцы естествознания, так и последователи старых школ, и в такие дни страсти там кипят нешуточные. К тому же, как вы заметили, наш Ставр Ингваревич просто-таки помешан на всяческих диковинах, связанных с его любимыми воздействиями. Будь то древние артефакты или же, как в вашем случае, совершенно необычные воздействия. Иногда мне кажется, что ему стоило бы пойти не стезею Волоса, а путем Числобога или даже Переплута, – доверительным тоном продолжила Смольянина, не обращая никакого внимания на недовольные взгляды волхва. – И гостей он собирает таких же... Так что мой вам совет: обязательно сходите, Виталий Родионович, не пожалеете. Поверьте, по сравнению с тем, что вы там узрите, лучшая театральная комедия покажется вам скучной тягомотиной.

– Пожалуй, после ваших объяснений, Заряна Святослав-

на, я буду ждать ближайшей недели с превеликим нетерпением, — рассмеялся я, а следом не сдержал улыбки и Ставр Ингваревич, которому явно надоело изображать из себя несправедливо обиженного. К сожалению, ничто не вечно под луной... Закончился и этот интересный вечер. Расклавшись с хозяйкой и волхвом, также засобиравшимся домой, я отправился к себе. Флигель встретил меня сонной тишиной, и я, решив немедленно последовать примеру давно отошедших ко сну Лады и Лейфа, наскоро умывшись, рухнул в постель.

Следующий день начался для меня с визита в канцелярию. В конце концов, никто не освобождал меня от тренерской работы, как и Тихомира, кстати говоря. А после тренировки пришлось еще и дожидаться ушедшего на обед секретаря князя, который должен был выдать мне ключ и разрешение на вскрытие дверей в доме Хельги. В результате на ее квартиру я сумел выехать лишь в третьем часу. Хорошо еще, с извозчиком мне повезло, и не пришлось топтаться на продуваемой холодным ветром набережной или того хуже — добираться до места назначения пешком. Не в такой холод!

Заплатив извозчику четвертак, я поднялся на второй этаж небольшого доходного дома в Нещадном переулке, что расположился в глубине Словенского конца, и, подойдя к тяжелой солидной двери с номером четыре на медной табличке, вставил в скважину ключ с биркой Особой канцелярии. Мимоходом подивившись тому, как плотно прилегает дверь к

дверной коробке (даже стыка не видно), я отомкнул замок. Дверь хрустнула, по ее абрису пробежала узкая трещина, полыхающая синеватым светом. Однако. Весьма оригинальный способ опечатывания помещений.

Квартира исследовательницы встретила меня нежилой тишиной, нарушаемой только громким тиканьем очередного башенного чудовища, непонятно за что любимого хольмоградцами. И чего они нормальными настольными часами не пользуются? Нет, им обязательно надо установить вот этакий гроб с часовым боем. Хм. Я тихонько притворил за собой дверь и медленно двинулся на обход квартиры, старательно осматривая каждый закуток. Конечно, до меня здесь побывала целая куча народа, а посему можно даже не пытаться рассмотреть какие-либо следы тонких оболочек, все одно они давно затерты или скрыты отблесками прошедшей здесь армии розыскников... С другой стороны, та же куча народу наверняка зафиксировала все возможные следы тонких тел и ментальных воздействий. Значит... просто осмотрюсь и постараюсь обнаружить что-нибудь более материальное, нежели остатки чужих ментальных конструкций...

Итак. Гостиная. Небольшое помещение в пастельных тонах, массивная мебель, стол с остатками ужина... которые так никто и не убрал. Ваза с основательно увядшими цветами, а это что? Соломинка. Заворачивали розы от холода, наверное... Идем дальше. Дверь в кухню. Хм. А здесь образцовый порядок, надо же! Даже духовка чистая, поразительно.

Лейф тоже большой любитель порядка, но у него кухня так не блестит... Правда и запаха гнили у него там не водится. Я аккуратно приоткрыл дверцу шкафа, где запах оказался наиболее силен. Ну да. Так и есть, забрать или хотя бы просто выбросить мусор, господа розыскники не догадались, и в самом деле, зачем им это... а вот я небрезгливый, пороюсь. Обьедки, обертки, ничего интересного. Ну и ладно. Идем дальше. Следующая на очереди – спальня. Нехорошо обыскивать женские спальни? Так ведь я и не обыскиваю. Так... осматриваюсь, можно сказать... туалетный столик... лаки, духи, несессер... и прочая лабуда. Шкатулка для драгоценностей – пусто. Ну разумеется, куда ж в побег без побрякушек... Так... бюро... счета, визитки, письма... все. Забираем. Шкафы. А черт его знает, что она взяла, а что оставила... Ого, да тут даже пара мужских костюмов имеется... Я так понимаю, это собственность Буса... Ладно, насчет платьев надо будет узнать у горничной и подруг Хельги или поинтересоваться у розыскников, наверняка же они пытались определить, во что была одета рыжая при побеге. Оп-па. Классика. В детстве я любил читать в постели и, засыпая, прятал книжки под подушку... Кажется, у Хельги тоже была подобная привычка. Вот только что-то ее книжка больше напоминает дневник... Вот это да! Нет, господа, этих розыскников надо хорошенько потрясти, а потом отправить на учебу. Ну да, понятно, что здесь речь не идет о краже или убийстве, но раз они все равно осматривали квартиру, разве нельзя было

это сделать нормально?! Как можно было пропустить такую вещь?! И как Хельга решилась ее здесь оставить... Забыла в спешке? Хм. Посуду, значит, вымыть не забыла, деньги и драгоценности прихватила... а дневник, записи в котором вела ежедневно, если судить по проставленным датам, оставила. Ага, внесла последнюю запись, положила дневник под подушку и сбежала... Я, конечно, не Станиславский, но... не верю, господа!

Ой не нравится мне все это, ой не нравится...

Глава 8

Стучите, и вам откроют...

В канцелярию я вернулся уже на закате, и настроение мое было не так уж радужно. Осмотр квартиры Хельги вызвал немалое неудовольствие. Я не профессиональный детектив в классическом «книжном» понимании этого слова и школы милиции не заканчивал, но с логикой, или, как говорил один смешной персонаж с фран... пардон, с бельгийским акцентом, с серыми клеточками, у меня, смею надеяться, все в порядке. А сейчас эти самые клеточки чуть ли не долбились в черепушку с истошными воплями «под Станиславского».

По дороге на набережную я успел хорошенько обдумать результаты моих недолгих поисков и пришел к выводу, что бежать с докладом к князю пока рановато. А вот попытаться раскрутить главу канцелярии на показ материалов по делу,

наработанных сыскарями, самое время.

К сожалению, Владимир Стоянович так и не появился на рабочем месте, зато его секретарь был настолько любезен, что, узнав причины моего внепланового появления в стенах канцелярии, отворил громоздкий несгораемый шкаф и, вынув оттуда тоненькую папочку с кокетливым синим бантом, протянул ее мне... под роспись. Оказывается, предусмотрительный князь успел уведомить своего «автоответчика» о моем возможном визите и велел передать мне столь желанные копии дела Х. М. Высоковской.

Пока я, вывалив из-за пазухи на стол мешающую мне кучу бумаг из дома Хельги, расписывался в получении дела, секретарь успел выудить из ящика отдельно стоящей конторки какие-то бланки, шпагат, сургуч и огромный коричневый конверт. Ни слова не говоря, этот рыцарь чернильницы, с абсолютно каменным лицом, снял колпачок с перьевой ручки и принялся вносить в бланк опись того вороха бумажек, которыми я так неаккуратно завалил его стол. Удивительно быстро закончив этот процесс, секретарь кое-как подровнял стопку разнокалиберных документов и поднес заполненный бланк к моей изумленной физиономии.

– Будьте любезны, Виталий Родионович, проверьте на соответствие, – ровным тоном попросил секретарь, подвигая бумаги ближе к моему краю стола. – Прошу прощения за то, что вам пришлось возить эту кипу сюда, да еще и в таком ненадлежащем виде. Владимир Стоянович уже отдал распо-

ряжение о подготовке для вас личного печатного набора, но, к сожалению, мастер исполнит заказ не раньше чем через три дня. У Монетного двора в эту пору, знаете ли, такой наплыв уездных, что раньше он никак не управится. Так что придется вам толику потерпеть. А ежели необходимо будет что-то опечатать в срочном порядке, то прошу ко мне. Их сиятельство разрешил пользоваться его личным набором по мере необходимости... Что с вами, Виталий Родионович?

– Со мной? Все в порядке, уважаемый Вент Мирославич. За исключением того, что я не понимаю, о чем вы говорите... вообще, – справившись с собой, проговорил я.

– Ох, простите великодушно. Совсем заработался. – Секретарь огорченно покачал головой, словно в том, что я ни черта не понял, была только его вина. – Видите ли, служащим Особой канцелярии, от охранителей до старшего офицерского состава, по уложению вменяется в непрременную обязанность ношение документов, имеющих касательство дел канцелярии, исключительно в специальных кофрах и надлежащим образом опечатанных конвертах, для чего каждый служащий имеет свой печатный набор. И вам по статусу положен такой же.

– Обождите секунду, но я же за штатом. – Я нахмурился.

– Это не столь важно, – еле заметно пожал плечами секретарь. – В данном случае уложение касается всех служащих. К сожалению, в связи с недавними выборами старшин в государевых уездах Монетный двор полон заказов на изготов-

ление им личных документов и печатей, потому-то с вашим набором и вышла такая прискорбная задержка...

— Однако, — пробормотал я себе под нос. — Это я удачно зашел...

— Прощу, сверьте список с наличными бумагами, Виталий Родионович, — поторопил меня секретарь.

— Да-да. Непременно. — Я пробежал взглядом по описи, поворошил стопку изъятых из дома Хельги бумаг и, присоединив к ним папку с делом, утвердительно кивнул. Секретарь тут же сноровисто уложил документы в конверт, привычным движением руки во мгновение ока разогрел сургуч, и через секунду у меня под мышкой устроился по всем правилам опечатанный сверток.

Поблагодарив секретаря за помощь и попрощавшись, я вышел из здания канцелярии и, взяв лихача, направился домой. Кажется, сегодня мне представляется редкая возможность нарушить строгое правило моей очаровательной экономки. Документов я набрал порядочно, так что бодрствовать придется долго. А значит, без кофиа не обойтись...

Я фыркнул, поймав себя на том, что постепенно начинаю даже в мыслях сбиваться на вычурный и неторопливый местный говор, и поплотнее укрылся медвежьей полостью, в открытой коляске, да холодным осенним вечером, вещь нужной и полезной. В тепле меня немного разморило, и в этой легкой дремоте я и не заметил, как прикатил к смольянинским владениям.

Дом встретил меня божественными ароматами очередного шедевра Лейфа и уже ставшим привычным ворчанием повара на экономку, «забывшую» поставить на стол заветный графинчик. Пока же Лада, чуть заметно надувшись, исправляла свое обычное упущение, я успел подняться в кабинет, запереть изрядно мешающий мне сверток в конторке и, вымыв руки в примыкающей к кабинету небольшой ванной комнате, вернуться за накрытый стол, сияющий начищенным серебром приборов и теряющимся на фоне белоснежной скатерти тонким фарфором блюд и тарелок... пока подозрительно пустых. Впрочем, стоило мне поудобнее устроиться в мягком полукресле, как появившиеся рядом Лейф с Ладой тут же загромождали стол многочисленным и самым разнообразным угощением. Вот только насладиться им мне с ходу не удалось. Разлившийся в воздухе звон небольшого колокольца, заменяющего в доме дверной звонок, заставил меня отложить приборы в сторону, недоумевая, кто мог завалиться ко мне в гости в столь поздний, а по местным меркам так и вовсе неурочный, час.

– Лада, будь добра, посмотри, кого там на ночь глядя принесло в наши пенаты... – попросил я, но ее опередил Лейф.

– Извините, ваше... Виталий Родионович, поздно уж, мало ли в ночи татей шляется, позвольте уж я сам отворю?

– Разумеется, Лейф. – Я кивнул, мысленно сделав себе зарубку на память не допускать более подобных огрехов. Вряд ли, конечно, какой-нибудь грабитель осмелится вот так, со

всем предупреждением, вломиться в чужой дом, но... кто я такой, чтобы менять устоявшиеся правила приема незваных гостей?

Пока я таким образом размышлял, одновременно расстегивая пуговицы пиджака, чтобы в случае чего не замешкаться с извлечением ствола, из холла донесся тихий говор отправившегося изображать швейцара Лейфа, а следом и шум шагов. Кажется, гость был один...

– Здравствуйте, Виталий Родионович. Уж извините за поздний визит... – Ставр, франтоватый, как и в прошлую нашу встречу, с несколько наигранной, на мой взгляд, смущенной улыбкой застыл в дверях. А за ним маячил мой повар с таким одухотворенным лицом, словно Христа воскресшего увидел. Я незаметно одернул сместившуюся в сторону полу пиджака, прикрывая виднеющийся из-под нее ремень «сбруи».

– И вам здравствовать, Ставр Ингваревич. Не стоит извинений. – Я поднялся из-за стола. – Присоединитесь к ужину? Лейф обещал подать какую-то совершенно замечательную стерлядь...

– Благодарю... С превеликим удовольствием. – Старейшина Волосовой стези, или как там правильно-то, не чинясь, прошел к столу и, совершив какое-то замысловатое движение руками, уселся напротив меня. Лада, мгновение назад стремительно исчезнувшая куда-то из комнаты, тут же оказалась рядом со Ставром и принялась раскладывать перед

ним принесенные приборы, при этом украдкой кидая на него такие же взгляды, как и Лейф. Вот только если благоговение повара вызвало у меня разве что ехидную усмешку, то от взглядов Лады на разряженного Ставра почему-то остро шкрябнуло где-то в груди. Хорошо еще, что блоки удержал... Они, конечно, старейшине на один зубок, но ведь это если он будет присматриваться...

Глубоко вдохнув и медленно, очень медленно выдохнув, я решил сменить направление мыслей, а заодно и развеять некоторые... хм-мм... в общем, развеять, да.

– Позвольте узнать, Ставр Ингваревич, что это за воздействие вы сейчас применили? – Вопрос, конечно, не ах, но моей паранойе движения его рук и тонких оболочек и впрямь показались несколько странными. Хотя кому-то, может, странной покажется моя настороженность и излишняя подозрительность... но это уже привычка. Я еще лет пять назад зарекся расслабляться даже в самой спокойной обстановке, если уж взялся за опасное дело. А о том, что поиски Хельги относятся как раз к таким, мой недавний неудачный опыт поиска пропавших девиц вопил как резаный.

– О, вы заметили, да? – улыбнулся Ставр. Не мне, моей экономке... гад. Не отдам, может не надеяться. Самому нужна... – У вас замечательно точный глаз. Это маленькое изобретение одного из моих знакомых. В основе лежит обычное очищающее воздействие, но вот этот легкий доворот кисти, точнее ее тонкой оболочки, разумеется, направляет возмож-

ную грязь с рук строго вниз, на пол, а не заставляет ее облаком распыляться вокруг, как это обычно и происходит.

— Однако. Крайне занимательно, — кивнул я, мысленно отведывая себе подзатыльник за собственный грозный взгляд, брошенный на Ладу. Хорошо еще, она его не заметила... Надеюсь. Все-таки в этот момент она, наполнив наши со Ставром тарелки, уже выходила из столовой следом за Лейфом... ну или сделала вид, что не заметила. — Не продемонстрируете еще разок?

— Сколько угодно, — с готовностью согласился Ставр, повторяя замысловатый жест и довольно легкое воздействие. — Не поверите, но я и сам, когда узнал, добрую половину утра экспериментировал. Фунта три муки извел, не меньше. Хозяйка дома была в таком ужасе... Пришлось конфетами отдариваться.

— Муки? — не понял я.

— Для наглядности, — пояснил Ставр. — Собственно, именно из-за муки мой знакомый и придумал этот жест. Он заметил как-то, что его повар после возни с тестом руки непременно моет, а не очищает более скорым, а оттого и удобным при готовке способом. Ну и заинтересовался. Вот тут-то и выяснилось, что ежели муку очищать привычным воздействием, то облако мучное все вокруг тонким слоем укрывает. Ну додумать дальше было немудрено! Уж коли с мукой такое происходит, то с прочей, даже невидимой, а точнее, тем более, невидимой глазу грязью и подавно... Вот так-то.

По обоюдному молчаливому согласию мы не стали говорить за ужином о делах. Точнее, Ставр не выказал такого желания, а я не настаивал. Так что беседа крутилась в основном вокруг все тех же ментальных воздействий и различиях в подходах к ним у «философов» и приверженцев старой школы. Правда, как признавал и сам Ставр, во многом эта разница была эфемерна. По крайней мере, теперь. За столетия гонений прежде являвшиеся цельной системой знаний и умений, охватывавших огромный спектр областей, старые школы очень многое утратили, сохранив в лучшем случае некие обрывки древних витиеватых текстов и набор неких навыков, опять же довольно основательно оскудевший за прошедшие века.

— Понимаете, Виталий Родионович, в тех же деревнях порой можно найти такие образчики древних умений, что только диву даешься, и ведь относятся они вроде к известным школам, уж очень явно *характер* проглядывает, а в записях о таких наговорах ни слова. И все вот так, по клочочкам собираем, восстанавливаем. Порой иные меценаты огромные деньги в экспедиции вкладывают... Или же, к примеру, известен мне, идущему по Волосовой стезе, ритуал. Любой философ взглянет на него и рукой махнет, мол, дикость, древность! А если и присмотрится повнимательнее-то, тут же скажет, что прием избыточен, того же результата можно достичь быстрее и проще и без ненужных движений. И невдомек ему, что одна часть столь не приглянувшихся ему пассов

служит для концентрации сил в строго определенных точках пространства, другая заставляет изменяться тщательнейше выверенным образом тонкие оболочки, а третьи и вовсе служат для создания нужной вибрации резонанса с другими моими собратями, что, может, в то же время, за сотни верст от меня, тот же ритуал ведут. Не видит он за деревьями леса, не укладывается у философа в голове, что круг можно на таком расстоянии составить, тем самым наговор во много крат сильнее сделав... А я не могу в голове уложить, для чего еще добрый десяток жестов и слов в том ритуале сведены да как они от места или иных каких факторов зависят... Вот и получается, что и я и философ идем к одной и той же цели. Только я по обрывкам прежнего пытаюсь восстановить исчезнувшие знания, а он свою дорогу торит, сам по крупицам их собирает и от малого к большому на ощупь движется. Так и толчемся мы, то и дело лбами сталкиваясь...

Лада подала чай, прервав тем самым повествование Ставра о трудностях сосуществования и взаимопонимания философов и последователей старых школ. И правильно. Пора бы уж говорливому старейшине и к делу переходить... Хотя что-то мне кажется, что если его не поторопить, он еще часа два эдаким соловьем заливаться будет. А у меня столько времени нет. Мне вон еще работать надо!

– Так что же все-таки привело вас в мой дом в столь позднее время, Ставр Ингваревич? – поинтересовался я, едва Лада снова покинула наше общество.

– Хм. Даже не знаю, с чего и начать, Виталий Родионович... Тут ведь такое дело щекотливое, можно сказать, деликатное. – На деловой лад Ставр переключился с готовностью, вот только слова его не очень-то с этой готовностью совпали. Короче, юлит что-то старейшина. Ну да ничего, послушаем.

– Что ж это за дело-то, Ставр Ингваревич? Не тяните.

– Да вот уж больно интересен мне стал этот лабиринт ваш затайливый, что вы с философом-то для защиты сочинили... – проговорил мой визави. – Я посоветовался об этом с одним знакомцем, редким, по нынешним временам, знатоком, так он в ужас пришел, от таких известий. Говорит, это творение и защитой-то назвать толком нельзя. По крайней мере, для того, кто ее ставил, она точно преградой не будет... Да и для здоровья подобные приемы нехороши. Совсем нехороши. И Заряна о том же упоминала. Не подумайте, что я желаю очернить в ваших глазах того естествознатца, что помогал вам в строительстве щита, все же о дурном влиянии столь долгих чужих воздействий, наверное, лишь лекарям да редким знатокам известно, но... В общем, я хочу помочь вам исправить то, что натворил тот философ. Точнее, общими усилиями мы вполне можем снять защиту, после чего вы уже самостоятельно постройте новую...

– Вот как? – Я задумался. В том, что такой поворот вполне возможен, я почти не сомневался. В конце концов, с какой стати Особой канцелярии сочинять мне качественную защиту без лазейки для своего спеца? А ну как понадобится

ее взломать? И все же... – Идея, конечно, здравая, вот только... Скажите, Ставр Ингваревич, только не обижайтесь, пожалуйста, вам лично, какой с этой затеей интерес?

– Ох, Виталий Родионович, – с улыбкой покачал головой старейшина. – Сразу видно, что ничегошеньки вы о наших традициях не знаете. В былые времена любой ученик, ежели видел на ком-то негативное воздействие, обязан был снять этакую пакость. Сейчас-то, конечно, с теми правилами особо не считаются, но для старейшин старых школ они по-прежнему крепче иных законов государевых...

– Что ж. Вы верно заметили, я слишком мало знаю об этой стороне жизни, – медленно проговорил я, одновременно пытаясь решить, нужна ли мне помощь от совсем незнакомого человека или же можно попробовать обойтись своими силами. Или просить совета у того же Берга или Меклена Францевича. Правда, стоит ли оно того, еще большой вопрос... – Знаете, Ставр Ингваревич, я, пожалуй, повременю. Вреда-то от защиты я пока не чувствовал...

– Так он и не сразу проявляется, Виталий Родионович, – пожал плечами Ставр. – Тут ведь дело в том, что все люди разные и у каждого тонкие оболочки «звучат» по-своему, знаете, как в музыке... Диссонанс, унисон. Так вот, настоящий унисон в таких случаях, явление крайне редкое, разве что у близнецов встречается. А вот диссонанс может привести к тому, что все ваши тонкие оболочки от долговременного воздействия иного «тембра» вразнос пойдут. Сначала

потихоньку, незаметно, а после все сильнее и быстрее, пока окончательно враздрай не придут да воздействие не слетит. И восстанавливать баланс придется потом ой как долго.

– Хм. А как же тогда мастера вместе работают, круги составляют? – заинтересовался я.

– А как тот же рояль настраивают, так и тут. Да и то, бывает, встретится десяток мастеров старых, опытных, начнут круг составлять, а не выходит в одну волну влиться. Диссонируют и все тут. Так-то... – ответил Ставр и тут же вернулся к своей теме. – А от предложения моего вы зря отказываетесь, Виталий Родионович... Вряд ли ваши коллеги-исследователи станут снимать защиту, коли уж сами ее и ставили.

– И все же я попробую. Но если не получится, обещаю, непременно загляну к вам в гости на неделе. Согласны, Ставр Ингваревич? – улыбнулся я. – Я же понимаю, что вам, как увлеченному своим делом специалисту, очень хочется самому разобраться в тонкостях моей защиты...

– Вы меня разгадали, Виталий Родионович, – рассмеялся Ставр, согласно кивая. – Разумеется, я не смею более настаивать на своей помощи. Но если все же...

– Обещаю, обещаю, дорогой Ставр Ингваревич. – Теперь пришла моя очередь кивать.

– Что ж. Тогда не буду затягивать нашу и так, очевидно, нарушившую ваши планы беседу. – Ставр скосил взгляд на прошелестевшую юбками мимо нас Ладу, поставившую на стол новый чайник с заваркой, и, понимающе усмехнувшись,

поднялся из-за стола. – И откланяюсь.

Проводив волхва до дверей, я вернулся за стол и первым делом позвал своих. Лейф и Лада, нарисовались в столовой практически мгновенно.

– Значит так, голуби мои сизокрылые, – проговорил я, указывая им на стулья. – Садитесь-садитесь. В ногах правды нет. Она, говорят, – выше.

Услышав мой холодный тон, повар и экономка, переглянувшись, тут же послушно опустились на указанные мною места, не став разводить болтологию «о невестности» такого поведения, зато моментально изобразили солдат на плацу, поедающих глазами командира. Только Лада чуть покраснела, услышав присказку...

– Итак. Я вас пригласил для решения двух вопросов. – Я встал с кресла и, уперев кулаки в столешницу, для пущего эффекта, продолжил уже куда более медленным тоном: – Вопрос первый. С чего это вы, други мои, такими херувимчиками перед Ставром предстали?

А в ответ тишина.

– Уже можно отвечать, – «намекнул» я.

– Так это... волхв же, – протянул Лейф при полном молчании сестры.

– И что? Не Господь же, – в тон ответил я. – Уточни.

– Ну принято у нас с уважением к волхвам относиться. Как же... Что в море, что на берегу, без них тяжко. Вот и... – Совсем засмутился повар.

– Ясно, – кивнул я. – Вот только мне кажется, что конкретно этот волхв моря для ушкуйников не умирал и ветра в паруса не задувал. Так что прошу относиться к нему как к обычному человеку. Чужому человеку. Не более. Понятно? Тогда второй вопрос... Обо мне. А точнее, об особенностях моей службы с кем-нибудь, когда-нибудь...

– Да нешто мы не понимаем?! – взревел белугой Лейф, а в глазах Лады, по-моему, блеснули слезинки. Эк как.

– Лада? – Я уставился на девушку самым грозным из своей богатой коллекции взглядом. Через миг сероглазая экономка тихо всхлипнула и пулей вылетела из столовой. Та-а-ак.

– Зря вы так-то, – пробубнил Лейф, хмуро зыря на меня из-под бровей. – Она ж никому ни слова, ни полслова. Уж на что у Заряны Святославны ключница настырная, и та у моей сестрицы ничего вызнать не смогла...

– Выходит, обидел вас? – Я устало опустил обратно в кресло. Лейф же только плечом дернул.

– Меня-то нет. Я ж все понимаю. С такой-то службой опаску всегда иметь надобно. Да разве ж бабе что объяснишь? – со вздохом ответил повар, поднимаясь со стула, и тут же принял официальный вид. – Прикажете десерт подать?

– Куда он мне, Лейф! И так объелся, – отмахнулся я. Но хоть повар и пожелал закрыть тему, а последнее слово я оставляю за собой. – Иди, отдыхай. А я перед Ладой повинюсь.

– Да к чему! Я сам все растолкую, – начал было Лейф, но, наткнувшись на мой взгляд, отступил. – А может, вы и правы. Так-то оно верней всего будет...

– Верно мыслишь, боец, – тихо проговорил я, направляясь к выходу из комнаты. Но по пути успел заметить, как сверкнули глаза у молодого повара. Да уж... Кажется, прав был Грац, когда о мечте его рассуждал.

Ладу я обнаружил в ее спальне, не доходя нескольких метров до дверей. Обнаружил по полыханию эмоций, затопивших комнату и теперь разноцветными языками вырывающихся сквозь щели в дверной коробке. Постучав, я не услышал никакого ответа, но решил, что в данной ситуации лучше оказаться извиняющимся хамом, чем чересчур вежливым. Оксюморон... почти. А потому, недолго думая, я нажал на ручку, и дверь послушно отворилась, впуская меня в комнату.

Лада нашлась в собственной кровати... очевидно, она как вбежала в комнату, так и рухнула на постель в слезах. И сейчас, судя по сдавленным всхлипам, доносящимся из вороха подушек, слезоразлив продолжался. Кажется, она даже не слышала, что я вошел.

Вздохнув, я подошел к ее кровати и, опустившись на самый краешек, осторожно погладил девушку по вздрагивающему плечу. Несколько секунд всхлипы еще продолжались, а потом из подушек послышалось глухое бурчание.

– Что? – переспросил я, и в следующий миг кошкой из-

вернувшаяся Лада уткнулась мне в грудь, обхватив за шею руками. Офигев от такого дежавю, я опять не сразу расслышал ее слова. А когда расслышал, так и вовсе застыл в ступоре, обнимая Ладу за плечи.

– Ну как... как он мог... так... об... обо мне! Я же люблю его-о-о! – Финиш. Приехали...

Глава 9

Единство в многообразии...

Сказать, что я был в шоке, значит ничего не сказать. В голове крутился только один вопрос, а именно: когда ж она успела-то?!

– Ну вот, так-то оно лучше будет, – прогудел появившийся в дверях Лейф. Девушка обернулась к нему лицом, ощутимо вздрогнула, после чего медленно повернула голову ко мне и вдруг, резко побледнев, отпрянула в сторону. Но стоило мне подумать о том, что извинения, кажется, придется отложить, как Лада вцепилась в меня мертвой хваткой, на мгновение прижалась горячими губами к моим губам... и замерла, опять уткнувшись носом мне в ключицу. А... а мне что делать?!

Продолжая поглаживать девушку по спине, я глянул на давящего лыбу Лейфа и выразительно щелкнул себя свободной рукой по горлу. Понятливо кивнув, парень исчез из дверного проема и появился в комнате спустя минуту, уже

вооруженный стаканом с прозрачным содержимым и блюдцем с лимонами... Кое-как оторвав от своей шеи крепкие ручки Лады, я, несмотря на активное ее сопротивление, заставил девушку проглотить стакан водки.

– Споим девку, – вздохнул Лейф, когда мы уложили наконец утомившуюся барышню в кровать, и выбрались из ее комнаты.

– Я быстрее с ума сойду, – хмыкнул я. – С такими выкрутасами палата с мягкими стенами и рубаха с длинными рукавами ждут меня не позднее конца года. И вообще... У тебя водка еще есть, Лейф?

– Ну-у есть, – протянул тот.

– Тогда идем, выпьем, а? Надо как-то стресс снять, – предложил я. – Извинился перед барышней, называется.

– Если только немного, – задумчиво проговорил Лейф, двигаясь в сторону кухни. – На завтра я пару блюд сложных задумал, а к ним с больной головой подступаться нельзя...

– Ха. Я вообще рассчитывал сегодня всю ночь за разбором бумаг провести, – отмахнулся я. – Но ведь все одно не выйдет, поскольку ни о каких делах думать я нынче точно не смогу.

Вопреки собственным мрачным прогнозам, за бумаги из дома Хельги и документы из канцелярии я все-таки взялся. Правда, к тому моменту часы в гостиной давно отбили полночь, и дом погрузился в тишину. А я включил в кабинете настольную лампу и, усевшись за широкий и до недав-

него времени пустой стол, углубился в разбор бумаг. И первым делом взялся за те материалы, что успели нарыть хольмоградские сыскари.

Из двух кратких допросных листов, составленных сыщиками на основе рассказов соседей Хельги, я почерпнул немало интересной информации к размышлению.

В Нещадном переулке Хельга поселилась около года назад и жила уединенно, прислугу в доме не держала, а за порядком в ее квартире следила за небольшую плату соседка – вдова отставного капитана. Гостей в своем доме Хельга не привечала... О каких-либо друзьях девушки соседям неизвестно. Разве что дворник не раз видел ее брата, да в последние месяцы Хельгу несколько раз подвозил на нанятом экипаже Бус. Интересно... Надо будет потолковать и со вдовой и дворником. И что у нас дальше? А дальше записка об осмотре места происшествия... Гостиная, спальня, кухня, отхожее место... Эх они уборную обозвали, а? Ну тут как раз ничего увлекательного нет... Видел собственными глазами и могу составить запись не хуже... если не лучше. Ладно, отложим. А вот это уже неплохо. Чуть ли не поминутная роспись дня Хельги перед исчезновением... Но вот допросов тех, с кем она виделась в этот день, – нет, впрочем, оно и понятно. Времени-то всего-ничего прошло. Ага. Копия распоряжения о проверке всех поездов, кораблей и дирижаблей... Однако. Нехило они тут развернулись. Список телеграммы на таможенные и пограничные посты... Вот это я понимаю, план

«Перехват»! Нет, понятно, конечно, что не простая горожанка пропала, но какова реакция! Вот только искать они будут именно барышню двадцати пяти – двадцати семи лет... А у меня есть немалые подозрения, что это бесполезно. Разве что удастся убедить в своей правоте князя Телепнева, да и то не факт, что он мне поверит на основании одного лишь факта... даже не факта, а его призрака. Кстати, о призраках, а где информация по снятым следам оболочек?

Я перерыл всю папку в поисках необходимых сведений, пока не догадался, что небольшой, правильной формы кристалл кварца в конверте, закрепленном в самом низу сшивки, и есть то, что мне нужно... Соответствующую надпись на обороте конверта я обнаружил уже после того, как пришел к выводу, что этот кусочек полупрозрачного минерала и есть указанный в описи «документ № 3-кп».

После чего еще добрых полчаса у меня ушло на эксперименты, то есть я всеми возможными способами пытался понять, как снимать информацию с этого носителя. Я все-таки гений... местами. В конце концов я таки догадался, что нужно делать. Обволок кристалл сетью познания и почти тут же получил возможность ознакомиться с его содержимым. Хранящиеся в нем сведения словно толкнулись мне в голову, и через миг перед внутренним взором замелькали образы, сложившиеся в полноценное знание. Сейчас я совершенно точно знал, какие следы были собраны, кто их собрал, ну и сами образы этих следов улеглись в моей памяти... при

этом я прекрасно осознавал, что это не мои, а привнесенные знания, и соответственно у меня сохранилось определенное скептическое к ним отношение. Не то чтобы я не верил в их правдивость, но, в отличие от моих собственных воспоминаний, в истинности которых, как и у большинства людей, у меня есть определенная убежденность, сведения из кристалла рассматривались мозгом, ну... как факты из выученной наизусть книги, что ли? То есть, несмотря на то что они заняли свое место в моей собственной памяти, МОИМИ они от этого не стали, хотя я и мог обратиться к ним в любой момент. Удобная штука, эти кристаллы.

Разобравшись с содержимым папки, я решил устроить себе небольшой перерыв и отправился в вотчину Лейфа, на поиски кофе. Счастье еще, что предусмотрительный повар оставил в коридоре зажженным свет бра над зеркалом, иначе я бы точно обо что-нибудь споткнулся... Кстати, надо не забыть наведаться на торг; помнится, Лада упоминала, что где-то там есть и купцы из-за Русского моря; может, удастся присмотреть какой-нибудь ковер поприличнее. Эх, Лада, Лада, и что же теперь делать с влюбленной эконожкой, а? Поручик, молчать... И ведь не могу не признать, что она мне нравится, но... блин, да что со мной?! Все. Решено. Разберусь с пропажей нашей рыжей исследовательницы и начну наводить мосты с Ладой.

Утвердившись в этом решении, я наконец добрался до кухни и встал как вкопанный. И где я здесь найду кофе?! По-

чесав затылок, я включил свет и двинулся исследовать шкафы и шкафчики, количество которых зашкаливало все допустимые пределы.

Но как говорится, кто ищет, тот всегда найдет, так что уже через четверть часа я заваривал кофе в большой медной турке. Мои опасения, что не удастся управиться с тем возвышающимся в центре кухни монстром, что изображал плиту, не оправдались. Легкий поворот сияющего латунью регулятора, сорвавшаяся с пальцев миниатюрная молния, и самая маленькая из шести массивных конфорок украсилась небольшой короной зеленоватого пламени.

Справившись с приготовлением кофе, я потратил еще пару минут на поиски сахара, после чего, нагрузив поднос всем необходимым, отправился в обратный путь.

Меня давно уже не смущает то, что порой я вынужден совать свой нос в чужие и очень личные записи. Правда, иначе как при исполнении заказа я такого себе не позволяю. Но сейчас-то я как раз на работе... А значит, кофе в чашку, сигарету в зубы, и вперед... знакомиться с дневником Хельги...

Не сказать, что это было уж очень увлекательное чтение, но зато оно помогло лучше узнать человека, с которым мне довелось работать в последние месяцы. А также удалось найти некоторые намеки на причины столь уединенного образа жизни молодой и симпатичной женщины. Просто прошло слишком мало времени, чтобы у вечно занятой, погру-

женной в свои исследования барышни в столице появились сотни знакомых. Судя по всему, в столичной Особой канцелярии Хельга работает недавно, по крайней мере, в дневнике имеются упоминания о том, как она рада переводу в Хольмград, поближе к брату. И датированы эти записи серединой прошлого года. Собственно, именно с них и начинается дневник. Так что информации о том, где жила и кем работала Хельга до переезда, у меня не появилось, и я, сделав в своем новеньком, пахнущем кожей ежедневнике отметку попытаться разузнать биографию девушки, закурил очередную сигарету и углубился в чтение.

Вообще этот дневник больше всего напоминал помесь какого-то рабочего журнала и личных записок на память, разбавленных едкими, порой уничижительными комментариями в адрес оппонентов-философов. Но и то хлеб...

Чтение записей Хельги я закончил, когда часы в гостинной бомкнули четыре раза, ненавязчиво сообщая о том, что близится утро. Что ж, думаю, часов пяти-шести для сна мне хватит, а к полудню съезжу в присутствие, попробую переговорить с князем Телепневым о своих подозрениях... Да, еще же нужно не забыть узнать кое-что у Граца, а потом еще раз наведаться в Нещадный, пообщаться с дворником и вдовой... ой-ой. Спать. Только спать. Я затушил сигарету, с сомнением покосился на поднос с кофейными принадлежностями, но тащиться на первый этаж, на кухню мне совсем не хотелось. А потому я шустро упаковал расплзшиеся по сто-

лу бумаги в конверт, бросил его в конторку и, закрыв крышку на ключ, двинулся в сторону спальни, оставив дверь в кабинет открытой, чтобы Лада с утра не забыла сюда заглянуть и убрать грязную посуду за моим свинтусным благородием. Лада-Ладушка... Стоп! Спать, я сказал!!!

Утро, как и повелось, началось для меня с аромата кофе и уже привычного, но оттого не ставшего менее притягательным запаха свежее испеченных хлебцев. Я сладко потянулся, но когда мой взгляд упал на циферблат часов, стоящих на столике у изголовья кровати, сонное состояние слетело мгновенно. Одиннадцать! А у меня сегодня дел, как блох на барбоске... Дьявол!

Выбравшись из постели, я галопом отправился в ванную. Кажется, сегодня у меня есть все шансы на установление нового личного рекорда по скорости урезания щетины до визуально приемлемого вида.

Справившись с этим делом и немного остудив голову от излишнего пыла, будучи уже куда в более вменяемом состоянии, я вернулся в комнату, облачился в один из недавно купленных, не без помощи Лады, костюмов и только после этого добрался до подноса с завтраком. Подхватив с консоли чашку кофе и сделав первый, самый вкусный глоток, я глянул на первую страницу «Ведомостей», по какому-то неведомому мне правилу ежедневно подкладываемой то ли Лейфом, то ли Ладой на поднос с завтраком. Чашка звякнула о блюдец. Обычно я даже не разворачиваю сей образец коллективно-

го творчества местных борзописцев, мне их и на «том свете» хватало. Но сейчас... Небольшая заметка почти у самого сгиба свернутой газеты привлекла мое внимание. Точнее, даже не сама заметка, а скверного качества фотография над ней.

Решив, что князю можно будет, в крайнем случае, и позвонить, не зря же все-таки телефон и здесь придумали, я развернул «Ведомости». Заметка оказалась на удивление короткой и емкой, без всяких домыслов и предположений. Просто факты и ничего более. А факты оказались занимательными. Подельников того самого атамана налетчиков, что «сбежал» от Телепнева, нашли мертвыми в предместьях Хольмграда, на старой вырубке, у сельца Старые Мхи. От чего они копыта отбросили, в заметке не говорилось, но тот факт, что найдены были все четверо, ясно говорил сам за себя.

Такие новости не могли не настораживать, и я даже на какой-то миг ощутил себя в «вилке». Так же как когда-то в далекой и жаркой стране по спине скользнул холодок, а от осознания, что следующий снаряд нащупавшая позицию артиллерия может уронить четко на наши головы, в горле тогда застрял противный комок... или это просто пыль и гарь драли носоглотку? Тем не менее сейчас накатило так же, разве что запаха дыма от горящих за спиной полей не ощущалось...

Я вытряхнул из портсигара сигарету, прикурил... и задумался. Моя чуйка не подвела меня тогда и вряд ли подво-

дит сейчас, а значит, нужно что-то предпринять. И предпринять быстро... Раздавив о блюдце окуроч, я резко поднялся, вытащил из конторки опечатанный конверт, заменил в сборе «Тиссо» на более мощный «Сварскольд» и направился к выходу. Спустился на первый этаж, сообщил Ладе и Лейфу, чтобы не ждали меня к обеду и постарались до вечера никуда не выходить, после чего, подхватив пальто и шляпу, вышел на улицу. Первым делом я наведалься в дом Заряны Святославны, поскольку телефон был установлен именно в холле основного здания домовладения Смольяниных. А что? С хозяевами дома надо дружить, а мне нетрудно пройти до аппарата лишнюю сотню метров, тем более что неторопливость местной жизни предполагает куда большую терпеливость в людях. Иначе говоря, звонящий не изойдет на нервы от трех-четыреминутного ожидания ответа абонента.

Князь оказался на месте. Правда, по его же заявлению, он собирался через полчаса отправиться перекусить у Гавра, так что я еще и напросился на завтрак, после чего отправился ловить извозчика.

– Добрый день, Виталий Родионович.

В двери ресторана я зашел практически следом за князем, так что верхнюю одежду служкам мы отдавали одновременно.

– И вам доброго дня, ваше сиятельство, – кивнул я. Подскочивший распорядитель отвесил князю (ну и мне за компанию) поклон, проводил нас к столику в углу небольшого,

обшитою лакированным, щедро украшенным резьбой деревом зала и, вручив меню, исчез, повинувшись одному лишь взгляду моего собеседника. М-да. Похоже, князя здесь знают, и неплохо.

– Возьмусь дать вам совет как завсегдатай этого ресторана, – прервал мою медитацию над меню князь. – Закажите угря по-фламандски. Шеф-повар Гавра родом из Фландрии, и поверьте, он мастер своего дела. Не прогадаете. А о наших делах поговорим за кофе. Негоже портить аппетит серьезными разговорами, согласны?

– Согласен, Владимир Стоянович. Попробуем творение фламандца, – кивнул я. Ну что ж, угорь так угорь... а к нему, пожалуй, возьму еще и льежский салат. Чтобы уж не выбиваться из темы. И пиво... разумеется, тоже бельгийское... то есть фламандское, поскольку Бельгии в этом мире не наблюдается. Зато есть Объединенное королевство Валлон и Фландрия, чья монаршья фамилия одновременно носит титул герцогов Брабантских и именно в этом качестве представляет интересы своих протекторий на международной арене, как ни удивителен сей парадокс. Ну да это к делу не относится.

Принесенные нам блюда оказались выше всяких похвал. За свою недолгую гражданскую жизнь «на том свете» я много где побывал и всякого-разного попробовал, благо финансы позволяли побуржуинствовать, в меру, само собой. Но поверьте, сидеть в центре Новгорода, фактически напротив

кремля, и наслаждаться великолепно приготовленным угрем в зеленом соусе и теплым льежским салатом – это совершенно особый кайф. А уж запивать это дело траппистским рошфором и вовсе полный сюр...

Как я и ожидал, история с дневником князя особо не впечатлила. И хотя он и не стал указывать на бесперспективность идеи похищения Хельги, но скептического хмыканья было хоть отбавляй. А вот моя просьба об официальном подкреплении визита к сыскарям по делу найденных в Старых Мхах татях князя заинтересовала.

– Что ж, Виталий Родионович, будь по-вашему. Распоряжение о подготовке необходимых бумаг я отдам секретарю сразу по возвращении в присутствие... Но может скажете, что такого вы хотите у них найти? – отставив чашку и промокнув белоснежной салфеткой губы, поинтересовался князь.

– Да я и сам пока толком не знаю, Владимир Стоянович. – Я утопил бычок в пепельнице. – Но глянуть нужно непременно. Уж больно странно все это... Ну не бывает такого, чтобы столько случайностей и чуть ли не единомоментно!

– Не могу не согласиться с вашими словами, – задумчиво кивнул Телепнев. – Ну что ж. Если это все, о чем вы хотели поговорить...

– Не совсем, – протянул я, все еще сомневаясь в целесообразности сообщения князю информации, которая вполне могла оказаться простым совпадением... случайностью,

ага. – Я бы хотел знать, кто имеет доступ к информации по нашему проекту.

– Ну-у, Виталий Родионович, что же вы прямо как маленький мальчик, право слово! – поморщился князь. – Нашли место для подобных вопросов...

– Я же не прошу назвать, кто и чем в нем конкретно занимается. Меня интересуют те, кому известно о его существовании, – хмыкнул я. – Тем более, как я заметил, с нашим приходом столик вы заглушили.

– Ох, Виталий Родионович... – покачал головой Телепнев. – Ладно уж. Будет вам список. Возьмете у секретаря вместе с бумагами для сыска.

– Благодарю вас, ваше сиятельство.

– Ну что ж. Тогда, думаю, мы можем идти. Куда вы сейчас? – Положив купюру на блюдце, князь поднялся из-за стола.

– В Нещадный. Хочу поговорить со свидетелями, – ответил я, поднимаясь следом.

– С кем? – не понял Телепнев.

– Прошу прощения, с видами, разумеется, – поправился я.

– Неужто в допросных листах наших сыщиков вы какую-то неувязку обнаружили? – кивая на ходу распорядителю, поинтересовался глава канцелярии, на что я только пожал плечами. Впрочем, кажется, князь уже утратил какой бы то ни было интерес к моим делам или же сделал вид, что

утратил, а потому не стал допытываться, что именно мне понадобилось от соседней Хельги. Ну и ладно.

Выйдя на свежий воздух, мы раскланялись с моим работодателем, и он укатил в ожидавшей его закрытой коляске, а я принялся ловить извозчика.

Прокатившись по холодку в открытой коляске с явно нуждающимися в подпитке согревающими воздух воздействиями, по приезде на место я отказался от идеи вести разговор с дворником на улице. Отловленный мною у ворот во двор служитель метлы и лопаты с готовностью согласился побеседовать с представителем Особой канцелярии в квартире Хельги.

– Да нет. Не бывало ж у ней никого. Брат вот разве что приезжал, а боле... нет, не припомню, чтоб кто наведывался, – чесал репу бородатый мужик в фартуке, отвечая на мои вопросы и фактически точь-в-точь повторяя то, что уже было записано в допросных листах.

– Ну а как же тот господин, что подвозил ее на извозчике? Дядька Конон, вспомни, ты же сам говорил... – И что у местных за привычка такая, от отчества открещиваться?

– Да ну... Не, был такой щеголь, его-то как раз из квартиры Хельги Милорадовны синемордые... прошу прощения, охранители и выволакивали, – прогудел здоровяк-дворник. – Только и он пожалуй что впервые у нее побывал. Так обычно они как подкатят на извозчике, он госпоже Высоковской ручку-то поцелует и усвистает, а вот последний-то раз вишь

как оно обернулось...

– Стоп. Ты хочешь сказать, что и вечером, накануне исчезновения, сей господин тоже привез Хельгу Милорадовну? И с ней вместе поднялся в квартиру?

– Так и было, – пожал плечами дворник. – Я как раз с Нишкой... ну с Нискиней-разносчиком со Столбовской на углу торговался, когда их коляска мимо меня пролетела, а от ворот дворовых она уж пустая ушла.

– А что ж ты того сыщикам не рассказал?

– Да они ж и не спрашивали. Ну а так-то... – Дворник замялся.

– Что? Не будет с тебя никакого спроса, обещаю, дядька Конон. Говори как есть. – Я подался вперед, заметив знакомые сполохи опаски над дворником.

– Да я ж, как допрашивали меня, о вечере-то почитай ничего и вспомнить не мог, – со вздохом признался бородастый. – Вот и сказал, что в дворницкой сидел безвылазно.

– С перепою, что ли? – Я усмехнулся.

– Так если б. Всего один полуштоф у Нишки и взял, а как сыскари-то меня растолкали, перед глазами только черное пятно заместо вечера, будто на свадьбе погулял. Как с разносчиком торговался помню, а как в дворницкую зашел, того уж и не ведал. Дали б мне водицы испить да отчий наговор на нее шепнуть, я бы тут же все и сказал, да где там! Как был в исподнем, так для допроса сюда и привели.

Ха, да если я полуштоф вылакаю, в одно лицо и без при-

личной закуски, тоже наутро не вспомню, что с вечера творил... Хотя Конон-то на полголовы выше меня будет, да и массой посолиднее. Хм-м. Ладно.

– Вот точно говорю вам, ваше благородие. Как есть Нишка, стервец, низовскую водку приволок. Иначе б с чего мне так с утра головой-то маяться? Я ему, поганцу, устрою веселую жизнь Он у меня заречется в Нещадный заглядывать. Всем окрест расскажу, какой подлостью он добрых людей потчует. – Пока я размышлял над сказанным, бородач разошелся не на шутку.

– Ну полно, полно тебе причитать-то, Конон, – попытался я утихомирить дворника.

– Да, а ежели Нишка над тем полуштофом наговор какой прочел? Он же, ирод, по сию пору мне должок отдавать не хочет и водки взамен не наливает. А ну как он и вовсе памяти меня лишить вздумал?

– Памяти, говоришь... А что, велик должок, что за него доброго человека памяти лишить можно?

– Полтора рубля... да не бумажками, а серебром. О как. – Дворник даже палец указательный для убедительности вверх воздел.

– И что, неужто и тебе такой наговор ведом?

– Батка мой вроде знал, да мне не сказывал, – развел руками дворник. – Как память возвертать, коли спьяну али ведавством лишен был, тому научен. Да у нас все села окрестные памятный наговор знают.

– Научишь?

– А что ж. И научить можно. Только, ваше благородие, разговоры такая вещь, даром не даются. Силу теряют, так наши старики говорят... Хоть рубль, а заплатить надобно, – степенно огладив бороду, хитро сверкнул глазами дворник. Ну-ну. Сделаю вид, что поверил. Заодно и идейку новую проверю.

Выпроводив в конце концов дворника, я наведалься ко вдовой соседке, но выяснить у нее что-либо новое мне не удалось. Разве что в мужских костюмах в шкафу Хельги она признала вещи Берга, изредка остававшегося в квартире на ночь, а вовсе не Буса, как я предположил при первичном осмотре.

Часть 3

Глава 1

Самый точный диагноз всегда ставит патологоанатом

После разговора с жителями Нещадного переулка я, проклиная холодную погоду и совсем не ко времени пошедший дождь, отправился в Хольмоградский или, как его еще называют, Хольмский университет. Но как выяснилось на месте, адъюнкт-профессор Грац уже отбыл домой. Естественно, такой поворот дел не прибавил мне хорошего настроения. А потому, наплевав на все правила приличия, я отправился в гости к своему первому знакомцу в этом мире без всякого предупреждения. Впрочем, Меклен Францевич, кажется, был совсем не против нарушения некоторых обычаев и принял меня вполне радушно. Правда, стоило ему узнать о причинах моего визита, как улыбка сбежала с его лица, и профессор, предложив мне согревающего и усадив в кресло напротив, нахмурился.

– Странные дела нынче творятся в столице, Виталий Родионович, – проговорил Грац, вертя в руках бокал порто и одновременно окидывая взглядом свой кабинет, словно в по-

исках возможных «лишних ушей». – Вы ведь далеко не первый, кто возжелал побеседовать со мной по поводу этих тай.

– Вот как? Дайте угадаю. Кроме меня, ими интересовался и его сиятельство. Так? – отхлебнув горячего чая с бальзамом, проговорил я.

– Представьте себе, не только, – задумчиво протянул профессор. – Еще и Заряна Святославна, уж на что никогда не интересовалась подобными вещами, а вот поди ж ты, звонила, расспрашивала...

– Интересно... Весьма интересно, – кивнул я, судорожно прикидывая, для кого могла стараться Смольянина. К сожалению, у нас слишком мало общих знакомых, чтобы можно было строить какие бы то ни было жизнеспособные гипотезы, а сваливать все на Ставра по крайней мере преждевременно. Кстати, надо бы постараться не забыть и о втором вопросе... Но будем последовательны. – Меклен Францевич, давайте оставим размышления о том, кому и зачем понадобились сведения о смерти разбойников. Что вы можете сказать по самому факту?

– Ну что ж, извольте, – еле заметно дернул плечом Грац. – Только предупреждаю, вскрытие проводил не я, равно как и исследование остаточного фона оболочек, а посему за истинность этих сведений, хоть и получены они мною непосредственно от судебного медика, проводившего работы, я ручаться не могу. Так вот. По заключению моего коллеги,

все четверо умерли практически одновременно либо с крайне небольшим временным интервалом, которым можно и пренебречь. С момента смерти прошло больше суток, поэтому сделать выводы о причинах их гибели, основываясь лишь на остаточном фоне тонких оболочек, не представляется возможным, поскольку за этот срок они успели рассеяться. Вскрытие же показало, что смерть наступила от обширного кровоизлияния в мозг. Никаких следов инъекций, характерных компонентов известных ядов или же соответствующего действию ядов поражения внутренних органов, за исключением самого мозга, не обнаружено.

– То есть это не могло быть отравление каким-нибудь специфическим ядом? – уточнил я.

– Разве что очень специфическим и быстроспасающим, – покачал головой Грац. – Или... кто-то сумел создать воздействие сродни некоторым ядам, вроде знаменитого в свое время «флорентийского воска», но как он или она при этом умудрились избавиться от симптоматики, я не представляю. Сложнейшая работа и маловоплотимая на данном этапе развития естествознания. Впрочем, об этом вам лучше осведомиться у Берга Милорадовича, все-таки он, в отличие от вашего покорного слуги, настоящий знаток.

– Ясно. А что это за воск такой?

– Флорентийский, – уточнил Грац, опуская пустой бокал на столик. – Это, можно сказать, легендарный яд эпохи римского стола, и в частности последнего его понтифика – Алес-

сандро. На данный момент известно более трехсот вариантов этого яда, каждый из которых претендует на звание настоящего флорентийского воска. Вообще же яд этот медленнодействующий, от момента его введения в организм жертвы до ее смерти проходит около суток. Правда, при добавлении в рецепт мышьяка агония может длиться до четырех, а то и пяти суток. Такой вариант называли «алым убранством». Почему? Потому что агония жертвы этой адской смеси, мало того что сопровождается сильнейшими судорогами, приступы которых сменяются постоянно сокращающимися периодами покоя, но самым верным признаком этого яда является кровавый пот, выступающий на теле жертвы, который, естественно, тут же впитывается в исподнее и постельное белье.

М-да. Я же говорил, что патологоанатомы, даже если именуются адъюнкт-профессорами, по-любому остаются отмо-роженными на всю голову маньяками! Это ж надо, с таким удовольствием расписывать действие смертельного яда... И он еще надеется, что я приду к нему приводить в порядок свое здоровье?! Оптимизм-ист! Так, пора уводить тему в другую сторону. Хотя...

– Меклен Францевич, а вы помните труп, что на днях образовался в подвалах Особой канцелярии? Я имею в виду разбойника, которого я отловил перед давешним хольмгангом?

– Помню, конечно... – кивнул Грац, после чего замер на мгновение на месте и вдруг оглушительно хлопнул в ладо-

ши. – Браво, Виталий Родионович, голубчик! Конечно, как я сразу не подумал. Совершенно, ведь совершенно та же картина... Один к одному с тем, что описывал мой коллега, когда я расспрашивал его о находке в Старых Мхах. Но самое главное, у нас ведь имеется кристалл с записью фона его тонких оболочек! Можно попытаться восстановить, хотя бы в общих чертах, что за хитрость так вовремя отправила клиента на тот свет...

– Подождите, вы что же, не исследовали этот самый фон? – удивился я.

– Дорогой мой Виталий Родионович! Уж простите, но я не видел в этом особого смысла. На момент осмотра тела его состояние ясно говорило о том, что в недавнем прошлом клиент пережил алкогольную интоксикацию. Иначе говоря, был на грани тяжелейшего отравления. На фоне этих симптомов кровоизлияние в мозг вполне вписывалось в общую картину. Так что я, отметив в следах тонких оболочек характерные признаки, соответствовавшие итогам вскрытия, не стал копать дальше, а просто записал фон на кристалл и приложил его к заключению. Так-то, голубчик. М-да.

– А теперь?

– А теперь, со смертью его подельников с теми же симптомами, ситуация в корне поменялась, и у меня появился повод для повторного исследования тела разбойничка и нового разбора следов его тонких оболочек. И уж поверьте, на этот раз я буду предельно внимателен, – уверил меня профессор,

сияющий как новый самовар. Энтузиаст, блин. Фанат своего дела... Жуть.

– Славно, – кисло улыбнулся я. – Меклен Францевич, тут вот еще какое дело... Может, мой вопрос покажется вам... странным по меньшей мере. Но все же я прошу вас ответить на него.

– Внимательно вас слушаю, Виталий Родионович... – Фанатичный блеск исчез из глаз профессора, и он, поправив пенсне, выжидающе посмотрел на меня.

– Хм. – Я на мгновение задумался, пытаюсь представить, как лучше задать свой вопрос, но плюнул на эту безнадежную затею. – Меклен Францевич, скажите, вы СЛУЧАЙНО не сообщали кому-либо о моем сотрудничестве с исследователями Особой канцелярии? Той же Заряне Святославне, например?

– Знай я вас чуть хуже, и следующая наша встреча могла бы состояться на хольмганге, – протянул профессор, но внезапно усмехнулся, в лучших традициях Телепнева. – Но поскольку я еще не готов отправиться на тот свет от удара ставшей знаменитой на весь Хольмград лопаты Старицкого, с вызовом придется повременить. А если говорить серьезно, Виталий Родионович... я, пожалуй, отвечу на ваш вопрос при условии, что вы обещаете ответить на мой.

– Согласен, профессор, – кивнул я, уже догадываясь о сути вопроса Граца. И не прогадал.

– Что ж, я могу поклясться, если угодно, что никому и

никогда не сообщал об особенностях вашей, прямо скажем, вынужденной службы в Особой канцелярии, в том числе и о вашем сотрудничестве с ее исследовательским отделением. Поверьте, я прекрасно осознаю все возможные последствия разглашения подобных сведений. Вас устроил мой ответ?

– Вполне. Меклен Францевич, прошу вас не обижаться на меня, я вовсе не предполагаю, что вы могли сознательно пойти на такой шаг, потому и упомянул именно о случайных оговорах, – медленно проговорил я.

– И о Заряне Святославне, да? – вздохнул Грац.

– Видите, вы все прекрасно понимаете. – Развел я руками. – Уж извините, но ваше, м-м... трепетное отношение к госпоже Смольяниной, по-моему, давно не секрет для всех окружающих.

– Я понял, Виталий Родионович, – кивнул профессор. – Могу ли я предположить, что как раз ее слова и послужили причиной вашей подозрительности?

– Не совсем. Причиной моей, как вы выразились, подозрительности стали некоторые слова ее знакомого...

– Ах вот как. Ну что же, в таком случае и впрямь напрашивается вывод о моем участии, – согласился Грац. – И все же смею вас уверить, Виталий Родионович, что моей вины здесь нет.

– Я понял, Меклен Францевич, я вас прекрасно понял, – вздохнул я. – Что ж, придется рыть дальше.

– Удачи вам в этом начинании. – Грац отсалютовал бока-

лом, но, пригубив из него porto, отставил в сторону. — А почему вы не хотите сообщить об этом князю? Я ведь верно понимаю, что он не знает об этом маленьком инциденте?

— Абсолютно точно, профессор, — усмехнулся я. — Честно говоря, меня от этого шага удержало несколько причин, на мой взгляд, весьма серьезных. Первое: что сделает князь, узнав о происшествии? Наверняка отдаст приказы об арестах. И в первую очередь это будет касаться нашего чересчур осведомленного господина. Он ведь явно оговорился, не имея при этом никакого намерения заявлять о своей осведомленности, а зная о моем месте службы, с легкостью выдаст оговорку за собственные умозаключения. Второе: в результате этого ареста мы еще долго не узнаем ничего о личности болтливого служащего канцелярии. Ну а кроме того, предполагаю, что одним арестом люди князя не ограничатся, войдут во вкус и произведут как минимум еще три. А я, признаться, уж очень привык к стряпне Лейфа и кофию Лады, чтобы допускать такой поворот событий. К тому же я обещал повару, что не дам свою экономку в обиду никому и никогда. А свое слово я привык держать. Так-то.

— Вы сказали про три ареста... — с интересом покосился в мою сторону профессор, в этот момент подбрасывавший небольшое полешко в камин.

— Ну я так же сказал, что это минимум, — улыбнулся я, наливая себе очередную порцию горячего, благодаря наложенному на посуду подогреву, чая.

– А оптимум? – вернувшись в свое кресло, спросил Грац.

– Четыре. Третьим будете вы, Меклен Францевич, а четвертым, точнее четвертой, Заряна Святославна.

– Печально, – пробормотал профессор.

– Не то слово! Где я буду жить после такого приключения? – деланно возмутился я. – Вот вам и все причины моего утаивания сведений от его сиятельства.

– И как же вы намереваетесь поступить в дальнейшем? – спросил Грац погрустневшим тоном. Ему явно не пришлось по душе перспектива оказаться в подвалах канцелярии, пусть даже ненадолго. Хотя подозреваю, что куда больше временного поселения в камере его беспокоила аналогичная судьба Заряны Святославны...

– Признаюсь честно, Меклен Францевич, я думаю над этим вопросом с самого утра... И пока так и не смог прийти к какому-то решению. Но я разберусь с этим, обещаю. – Я бросил взгляд на циферблат гробоподобных напольных часов, громко тикающих в углу кабинета, и поднялся с кресла. – Время, профессор. Мне кажется, пора. Я еще планировал увидеться сегодня с исследователями, и в том числе с Бергом. А время уже к вечеру. Скоро темнеть начнет, и ловить извозчика станет совсем не с руки.

– Воспользуйтесь моим экипажем, Виталий Родионович. – Грац позвонил в колоколец и, невзирая на мое слабое сопротивление, велел пришедшему на его звон дворецкому заложить коляску. Пришлось мне опуститься обратно в теп-

лое, удобное кресло. Раньше чем через полчаса я отсюда не уеду. А профессор решил сменить тему...

– Не пойму я вас, Виталий Родионович, отчего вы до сих пор не озаботились обзаведением собственным выездом?

– Профессор, для меня это крайне непривычный вид транспорта, в котором я не понимаю ровным счетом ничего. Кроме того, предполагаю, что удовольствие иметь собственную коляску, содержать лошадей и конюха явно не из дешевых, а я нынче не настолько богат, как хотелось бы, – пожал я в ответ плечами. – Эх, были бы здесь в ходу автомобили...

– Мобили... вы имеете в виду самобеглые коляски? – уточнил Грац. – Видел я это диво, в гостинном дворе купцы с Волжского Новограда выставляли. Вроде бы строят их совместно с баварцами... Но дороги эти коляски, хоть с ценой приличного выезда не сравнить, конечно, да и чересчур необычны для наших мест. Опять же, дребезжат, фыркают... Опасаются их у нас покупать. Хотя те же галлыцы, говорят, охотно разбирают. Ну да эти господа на все новое падки...

– Вот как? И что, купцы ими и по сей день там торгуют?

– Разумеется. Только советую отправляться в гостинный двор на неделе. В будние дни купцы их на обозрение не выставляют, – посоветовал Грац.

Меня и в самом деле начало напрягать это вечное катание на извозчиках, но поскольку за всю недолгую жизнь в Хольмграде ни одного авто я не видел, то и решил, что альтерна-

тивы им быть не может. А оказывается... Да я готов к князю за кредитом обратиться, лишь бы получить возможность снова сесть за руль... Хотя если вспомнить первые опыты автомобилестроения на «том свете», возможно, мой энтузиазм преждевременен. И все же, все же... а вдруг? В общем, будем посмотреть, как говорится. Как только появится свободное время.

О большем расспрашивать Граца я не стал. А тут как раз и пингвин-дворецкий нарисовался с сообщением, что «ка-рета» подана.

Прощавшись с профессором, я удобно устроился на диване в закрытой коляске и покатил в канцелярию. Сидя в уюте и тепле мягко покачивающейся в пути коляски, я решил подвести промежуточные итоги своей суматошной деятельности. Итак. В день хольмганга на меня нападают по пути к месту дуэли некие залетные разбойники. Вот делать им больше нечего, как шляться ранним утром по городскому парку и грабить проезжающие по его дорожкам экипажи... Нашли, блин, польскую трассу. Несуразно как-то. Я понимаю, еще за городом, но в центре города! Итак. Прием как данность, что их на меня навели. Вопрос для чего, в свете исчезновения Хельги, не ставлю принципиально, но явно не для банального гоп-стопа. Может, я и параноик, но что-то подсказывает, что таких совпадений не бывает. Далее. По приезде в канцелярию захваченный мною «язык» дохнет. Очень вовремя, надо сказать. Единственное что нам до-

стоверно известно, это то, что за день до выхода на охоту атаман нажрался, как дворник. Стоп. Почему дворник, если правильно – «сапожник»? Э-э, нет, именно что дворник... по имени Конон. Спасибо тебе, борода, за подсказку с наговорами памяти. Кстати, надо будет обсудить с Бергом эту тему... Стоп. Не отвлекаться. Что нам известно об исчезновении Хельги? Приехала с Бусом, поднялись в квартиру, накрыли на стол, сели. Один глоток коньяка, и экспериментатор просыпается от нежных пинков сыскарей и охранителей. Кроме его и ее, иных следов тонких оболочек в квартире нет. Зато есть дневник, который Хельга вряд ли оставила бы... по своей воле. Уж больно много там всяких «личностей», и требующих разбора рабочих идей и гипотез. Какой ученый бросит подобный напоминательник? Но на всякий случай, опять же, продемонстрирую дневничок Бергу, вдруг это просто очень грамотный фальшак? Хотя откуда в нем могли появиться наброски по моей идееке с «волшебным бронези-летом»? А если это действительно ее дневник и он настоящий, значит... значит, Хельгу похитили. Кто? Тот, кто был в курсе проекта, скорее всего, если учитывать неудачное нападение на меня перед хольмгангом... Тот, кто имел возможность заменить коньяк какой-то дрянью, а значит тот, кто знал о предстоящем свидании Хельги и Буса... Хм. Сложновато, но если... А вот и канцелярия.

Подкатив к зданию, я отпустил экипаж, а сам первым делом направился к ротмистру Толстоватому, секретарю главы

Особой канцелярии. Получив у него нужные бумаги и пробежавшись взглядом по довольно короткому списку тех людей, что знали о проекте, я кивнул в сторону дверей в кабинет главы Особой канцелярии и, получив столь же безмолвный утвердительный ответ от Вента Мирославича, попросил об аудиенции. Ротмистр, хмыкнув, поднял телефонную трубку и передал мою просьбу князю.

– Обождите минуту, Виталий Родионович. У его сиятельства посетитель, – проговорил Толстоватый, одновременно указывая мне на удобное кресло, стоящее с торца его стола... между прочим, как бы не большего, чем тот, что стоит в моем домашнем кабинете. Правда, мой красивее. Точно-точно. Я же сам его выбирал... вместе с Ладой.

– Виталий Родионович... Виталий Родионович! – Голос ротмистра вывел меня из задумчивости.

– А?

– Их сиятельства ждут. – Секретарь кивнул на дверь в кабинет Телепнева.

– Сиятельства? – уточнил я, поднимаясь с кресла.

– Они с княжичем Туровским, главой Хольмградского сыска.

– Час от часу не легче. Ну да ладно. Глянем, что там за княжич такой, – пробормотал я себе под нос, отворяя дверь в кабинет. Честно говоря, услышав слово «княжич», я было предположил, что речь идет о каком-то родовитом недоросле, получившем чин по протекции, и даже успел расстроиться.

ся от этого. Но оказавшись в кабинете, не обнаружил там никаких безусых юнцов. В одном из двух кресел у окна, выходящего на внутренний дворик здания, сидел князь Телепнев, как всегда в черном цивильном костюме, правда, украшенном уже знакомой мне лентой, что, как я понимаю, означало, что он недавно прибыл с какой-то официальной службы, а в кресле напротив расположился импозантный мужчина, весьма немаленькой комплекции, затянутый в парадный белый мундир с эполетами. Короткая, военная стрижка уже черных с проседью волос посетителя самым примечательным образом оттенялась роскошными усами, завитыми хитрыми кольцами. Высоко поднятые брови, отчего взгляд казался каким-то по-детски удивленным, не менее замечательно смотрелись над хищным, тонким носом и жесткой линией губ, при решительно выдвинутом вперед подбородке. Не человек, а набор для шаржа! Удивительная коллекция несовместимых черт...

– Вот, Бернгард, представляю тебе Виталия Родионовича. Это и есть наш проект «Лед», – выдал Телепнев, сразу очертив круг допустимых тем. Интриган хренов. А мне как теперь быть? Особенно на фоне недавней беседы и искренних заявлений князя о нежелании выносить сор из избы?! – Виталий Родионович, проходите, знакомьтесь, глава столичного сыска Бернгард Брючеславич Оболенский, княжич Туровской.

– Алиса, это пудинг. Пудинг, это Алиса, – пробормотал я. Блин, его имя-отчество без поллитры и не запомнишь! А уж

произнести без запинки... да я язык вывихну!

– Что-что? – не понял Туровской... или Оболенский?

– Очень приятно, господин генерал. – Я отвесил поднявшемуся княжичу «кавалергардский» поклон.

– Вывернулся, – меланхолично констатировал Телепнев. – Присаживайтесь, Виталий Родионович.

Обежав взглядом комнату и не обнаружив поблизости каких-либо стульев, я пожал плечами. Проверки... подколки. Буду хамить. Вежливо. Создав с десятков щупов, я подхватил ими кресло из-за рабочего стола князя и, перетащив к себе, установил этого тропоподобного монстра за своей спиной. После чего, дождавшись, пока княжич вернется на оставленное им кресло, уселся сам. Больше, правда, похамить мне не удалось... ну хоть удивленным взглядом Оболенского сполна насладился.

Разговор на троих получился какой-то сумбурный, полный недомолвок и неясных мне намеков. Так что довольно быстро я оказался на периферии беседы двух сановников и вскоре основательно заскучал. Впрочем, не прошло и пяти минут от первой моей попытки сдержать зевок, как княжич многословно попрощался и величественно выплыл из кабинета. В отличие от зевка, облегченный вздох мне скрыть не удалось.

– И я рад, что он наконец ушел, – согласился со мной князь и, заметив вопрос в моих глазах, усмехнулся. – Приказ государя, уж извините, Виталий Родионович, но так, по

крайней мере, не придется одергивать сыскарей в их поисках. Пусть уж княжич Туровской этим занимается. Заодно и о должном их молчании позаботится. – Тут князь устало покрутил головой, разминая шею. – Ну что, рассказывайте, что вам на этот раз от меня нужно?

– Филеры.

– Простите, что? – не понял князь.

– Э-э... люди для слежки, желательно с экипажами, – пояснил я.

– Так. Рассказывайте, – потребовал Телепнев. И я рассказал. Выслушав меня до конца, глава Особой канцелярии потер переносицу, похмыкал... но дал добро на затею.

От князя я вывалился взмыленный, как лошадь. Долгий разговор основательно вымотал меня, но дело было еще не закончено, и я, поглядывая на сгущающиеся за окном сумерки, понесся к исследователям.

– Берг Милорадович! Здравствуйте. Бус Ратиборович, мое почтение. – Высоковского я поймал в коридоре разговаривающим с Бусом, в паре шагов от знакомого кабинета. Как никогда мрачный, ссутулившийся больше обычного, Берг выглядел подавленным. Шутка ли узнать, что единственная сестра сбежала черт знает куда и теперь находится в розыске? – Мы могли бы поговорить?

– Да, конечно, – бесцветным голосом проговорил Высоковский и, вяло кивнув своему собеседнику, указал в сторону знакомого мне кабинета. – Идемте. Там нам никто не по-

мешает.

Глава 2

Умная голова чужим ногам покоя не дает

Разговор с Бергом поначалу вышел тяжелым. Высоковский замкнулся в себе и на вопросы отвечал крайне неохотно. Только когда мне удалось его убедить в своем неверии в бегство его сестры, исследователь несколько оживился.

– Ну не могла она сбежать. Незачем ей было. Да и куда?! К кому?! – размахивал длинными руками Берг.

– Полностью с вами согласен, Берг Милорадович, – кивал я в ответ. – Я тут заглянул к их сиятельству, князю Телепневу... И он придерживается такого же мнения. Знаете, князь не может активно влиять на сыщиков, но кое-что сделать он в силах. Вот взгляните... Вам знакома эта вещь?

– Хм. – Берг аккуратно взял из моих рук дневник, бего пролистал... и чуть нахмурился. – Написано рукой моей сестры, это несомненно...

– Замечательно, Берг Милорадович. Взгляните повнимательнее и скажите: идеи, здесь записанные, они рабочие? Иными словами, этот дневник не может быть подделкой?

– Несомненно, это настоящая вещь, – выдал через некоторое время исследователь. – Более того, скажу, что над некоторыми из идей мы работали с Хельгой вместе, а другие она

довольно часто обсуждала как со мной, так и с другими нашими коллегами. Да вот, к примеру, взгляните... Вот этот набросок должен быть вам очень хорошо знаком. Насколько я помню, эту идею защиты от пуль предложили именно вы... Да и общий стиль письма... Это точно Хельга писала. Никаких сомнений. Виталий Родионович, позвольте вопрос?

– Слушаю, – кивнул я.

– Откуда у вас этот дневник? – поинтересовался заметно волнующийся исследователь.

– А это самое интересное, Берг Милорадович. Из квартиры вашей исчезнувшей сестры. Как думаете, могла она оставить его там, если бы решила бежать?

– Нет конечно! – энергично закачал головой рыжий заместитель Сакулова. – Тут слишком много точной информации, на восстановление которой уйдут месяцы!

– Вот и я так думаю. – Я вздохнул. – Так что боюсь, что Хельга Милорадовна покинула квартиру не по своей воле... Нет-нет. Не стоит так волноваться. Я более чем уверен, что ей не грозит ничего страшного... Ведь похитить Хельгу могли только из-за ее знаний, не так ли? Делаю такой вывод, поскольку, как мне известно от князя Телепнева, ни у вас, ни у нее нет серьезных сбережений, чтобы похитители могли рассчитывать на выкуп... Мотив же мести кажется мне и вовсе несуразным ввиду той уединенной жизни, что ведет ваша сестра в столице.

– Тут вы правы, – согласился Берг. – Ни связей, ни се-

рьезных капиталов мы с сестрой пока не нажили, да и друзей-врагов... тоже.

– И вот тут мы подходим к очень деликатной теме, – вкрадчиво проговорил я. – А именно наш проект...

– Но ведь о нем никто не знает! – неподдельно удивился Берг. В ответ я вытащил из внутреннего кармана пиджака полученный у Толстоватого список.

– Восемнадцать фамилий, Берг Милорадович. Знаете, у меня на родине была популярна такая поговорка: «Что знают двое, знает и свинья»... Боюсь, что в данном случае она полностью оправдана.

– Можно взглянуть на этот список? – проговорил исследователь, протягивая к нему руку.

– Под вашу личную ответственность, Берг Милорадович, – согласился я.

Пробежав взглядом по строчкам, Высоковский нахмурился и взглянул на меня несколько растерянно.

– Но ведь большая часть этих людей – исследователи! Неужто все они будут подозреваться?

– Почему будут? – деланно удивился я, отбирая у Берга листок. – Уже подозреваются. По всем будет проведена тщательнейшая проверка, это совершенно точно. Так что будьте готовы к возможным расспросам со стороны охранителей и не впадайте в уныние... некоторые их приемы могут показаться вам не слишком-то приятными, но это нужно будет просто перетерпеть. И вот еще что, я прошу вас молчать об

этом списке. Я и вам-то поведал все это по личной инициативе, что называется на свой страх и риск.

– Спасибо, Виталий Родионович, за доверие.

– Полно вам, Берг Милорадович, – отмахнулся я. – Вы мне лучше делом помогите...

– Все, что в моих силах, – с готовностью кивнул Берг. Блин, даже неудобно как-то за такую детскую «разводку»...

– Ловлю вас на слове, – улыбнулся я.

– Итак. Чем могу вам помочь?

– Понимаете, Берг Милорадович, тут вот такая штука... – пока выдалась возможность, я решил разобраться с так заинтересовавшей Ставра моей «двойной» защитой. И к моему удивлению, Берг помог, даже глазом не моргнув. Под его чутким руководством мне удалось расплести лабиринт за считанные минуты, после чего, опять же в присутствии исследователя, но без его участия, я буквально за полчаса смог поставить новую защиту, того же рода.

Спокойствие, с которым Берг принял мою просьбу, да и общее его поведение лучше всяких слов подтвердили мне, что никакой «лазейки» в моей защите канцелярия оставлять не планировала. Что наводило на определенные, очень нехорошие, признаюсь, мысли в отношении одного знакомого и чересчур осведомленного волхва... Вот кстати...

– Берг Милорадович, а что вы знаете о кружке некоего Ставра Ингваревича? – поинтересовался я, когда насущные вопросы были нами решены.

– Хм... Знакомое имя... А! Ну конечно... Волхв старой школы, любитель диспутов с философами, – хлопнул себя по лбу Берг. – Знаю-знаю. Навещал несколько раз его дом. Знаете, у Ставра Ингваревича собирается довольно интересное общество. Лично я, как, впрочем, и Хельга заглядывали к нему, чтобы послушать кое-кого из наших коллег. Весьма познавательные были встречи. Вообще, в отличие от многих «стариков», хозяин дома вовсю пытается сблизить естествознание с традиционными школами. Большой энтузиаст. А что, вы успели с ним познакомиться?

– Довелось. Вот приглашает на неделе в гости, – протянул я.

– Даже не сомневайтесь. Идите непременно, – безапелляционно заявил Высоковский, рубанув ладонью воздух, – поверьте, скучно вам точно не будет.

– Что ж, думаю, я последую вашему совету, – согласился я. В этот момент дверь в кабинет отворилась, и на пороге возникли «братья-энциклопедисты», прибывшие с предупреждением, что работу они на сегодня закончили.

Поняв, что исследователи начинают собираться по домам, я поспешил попрощаться с Бергом и чуть ли не бегом помчался вниз. Мне еще нужно было найти Ратышу-извозчика и передать ему распоряжение, выцыганенное мною у князя.

Приказ главы Особой канцелярии Ратышу явно не обрадовал, но, побухтев для порядка, как я понимаю, извозчик со вздохом пошел запрягать «двигатель» своей коляски. Смот-

реть, как другие работают, занятие, конечно, крайне медитативное, но не на холодном же осеннем ветру, а потому я, проведив взглядом скрывшегося в хозяйственных пристройках Ратышу, вернулся в здание канцелярии, надел пальто и шляпу, подумав секунду, натянул перчатки и отправился домой.

Как назло, и так обычно не особо многолюдная набережная сегодня оказалась откровенно пуста, и надежды поймать лихача на ней растаяли как дым, стоило кинуть взгляд сначала в одну сторону улицы, а потом в другую. Никого. Пришлось идти пешком... Но не успел я пройти и сотни метров по тротуару в сторону ближайшего моста, как за спиной послышался резвый стук копыт и шум коляски. Остановившись, я обернулся, и почти сразу рядом со мной оказался запряженный тройкой, закрытый экипаж под управлением Ратыши.

– Ваше благородие, садитесь, холодно же на улице. Подвезу вас до дома.

– А как же приказ? – удивился я.

– Тю? Так сейчас до Дихмантьевки доедем, я там своим пару слов шепну, и готово! – отмахнулся Ратыша. – Что ж я, сам хвостать буду? Признают в тот же миг! Не, ваше благородие. В нашем занятии нужно все делать по уму...

– Ну а как уйдут, пока мы до той Дихмантьевки доедем? – поинтересовался я, уже забираясь в коляску.

– Так, а обмундированные на входе на что? Уж не волнуйтесь, задержат, пока упреждающего свиста не услышат, – с

готовностью ответил Ратьша, закрывая за мной дверцу. – И не подумайте дурного, никаких подозрений не вызовут...

Коляска бодро покатила по пустой улице, но спустя несколько минут Ратьша свернул с набережной и, проехав еще несколько сотен метров по довольно широкой, но отчего-то скудно освещенной улице, остановил экипаж.

Остановив лошадей, Ратьша спустился с козел на землю и направился к нескольким извозчикам, чьи коляски заняли центр небольшой площади со странным названием – Одихмантьевская, или, по-простому, Дихмантьевка. О чем уж говорил ушлый Ратьша с коллегами, я не знаю... но судя по взрывам хохота, не только о деле. Тем не менее через пять минут забравшийся обратно на свое место «водитель кобылы» снова щелкнул кнутом, и мы покатили домой, и я еще успел заметить в дверное окно, как трое или четверо извозчиков на площади разворачивают свои экипажи.

На полпути к дому Смольяниных меня посетила гениальная мысль... И я изо всей силы затарабанил в переднюю стенку экипажа. Ратьша тут же вновь остановился и поспешил узнать, что у меня случилось. А узнав, хмыкнув, пробормотал что-то вроде: «эх, молодежь», забрался на козлы и погнал экипаж вперед.

К моему сожалению, столь срочно понадобившаяся мне лавка оказалась уже заперта. Это в восьмом-то часу! С сожалением глянув в окно экипажа на плотно прикрытые ставни, я мысленно чертыхнулся, в очередной раз столкнувшись с

непривычными мне порядками, и велел Ратьше править прямо на Загородский, теперь уж точно домой. Свистнул кнут, и лошади резво потянули экипаж. Ну как резво... Как могли. Впрочем, скорость передвижения гужевого транспорта в столичном Хольмграде оказалась все-таки заметно выше скорости даже самого навороченного «феррари» в «той» Москве, в вечерний час пик.

От осознания курьезности сравнения я даже улыбнулся. А когда подъезжал к владениям Смольяниной, мое настроение и вовсе выправилось при вспоминании, что у дражайшей Заряны Святославны имеется свой собственный зимний сад и теплицы. Вот ни за что не поверю, что там не найдется какого-нибудь симпатичного цветника...

Пока открывались ворота, я успел попросить Ратьшу, чтобы он подвез меня к центральному входу в дом, что тот и выполнил, после чего был вознагражден четвертаком и укатил куда-то в темноту.

– Добрый вечер, Заряна Святославна. – Я поприветствовал хозяйку, спускающуюся по лестнице со второго этажа мне навстречу. Предупрежденная о моем визите одной из служанок, отловленной мною в холле дома, Заряна Святославна даже успела накинуть свою «парадную» шаль. Так сказать, «встречная» форма. Здешним дамам, видите ли, неуместно встречать в платье с оголенными плечами пришедших с визитом мужчин. Исключение допустимо лишь для любовников. Даже на балу, где шаль, как следовало из

рассказов образывавшей меня Лады, неприемлема, в холле гостей встречает либо хозяин дома, либо дворецкий.

– Здравствуйте-здравствуйте, Виталий Родионович, – улыбнулась Смольянина, подавая мне ухоженную руку. – Смотрю, совсем вас закрутила столичная жизнь. Пропали на целый день, даже в обед не показались...

– Что делать, дражайшая Заряна Святославна. Наша служба и опасна и трудна... да и времени отнимает порой немало, – поцеловав, точнее, должным образом изобразив поцелуй ее руки, проговорил я.

– Вот пример, достойный подражания для нынешней молодежи, – вздохнула хозяйка дома, одновременно жестом предлагая пройти в небольшую гостиную, двери которой уже открыла для нас давешняя симпатичная служанка. – А мой-то племянничек все кутит. О продолжении дела отцова и думать забыл. Приходится мне, хрупкой женщине, мужскими денежными делами заниматься. Не то вконец оскудеет род...

– Ну что вы, Заряна Святославна. С вашими талантами, такой печальный итог решительно невозможен, – проговорил я, останавливаясь не доходя до порога. – Но вы уж простите невежу, я ведь к вам тоже по делу заглянул.

– Денежному? – усмехнулась Смольянина, приподняв одну бровь.

– А то уж вам решать, любезная хозяйка, – развел я руками.

– И все же идемте в гостиную, Марика подаст чаю... или

может кофию желаете? – предложила Смольянина.

– Кофий. Определенно, сейчас лучше кофий, – согласился я, пропуская хозяйку дома в гостиную.

– Все слышала? Его благородию принеси йеменский, что из лавки Сантино. А мне чаю подай с липовым медом. Исполняй, – на мгновение замерев рядом со служанкой, приказала Смольянина, и та, кивнув в ответ, кинулась исполнять. Только что руку к голове не приложила да «так точно» не рывкнула. М-да, вышколенные же слуги у госпожи Смольяниной... Наш ротный их дисциплине позавидовал бы.

– Итак, Виталий Родионович, расскажите же, что за нужда вас привела? – поинтересовалась Заряна Святославна, едва перед нами на столике появился поднос с чаем и кофе.

– Кхм. Даже не знаю, как просить вас о том... – начал я. – Видите ли, я сегодня, как вы заметили, очень поздно уехал из присутствия. Хотел было купить цветов, да как назло обнаружил, что лавки уж закрыты...

– Понятно. Можете дальше и не объяснять... Вы бы скорее за полночь цветы нашли, нежели после заката. Лавки у нас, где сии деликатные создания продают, по нынешнему времени года работают лишь от полудня, когда их привозят, и часов до трех-четырех, не более.

– Вот как? Странно... – протянул я.

– Да что уж тут странного? – Смольянина явно оседлала любимого конька, и мешать ей я не стану. Катком переедет, но вещать не перестанет... даже над могилой. По глазам вид-

но. – Посудите сами, цветы, они ведь самые хрупкие создания, хранить их по такой погоде труд немалый. Перемерзают.

– А как же согревающие воздействия? – удивился я.

– Сразу видно, что вы с цветами не знаете, – вздохнула хозяйка. – У цветов, если говорить по-модному, структура очень уж нежная, диапазон ее крайне узок, а потому, ежели рядом есть какие сильные наговоры, оболочка цветка непременно диссонирует, а самый цветок при этом быстро увядает. Вот и греют цветочные лавки лишь свечами, а те, что побогаче, проводят водяное отопление, но уж непременно так, чтоб никаких воздействий и близко не было. Оттого-то и цветы так дороги к зиме выходят. Потому и мой сад, также отапливаемый, выращенный без всех этих модностей естествознания, считается одним из лучших в Европе.

– Вот так новости, – покачал я головой, но тут же усмехнулся. – А скажите, только честно, Заряна Святославна, ведь заговариваете все же цветочки-то? По-старому, а?

– О чем вы? – сделала непроницаемое лицо Смольянина, но тут же рассмеялась. – Догадались-таки, Виталий Родионович? Ну да, увиливать не стану. Разумеется, я им помогаю чем могу. Но вы уж, будьте любезны, молчите о том.

– Ну что вы, Заряна Святославна. Я буду нем как рыба... Если вы поделитесь со мной толикой той красоты из ваших цветников, что славится на всю Европу, – с самым серьезным видом кивнул я.

– А вам палец в рот не клади, ваше благородие! – со смеш-

ком констатировала хозяйка, поднимаясь с кресла. – Ну что ж. Договорились. Идемте выбирать ваш откуп?

– С превеликим удовольствием, – ответил я, поднимаясь следом.

Всю дорогу до обширных теплиц и даже во время похода по ним мне приходилось осторожно отбиваться от попыток Смольяниной разузнать, кому же предназначен будущий букет. Правда, в зимнем саду отделаться от допроса оказалось куда как проще. Я был искренне восхищен окружившим меня буйством красок и очарован странным сочетанием радующих летней зеленью, ароматами и яркими цветами теплиц со скупой подсвеченными небольшими светильниками хмурым ноябрьским садом, ошетилившимся голыми ветвями облетевших деревьев, что виднелся за огромными стеклами. А хозяйка была настолько довольна произведенным эффектом, что почти прекратила донимать меня расспросами.

После долгих и мучительных выборов я наконец остановился на изящных розах нежно-персикового цвета.

– М-да. Пожалуй, в следующем году нужно будет посадить еще пару таких кустов, – заключила Смольянина. – Вряд ли я, конечно, буду ими торговать, но судя по тому спросу, которым пользуются именно эти цветы, в противном случае я рискую остаться и вовсе ни с чем.

– А что? Кому-то они уже приглянулись? – поинтересовался я, наблюдая, как Заряна Святославна аккуратно срезает для меня бутоны.

– Вы, Виталий Родионович, уже второй человек, кто на этой седмице просит у меня эти розы.

– Так может, стоит подумать о торговле всерьез? – спросил я.

– Знаете, ваше благородие... День, когда я начну торговать цветами из этого сада, станет последним в моей жизни, – неожиданно резко ответила Смольянина. – Деньги, милейший мой Виталий Родионович, еще не все. Их можно заработать, найти, украсть, отнять в конце концов... А вот эти цветы, это... это сама жизнь, понимаете? Такая же маленькая, хрупкая и бессмысленная, но при этом невообразимо красивая. И я еще не пала так низко, чтобы торговать ею направо и налево.

– Извините, Заряна Святославна. – Я, честно говоря, был сильно сконфужен отповедью хозяйки дома...

– Ништо, Виталий Родионович. – Так же внезапно Смольянина смягчилась и начала бережно заворачивать цветы, перекладывая их соломой. – Это я должна у вас просить прощения. Вспыхнула, словно спичка. Давайте оставим это, с вашего позволения?

– Разумеется, – кивнул я. – Я вас прекрасно понимаю, уж извините, ляпнул не подумав. Нетрудно ведь догадаться, что для вашей школы такое отношение к живому противоестественно... Но вот взбрело в дурную голову. Простите неразумного.

– Полно вам, Виталий Родионович. Забудем о том, – улыб-

нулась Смольянина, протягивая мне бережно завернутые цветы. – Идите уж, восхищайте вашу ладошку.

– Как вы?.. – опешил я.

– Ох! Неужто угадала? – звонко рассмеялась Заряна Святославна. – Ну конечно, извозчика отпустили, куда ж в такую темень пешком-то идти? Ай я недогада. Но какова девка-то... а?! Огонь! Ну же, Виталий Родионович, полно вам смущаться. Сами проговорились, уж не обессудьте!

– Ой, Заряна Святославна... Вам бы дознавателем служить. Всех воров в один миг бы на чистую воду повывели... – со вздохом признал я, но некоторые мысли заставили меня нахмуриться, что не укрылось от хозяйки дома. – Вот что, Заряна Святославна. У меня к вам будет одна очень серьезная просьба. Прошу вас всем, что для вас дорого. Никому, ни в коем случае не говорите о том, что узнали.

– Ну вы уж меня совсем за болтушку какую держите, – вздернула носик Смольянина.

– Поймите, Заряна Святославна, я не сплетен вовсе опасюсь. Будь только в них дело, и не просил бы ни о чем подобном, зная ваше отрицательное отношение к распространению слухов. – Я пустился на отъявленную лесть в адрес хозяйки и, заметив, что та уже вполне благосклонно поглядывает в мою сторону, договорил: – Здесь совсем в ином дело. Вы же знаете, служба в Особой канцелярии не так проста. Не дай бог узнает какой вор или злоумышленник о моей симпатии к Ладе, худо ей прийтись может. Она ведь не

дворянского звания, а значит, и опаски никакой у злодеев не будет. Разве что мести побоятся. Так ведь месть, она ж мне Ладу, в случае чего, не вернет...

– А что? И вправду мстить стали бы, Виталий Родионович? – тихо спросила Смольянина, явно впечатленная моей маленькой речью. – На хольмганге?

– От него увернуться можно. А от пули – не выйдет, – покачал я головой.

Заряна Святославна застыла на месте, смерила меня долгим пронизывающим взглядом, после чего кивнула.

– Не врете. Вижу. Ох и судьбинушка же у вас, Виталий Родионович... Словно кладбище за спиной стоит, – вздохнула Смольянина. В ответ я только пожал плечами. А что делать, если так оно и есть... кладбище, в смысле. На котором и своих и чужих, наверное, поровну... Заряна Святославна неожиданно погладила меня по руке, удерживающей собранные ею цветы, и грустно улыбнулась. – Ничего, Виталий Родионович, все ушло. Оставьте ИХ там, где должно быть, нечего им тут делать... И идите домой. Там вас живые ждут. А обо мне не волнуйтесь. Смолчу... Не за лесть вашу, по совести. Ступайте. Ну...

Коротко поклонившись, я прижал поплотнее цветы к груди и, выйдя из зимнего в сад обычный, направился к дому, напрочь позабыв об оставленном у хозяйки владения пальто, шляпе и перчатках. Всколыхнувшиеся было воспоминания, разбуженные волхвой, неохотно, но улеглись на дно памяти,

так что к крыльцу своего дома я подошел в более или менее нормальном настроении. Хотя радужным я бы его не назвал. Усталость и дурные предчувствия, что снова заворочались в груди, отнюдь не добавляли радости.

Дверь мне открыл Лейф. Чуть округлив глаза от моего вида, тем не менее он весьма шустро понял диспозицию и, молниеносно спрятав цветы на высоком шкафу для верхней одежды, проводил меня в гостиную. Пообещав через полчаса подать ужин, Лейф тут же скрылся в коридоре, а я устроился в кресле у камина и принялся бездумно перелистывать страницы записок Хейердалла.

Глава 3

Не буди лихо... пока спит тихо

Цветы Лейф по моей просьбе поставил в вазу и отнес в свою комнату, незаметно от девушки, с тем чтобы сохранить до поры этот подарок в тайне. Ему было проще это сделать, пока девушка крутилась в комнате, накрывая на стол. Вообще меня несколько удивило поведение Лейфа в отношении сестры. Точнее, его отношение к нашим с ней нарождающимся отноше... Тыфу ты, совсем язык заплелся. Просто еще по «той» жизни я помню, что страшнее отца девушки для ухажера может быть только ее брат, при этом не особо важно, старший или младший.

Помнится, одного моего коллегу, не самого маленького

роста и комплекции, шестнадцатилетний пацан со второго этажа в одном исподнем в окно вышвырнул под аккомпанемент воплей сестрицы, недовольной такой концовкой романтического вечера. А тут... Непонятно как-то... Ну да и черт с ним, пока. Буду решать проблемы по мере их поступления, тем более что как раз в данном случае все складывается совсем неплохо и проблем вроде бы не предвидится. А вот, с другой стороны, неприятностей можно и нужно ждать в неопределимых количествах. Недаром же моя примолкнувшая было за день чуйка уже начала сосредоточенный попил внутренностей? Ну а раз на мирном фронте у нас пока тишина и покой, значит, пора озаботиться делами военными... И как можно скорее, пока эта сволочь язву мне не проела!

Сытно поужинав, вооруженный томиком Хейердалла, я поднялся к себе в кабинет. Вот только книгу я так и не открыл, увлекшись анализом событий. Очнувшись от боя часов, я вздохнул и позвал Лейфа.

– Лейф, у тебя оружие какое-нибудь имеется? – обратился я к повару, одновременно выдвигая один из ящиков конторки и выкладывая на столешницу массивную деревянную коробку.

– Ну не без того, – почесал макушку парень. – А какое вам нужно?

– Не мне. Тебе, – качнул я головой. – Чем располагаешь?
– Э-э... Ну есть пара барабанников корабельных и абордажник, а из холодного разве что морской палаш, да... лопа-

ты, – тихо закончил короткое перечисление сын ушкуйника.

– Мои, что ли? – не понял я. Вроде бы они еще вчера лежали в ларце в моей спальне.

– Да нет, – поморщился Лейф. – Я тут в лавку скобяную заглянул, ну и подобрал себе по руке. Только и пришлось что рукоять укоротить да кромку довести.

– Понятно. – Ну ушлый народ, а? На ходу ноу-хау коммуниздит! Хотя... приятно, вон как запала ему в душу идея-ка-то... – А что за абордажник? Стоп, не отвечай. И вообще давай-ка по-тихому тащи сюда свой арсенал, разбираться будем. Только так, чтоб Лада не видела, а то опять слез не оберемся. Угу?

– Понял, – кивнул Лейф и исчез без единого вопроса. Только слышно было, как этот верзила по ступенькам ссыпался. А ведь я его просил – тихо! М-да. Гонять и гонять еще желторотика. Ну ничего, как говорил ротный, глядя на очередного срочника: я тебя научу ссать по приказу, а срать по расписанию.

Пока Лейф мотался за своим имуществом, я успел наведаться в гардероб и переодеться в черные, не стесняющие движений брюки, черную же рубашку и жилет, заодно сменив и ботинки на легкие и мягкие тапочки, в которых обычно тренировался у Тихомира.

Обратно парень прибежал спустя пару минут с немаленьким таким, добротным деревянным ящиком под мышкой. Грохнув его на стол, Лейф немного повозился с тяжелым на-

весным замком и откинул крышку мореного дуба. Заглянув внутрь, я увидел только аккуратно уложенные свертки.

– Давай показывай свою артиллерию, – кивнул я Лейфу, и тот с готовностью принялся извлекать на свет содержимое сундучка.

Первыми появились два одинаковых свертка, которые я тут же принялся потрошить. Ага. Это, должно быть, и есть те самые корабельные барабанники. Блин, целые гаубицы! Они что, в море их вместо пушек пользуют?! Тут же калибр...

– Пять линий, – пробухтел Лейф, заметив мои манипуляции со стволом, и вогнал меня своим ответом в ступор. Ага. Пятидесятый, то бишь двенадцать и семь десятых мэмэ. Крупнокалиберный пулемет. На хрена на корабле нужны револьверы с калибром «Корда»?!

– А патроны к нему есть? – поинтересовался я, уже заранее опасаясь, что сейчас мне будут продемонстрированы бронебойные и зажигательные образчики. Одно хорошо. Длина патронов для этой зверюги явно поменьше НАТОвского стандарта в девяносто девять миллиметров. Кстати, вот интересно, а барабан при такой мощи как себя ведет?

– Есть и патроны, а как же... – Лейф вытащил небольшую картонную коробку и положил ее поближе ко мне. – Там их сотня.

– Знаешь, я уже даже боюсь спрашивать, что такое этот ваш абордажник... – вздохнул я.

– А! Так вот он. – Лейф бережно развернул вощеную бу-

магу и, отложив в сторону промасленную ветошь, продемонстрировал мне... классический обрез. Вертикалку, ага. При чем по виду точно можно было сказать, что им пользовались, и немало. Оружие хоть и выглядело ухоженным, но нередкие царапины и потертости на рукояти говорили об этом яснее любых слов.

– Вот это уже ближе к теме. Так. Давай-ка вынимай все, что есть, и начинай приводить в порядок. Что-то мне кажется, что сегодня эта артиллерия нам может пригодиться... – уже тихо проговорил я, но все же услышавший мое бормотание Лейф серьезно глянул исподлобья и принялся сноровисто раскладывать на столе оружие и боеприпасы.

– Сейчас осмотрю для верности, и можно снаряжать, – мотнул головой сын ушкуйника. – Оно ж у меня все ухоженное. Как отец велел... это... ре-гу-ляр-но, вот.

– Понятно. Слушай, а Лада как, с огнестрелом умеет управляться? – прищурился я. – Ну не с твоими, конечно, а хотя бы с «Тиссо» управится?

– Это да. Отец учил, как положено, – кивнул Лейф, – но...

– Отставить, – вздохнул я, вспомнив о реакции девушки на мои упражнения с лопатами. – Сделаем иначе. Ты сейчас пробежишься по дому, выключишь свет, закроешь все ставни на первом этаже и на ночь устроишься у ее комнаты со всем своим арсеналом. Только переоденься во что-нибудь темное, а то из белого фартука и колпака выйдет первоклассная мишень. Понятно? Тогда бегом марш! И не забудь про-

верить замки на дверях.

Лейф кивнул и унесся выполнять приказ. Вернулся он минут через десять, наряженный в широкие темно-синие шаровары, такую же рубаху-косоворотку и странного вида мягкие сапоги, чем-то смахивающие на мокасины. Доложив об исполнении, парень принялся сверлить меня хмурым взглядом.

– Что? – не понял я, откладывая в сторону обрез.

– Лада уже отправилась спать... А вы как же, ваше благородие? Неужто с одним «Тиссо» останетесь? – неодобрительно насупился Лейф.

– А кто тебе сказал, что у меня только он? – усмехнулся я, открывая вынутую из конторки коробку. Помнится, в оружейной лавке приказчик сначала недоумевал, когда я стволы для себя отбирал, не принято здесь, оказывается, по несколько штук их приобретать. Вот охотничьи ружья да, некоторые любители чуть ли не коллекции из них составляют, а короткостволы берут по одному, редко по два. Для себя и супруги, в путешествие, например. Зато, когда я с самым блаженным видом велел завернуть всю кучу отобранного мною холодного и огнестрельного оружия с боеприпасом, тот же приказчик чуть не до потолка прыгал, от счастья. Денег, правда, из своего и так невеликого бюджета я тогда извел столько, что хватило бы обставить мебелью еще пару комнат в доме. Но не жалею, успев придушить жабу раньше, чем она меня. Как говаривал персонаж одной из прочитанных мною на

«том свете» книжек: «Я свято верю в силу пороховых газов». Полностью с ним согласен.

Вытащив пару «скварскольдов» – близнецов того, что уже покоился у меня под мышкой, я их снарядил, после чего проделал ту же процедуру с десятком обойм, на три патрона каждая, занявшими положенные места в специальных кармашках на поясе самого что ни на есть ковбойского вида, чье сходство с моднявыми «пастушьими» аксессуарами усиливалось наличием двух открытых кобур. Лейф наблюдал за моими манипуляциями с открытым ртом. А что? Чем я хуже какого-нибудь Лихого Джо... или Трехрукого, с учетом количества стволов? И вообще, запас карман не тянет, вот!

– Ну и долго ты будешь на меня смотреть? – поинтересовался я у парня, на что тот только криво ухмыльнулся и достал из своего сундука почти такой же пояс, как у меня. Только на нем, со спины были гнезда для патронов обреза вместо горизонтальных ножен, как на моем. Все. Не хватает только двух стетсонов, и можно отправляться грабить дилижансы. Если судить по вестернам, то это самое что ни на есть пастушье занятие... Хм. Что-то я слишком развеселился. Нервы...

– Ва... Виталий Родионович, а вы уверены, что сегодня... – тихо спросил Лейф, опоясываясь широкой этой «ковбойской радостью».

– Нет. Не уверен. Но не хотелось бы, чтобы нас застали врасплох. Куда?! – Это я заметил, как Лейф пытается за-

ткнуть обрез за пояс. – В руке держи. Первый выстрел из него будет, понял? А что касается нападения, у меня просто дурное предчувствие. Очень дурное...

– Понятно. Отец говорил, ушкуйник чутью своему доверять должен. Лучше десять раз подготовиться, чем один раз не проснуться, – согласно кивнул Лейф.

– Вот и я о том же.

Закончив подгонку амуниции и сборы, я глянул на заигравшие часы. Полночь... Сундук Лейфа мы задвинули под кресло в углу комнаты, а свою коробку я убрал в конторку.

– Так, Лейф. А теперь самое сложное. Для меня, во всяком случае. Среди наших врагов могут оказаться... а скорее всего, наверняка окажутся несколько человек...

– Характерников? – помог мне парень, поняв, что я никак не могу подобрать нужное слово.

– Ну наверное, можно и так сказать, – кивнул я. – Их надо будет выбивать в первую очередь. Я пока довольно смутно представляю себе их боевые возможности, но то, что какой-нибудь гадкий сюрприз они преподнести способны, в этом я даже не сомневаюсь.

– Это они могут... – согласился Лейф, и в этот миг мы услышали тихий перестук копыт за окном.

– А вот, кажется, и гости. Быстро вниз, – шикнул я на ковбоистого повара, а сам двинулся поближе к своей спальне. Если не ошибаюсь, то ломиться налетчики будут в первую очередь именно сюда.

И я угадал. Не прошло и пяти минут, как в спальне скрипнуло окно, тут же самым наглым образом дернулись щеколды, и створка мягко отворилась без чьей-либо видимой помощи. Еще несколько секунд тишины, и в оконном проеме появился угольно-черный силуэт. Открывать огонь сразу я не стал. Дождался, пока взломщик окажется в комнате и делает пару шагов в сторону, одним движением скользнул ему за спину и аккуратно тюкнул в темечко. «Язык» есть, теперь можно и пошуметь. Я подошел к распахнутому окну... Блин, совсем забыл, как грохочут стволы в замкнутом пространстве! Трое болтавшихся под стеной дома молодчиков схлопотали по свинцовому подарку в жизненно важные органы и кулями осели на мерзлую землю.

Несколько мощных оплеух привели моего «говоруна» в чувство, а нож у горла сделал его предельно покладистым.

Десять рыл. Уже семь, если считать и мой трофей. Было три группы при трех философах, осталось две. Одна у экипажа и в дом не полезет. В остатке три придурка у входной двери, и один из них, как сказал бы Лейф, – характерник. «Трофей», кстати, можно и не считать. Он уже остывает. Церемониться с уродами, напавшими на мой дом, я изначально не собирался, равно как и сдавать их «правоохранительным» князьям. А теперь вниз. Я своими выстрелами и так, наверное, перебудил всю округу. Так что стоит поторопиться, пока все мое веселье не прервали суровые дядьки в форме.

Окинув взглядом расстилавшийся за окном вид, я вос-

пользовался веревкой, столь любезно предоставленной мне взломщиками, и, спустившись по ней на землю, быстро осмотрел трупы. То, что в контроле они не нуждаются, было ясно и так, все-таки когда пуля сорок пятого калибра попадает в голову, анальгин уже не поможет. А промазать с расстояния в десяток метров было довольно сложно, благо фонарь на улице, за стеной владения, давал достаточно света, чтобы отчетливо видеть цели. Так что осмотр скорее был формальностью, разделившись с которой я отправился в обход дома, предусмотрительно захлопнув «хрустальную сферу». Конечно, от молнии в задницу она не спасет, зато от ментального воздействия на мозги убережет точно...

Я подоспел вовремя. Взбудораженные выстрелами молодчики как раз взломали дверь и теперь крались по коридору из холла на кухню... идиоты. Но вот это и плохо. Там, в небольшом коридоре, перпендикулярно отходящем от основного, по которому шли налетчики, засел Лейф... А мне бы совсем не хотелось подпускать уродов так близко к своим людям. Впереди дуплетом грохнул обрез, часть обитой деревом, левой стены коридора украсилась многочисленными внушительного размера выбоинами и отщепами. Картечью у него абордажник заряжен, что ли?

Стрелять я начал еще в полете. Один из двух оставшихся на ногах после выстрела Лейфа налетчиков уже поднял ствол на явно не успевающего схватиться за барабанник парня, а в следующий миг словил спиной подарок от моего «сварсколь-

да» и рухнул как подрубленный, недалеко от жертвы абордажника, так и не нажав на спусковой крючок. А вот с третьим вышел облом. Он шустро откатился за массивную деревянную тумбу в нишу у стены. И оттуда пару раз негромко и как-то неубедительно, после рывканья «сварскольдов», хлопнули выстрелы, определенно в мою сторону. Черт! Накаркал! Эта тварь запустила в меня молнией! Хорошо еще, что я в этот момент уже лежал на полу, и трещащая голубоватая дрянь просквозила надо мной, а если б попала?

– Парень, лучше бросай маяться ерундой. Нас здесь двое, и оба с оружием. А ты уже один. Сечешь? Так что давай похорошему. Ствол на пол, лапки в гору и лицом к стене, – предложил я. Не то чтобы мне так уж нужен был этот придурак живым, ну а вдруг? Но в ответ мимо меня пролетела еще одна молния. Жаль.

Только я начал выцеливать ту часть тушки противника, что была мне видна в просвете меж полом и днищем тумбы, как с той стороны раздался какой-то шорох, а следом тихий вскрик.

– Я его успокоил, ваше... Виталий Родионович, – прогудел Лейф, выглядывая из-за угла. Но стоило мне начать подниматься на ноги, как он рывкнул: – Сзади!!!

И моментально оказавшиеся в руках у сына ушкуйника корабельные «гаубицы» изрыгнули огонь... в мою сторону! Я говорил, что «сварскольд» громко стреляет? Чушь! Пятилинейник, вот это да! Один выстрел – одна контузия. Два

выстрела – инвалид на всю жизнь. Но мне, наверное, повезло. Слух вернулся уже минуты через две, так что я даже смог расслышать окончание своей собственной матерной тирады в адрес неумелого повара, расстреливающего собственного нанимателя и потенциального родственника.

Правда, рассмотрев результаты стрельбы Лейфа, мнение свое я изменил. Двое налетчиков из той тройки, что должна была стоять на стреме, заслышав стрельбу, не слиняли, сверкая пятками, что было бы логично, а ринулись на помощь подельникам... Вот именно их-то и снял своими грохоталками сын ушкуйника, едва они появились в холле. Станные люди. Странное нападение. Дилетанты какие-то, право слово! Через секунду до моего слуха донеслось дикое ржание. Понятно, последний тать явно решил не искушать судьбу и таки слинял. Ну-ну. Лучше поздно, чем никогда.

– Извини, Лейф. Как твой клиент? Жив? – поинтересовался я.

– А черт его знает, – пожал плечами парень, отточенным жестом отправляя оба барабанника в кобуры. – Вроде бы я его не сильно приголубил, но все ж таки вам лучше глянуть...

– Гляну, конечно. Не переживай... – подойдя к растянувшемуся на полу трофею Лейфа, я пощупал его пульс. – Жив, курилка. Чем ты его так?

– Так... – Лейф замялся. – Лопату я в него швырнул. А она как-то так... череном ему и въехала.

– Ну ты везучий, – рассмеялся я, присмотревшись к оболочкам поверженного «философа». – У него защита выставлена от стали... Так что попади ты в нее кромкой, тут же схлопотал бы в ответ молнию. А вообще это ж с какой силой надо было лопату закрутить, а? Ну да ладно. С этим после разберемся... Вот что, Лейф, давай-ка свяжи его и спусти в погреб, а я пока по окрестностям пробежусь. Гляну, что да как.

Но далеко убежать мне не удалось. Тихонько скрипнула дверь, и из-за угла медленно и осторожно высунулся носик Лады. Девушка глянула на нас большими испуганными глазами, потом увидела валяющиеся на полу тела и, облегченно вздохнув, вышла из-за угла, опуская руку с зажатым в ней скромным по размеру, но весьма грозным «Барринсом». Валькирия... в ночнушке. Интересно, почему она еще не рыдает?

Вместо ответа на мой мысленный вопрос Лада, аккуратно ступая босыми ногами по полу, так чтобы не испачкать их в лужах крови, подошла ко мне и, молча уткнувшись носиком мне в ключицу, замерла, обхватив руками, словно любимого плюшевого мишку.

– Замерзнешь ведь, Ладушка, – прошептал я на ухо девушке, но та только крепче сжала объятия. Сильна... Глянув мимоходом на Лейфа и убедившись, что он уже закончил связывать нашего гостя, я подхватил Ладу на руки и двинулся в ее комнату. Там мне с большим трудом удалось от-

цепить ее от себя и уговорить лечь обратно в постель. К тому моменту, когда Лада наконец уступила моим просьбам и закуталась в одеяло, раздался стук в дверь.

– Да?

– Эм... Виталий Родионович, тут... в общем, пришли из канцелярии. Вас спрашивают, – пробухтел за дверью голос Лейфа. Поняв, что я сейчас уйду, Лада тут же попыталась выбраться из постели.

– Не стоит. Подожди меня здесь, пожалуйста. Я быстро. – Я покачал головой, положив девушке руку на плечо.

– Только не забудь, – тихо вздохнула Лада, до этого момента не проронившая ни слова. Мгновение поколебавшись, я поцеловал сероглазку и поднялся.

– Не забуду. Обещаю.

Выглянув за дверь, я не сдержал улыбки. В паре метров от меня стоял насупившийся Лейф, уверенно сжимающий в одной руке обрез, а в другой корабельный барабанник, стволы которых были направлены на мнующихся в основном коридоре охранителей в штатском, за спинами которых виднелось чем-то сильно недовольное лицо князя Телепнева.

– Спокойно, Лейф. Это свои, – проговорил я.

– Свои все дома, – выдал этот Матроскин, не сводя угрюмого взгляда с гостей.

– Хм. Виталий Родионович, не могли бы вы попросить своего повара убрать оружие? – Спокойный голос князя заставил охранителей переглянуться с самым ошеломленным

видом. Я думаю. Ворваться в дом, обнаружить на полу кучу трупов и оказаться на мушке у здорового битюга с внушительными стволами в руках, а потом выяснить, что тот обычный повар... Ничего так приключение.

– Лейф, ты «посылку» успел упаковать? – тихо спросил я, вставая так, чтобы меня не было видно из-за спины парня и соответственно невозможно было прочесть по губам вопрос.

– Угу, – коротко ответил сын ушкуйника.

– Замечательно. Тогда, будь добр, пройди в комнату Лады и запришься там... Хорошо? – Лейф кивнул, и я посторонился, пропуская его к двери в спальню сероглазки. Щелкнул дверной замок, охранители ощутимо расслабились, и я тут же отвесил князю короткий поклон. – Доброй ночи, ваше сиятельство. Как видите, я был прав.

– Может, поговорим в более... прибранном месте? – хмыкнул глава Особой канцелярии.

– Как скажете, Владимир Стоянович, – пожал я плечами. – Гостиная вас устроит? Правда, прошу меня извинить, но как раз угостить вас мне сегодня решительно нечем. Мой повар несколько не в форме.

– Разумеется, Виталий Родионович. В конце концов, мы к вам не на пироги приехали, не так ли? – усмехнулся князь, подавая знак охранителям, и те расступились в стороны, выпуская меня из коридорчика.

– Что ж. Тогда прошу следовать за мной, – кивнул я.

Мы с князем устроились в креслах в гостиной, оставив

охранителям возню с телами. И к моему удивлению, уже через несколько минут появившийся в комнате синемундирник поставил перед нами на стол кофейный набор, прибор-мотав, что позволил себе похозяйничать на кухне. Ну и ладно. Тем более что кофе мне сейчас действительно не помешает. Пригубив горячий ароматный напиток, я с сожалением констатировал, что до умений Лады охранителю еще грести и грести, после чего кратко изложил князю события прошедшего вечера.

– Скажите, Владимир Стоянович, а кто вам сообщил о перестрелке? Заряна Святославна или Ратыша? – осведомился я по окончании своего короткого повествования.

– Госпожа Смольянина позвонила в канцелярию и сообщила, что в доме одного из ее жильцов слышна стрельба. От Ратыши новостей не было, – ровным тоном ответил князь. – А что, вас это беспокоит?

– О, нет. Это только подтверждает некоторые мои домыслы, – отмахнулся я и не удержался от того, чтобы почувствовать себя «великим сыщиком». – Знаете, Владимир Стоянович, думаю, завтра к полудню я буду готов назвать имя похитителя Хельги Милорадовны.

– Вот как? И вы сможете доказать свою правоту? – прищурился князь.

– Думаю, да.

– Тогда почему бы вам не сделать этого сейчас? – осведомился Телепнев.

– Хотя бы потому, что здесь отсутствуют необходимые лица, – ответил я. – А к завтрашнему полудню, я надеюсь, все они будут в сборе.

– Ну что ж. Тогда подождем до завтра, – кивнул князь. – С вашего позволения, я приглашу Бернгардта Брючеславича на ваше представление.

– А если я провалюсь? – поинтересовался я у Телепнева. – Тогда ведь и авторитет канцелярии пошатнется, разве нет?

– Помилуйте, Виталий Родионович, при чем здесь канцелярия?! – с хитрой усмешкой всплеснул руками князь. – Вы же заштатный сотрудник, наставник по рукопашной схватке, но никак не дознаватель... Так что розыск был вашей личной инициативой, разве нет?

Глава 4

Делай, что должно, а будет – не будет... оставь ромашкам

От охранителей, наводнивших дом, я отделался только в третьем часу ночи, да и то не от всех. Перед уходом, как оказалось, князь велел оставить у Смольяниных полдюжины си-немо... мундирных для охраны. И теперь они теньями бродили вокруг дома, тихонько бряцая амуницией, а один так и вовсе расположился на крыльце, вынужденный временно работать замком у двери, поскольку родную «некусачую собаку» налетчики вырвали с мясом...

После разговора в подвале с захваченным философом, спеленутым по рукам и ногам до полной неподвижности, я уж хотел было отправиться спать, но вспомнил об обещании, данном Ладе, и застрял. С одной стороны, слово надо держать... тем более что в этом мире ему еще знают настоящую цену, в отличие от «того света». С другой же стороны, девушка наверняка уже десятый сон смотрит, а тут вломлюсь я, весь такой боевой, воняющий порохом и потом... То-то ей радостно будет!

Прикинув так и эдак, я принял к исполнению усредненный вариант. А именно: сначала принять душ, а уж потом тихонько постучаться в дверь комнаты Лады, чтобы с утра можно было с чистой совестью заявить, что, дескать, да, заходил, но не решился будить... Вот же ж...

Плюнув на все с высокой колокольни, я поднялся в спальню, содрал с себя непонятно когда успевшую украсить редкими пятнышками засохшей крови одежду и амуницию и, вытащив из шкафа халат, поплелся в ванную, где нашел самый верный способ прийти в себя и взбодриться после долгого и чрезвычайно утомительного дня. Иначе говоря, находясь в полусонном состоянии, я что-то перемудрил с вентилями душа, и тот, явно из врожденной подлости, для начала окатил меня ледяной водой, а через секунду чуть ли не кипятком ошпарил. В общем, из душа я выбрался немного взбудораженным и уже было наладился в поход до двери в комнату Лады, как услышал какой-то шорох. Покосившись

на лежащую чуть ли не у самого входа в спальню кучу одежды и венчающую ее сбрую с барабанниками, я понял, что могу не успеть до них добраться, и медленно развернулся в ту сторону, откуда донесся так напрягший меня звук.

Хм. По-моему, я ошибся комнатой... В противном случае у меня имеется один закономерный вопрос. А что, собственно, Лада делает в моей постели?

Я подошел поближе к кровати и тихо хмыкнул. Спит. Ну и черт бы с ним со всем. Идти в гостевую спальню у меня нет никакого желания, тем более что там и постельного белья-то нет. То есть оно, конечно, есть, но лежит в шкафу, и возиться с ним совершенно неохота. Ну а раз так... Я решительно обошел кровать и улегся рядом с тихо посапывающей сероглазкой. Я тоже хочу... В смысле спать. Нет, вообще-то не только, но вот именно сейчас...

Утром меня разбудил вовсе не ставший привычным за последнее время аромат кофе, а доносившиеся с первого этажа голоса. Очевидно, организм так и не смог нормально ослабиться за время короткого четырехчасового отдыха, ничем другим я не могу объяснить чуткость сна, слетевшего с меня, едва послышался приглушенный тяжелыми дверьми и расстоянием бубнеж.

Попытавшись потянуться, я понял, что это не так-то просто сделать. Открыл глаза, чтобы узнать, что именно мне так мешает, и не смог сдержать тихого смешка. Лада умудрилась во сне каким-то образом забраться на мою тушку и теперь

сладко посапывала, обхватив меня руками и ногами. А вот ее, очевидно, мой мудрый организм как угрозу не воспринимает... Хотя кое-какая реакция имеется... М-да уж. Ситуёвинка.

От моего сдавленного хихиканья девушка проснулась, сонно взглянула на источник разбудившего ее шума и, немного поерзав, вновь сомкнула веки. Но уже через секунду серые глаза в обрамлении длинных и пушистых ресниц распахнулись и с испугом уставились на меня. Лада пискнула и, кубарем с меня скатившись, замерла на краю кровати, плотно завернувшись в стянутое с меня же одеяло.

– С добрым утром, Ладушка, – только что не пропел я, искренне наслаждаясь представлением.

– В-ва... В-витаий Родионович... я... – Девушка, мучительно покраснев, зашарила глазами по комнате, но так ничего и не придумав, только судорожно втянула носом воздух.

Поняв, что еще чуть-чуть, и меня ждет поток всего запаса слез, накопленного Ладой еще с вечера, я резво поднялся с постели, под сдавленный девичий ох накинул халат и, обойдя кровать, присел на корточки рядом с застывшей на самом ее краешке девушкой, алой как маков цвет. Вот как их понять?! Женщин, в смысле... Вроде бы сама призналась, что любит, а бояться не перестала... При этом и боится как-то странно. Временами. Вот сама ночью забралась в мою постель. Не боялась? Нет. А стоило пожелать ей доброго утра, и она уже дрожит, словно осиновый лист на ветру. Или это

я идиот? Хотя... Одно другому не мешает. Наверное, как-то так.

Придя к такому умозаключению, я вздохнул.

– Кофе хочешь? – Внимательно следившая за моими перемещениями, Лада несколько опешила, но спустя полминуты неуверенно кивнула. Я улыбнулся. – Тогда подожди чуть-чуть, ладно?

Вскочив, я метнулся к двери и, чуть не снеся ее с петель, помчался на кухню. Отмахнувшись от пытавшегося что-то сказать Лейфа, встреченного мною в холле, я только промычал ему на ходу что-то вроде: «добрутро» и, ворвавшись на кухню, тут же развил бурную деятельность. Кофе не терпит суеты, но очевидно, сегодня небеса были ко мне благосклонны, потому как он даже не попытался убежать, пока я разыскивал кофейные приборы, а «подниматься» кофе начал как раз в тот момент, когда я закончил нагружать поднос всем необходимым, в том числе и пышущими жаром хлебцами, приготовленными самоотверженным Лейфом... Хотя спать-то он ушел куда раньше, чем я...

Приготовив кофе, я окинул взглядом получившийся натюрморт и нахмурился. В нем явно чего-то не хватало... Хлопнув себя по лбу ладонью, я отправился к Лейфу за припасенным с вечера букетом.

– Виталий Родионович... – пробухтел повар, пока я придирчиво осматривал цветы.

– Да? – поправляя один из бутонов, кивнул я.

– Тут это... Извозчик какой-то приехал. Ратышей назвался... – проговорил Лейф.

– Вот как? – встрепнулся я. – Он один?

– Того не знаю. Экипаж закрытый, и занавеси на окошках опущены. Просил передать, что задание он исполнил, – пожав плечами, ответил парень.

– Замечательно. – Губы сами разошлись в ухмылке, – проводи его в дом, напои чаем... да нашего философа подготовь... Нечего всякой шушере у нас дома обретаться.

– Все сделаю, – согласно кивнул Лейф и, чуть помявшись, тихо спросил: – Виталий Родионович... а как там Лада?

– Чувствует себя вроде бы неплохо. В отличие от нас с тобой, она все-таки выпалась... – вздохнул я.

– Так вы... это... ну... что ли не... – постепенно все больше и больше смущаясь, забормотал Лейф.

– Что ли не, – усмехнулся я и, прищурившись, ткнул парня пальцем в грудь. – А скажи-ка ты мне, друг любезный, с чего это так старательно со своей сестрой меня норовишь свести, а?

– Я? – изобразил великое изумление Лейф и тут же замотал головой, одновременно начиная пятиться к выходу. – Не, я... да ни в жисть... И вообще там, вон... Мне наказ ваш исполнить...

– Ну-ну. Мы с тобой еще поговорим на эту тему, – вздохнул я, подозрительным взглядом провожая ретирующегося повара. После чего подхватил серебряный поднос с кофей-

ными причиндалами и букетом цветов и потащил его к себе в комнату. Шум воды, доносящийся из ванной комнаты при спальне, подсказал, что Лада отправилась приводить себя в порядок. Оглядевшись, я опустил поднос на небольшой столик у окна и приготовился ждать. Вскоре шум смолк, но даже спустя добрых десять минут в спальню Лада так и не вышла... И я, кажется, догадался почему. Открыв гардероб, я снял с вешалки один из банных халатов, тихонько постучал в дверь ванной комнаты, чуть приоткрыл ее и просунул халат в образовавшуюся щель (благо, что в ванной при спальне замок не был предусмотрен). Она же ко мне в спальню пришла как была, в ночнушке и с «Барринсом», найденным мною под подушкой. Да здравствует логика! Уже через минуту Лада вышла из ванной, чуть смущенная, но уже не испуганная, и то хлеб... Вдоволь полюбовавшись на сероглазое видение в волочащемся по полу белоснежном халате, обернутом вокруг ее тела чуть ли не дважды, я улыбнулся и, подхватив Ладу под руку, подвел к креслу, стоящему у столика с подносом.

– Это мне?

– Разумеется, – кивнул я.

Девушка осторожно, словно боясь, что цветы осыпятся от одного ее прикосновения, провела кончиками пальцев по лепесткам и несмело улыбнулась. И было в ее улыбке... что-то такое... такое... Я замер, следя за каждым движением Лады, а когда она обернулась и подняла на меня сияющий взгляд...

Вот теперь, кажется, я пропал окончательно и бесповоротно. Влюбился как семнадцатилетний пацан... как пыльным мешком по темечку шандарахнуло. До звона в ушах, до полного срыва башни... Если б не «сфера», точно бы решил, что Лада меня зачаровала. А ведь думал, что такого со мной в жизни больше не произойдет... Но вот ведь случилось... Пусть и «в другой» жизни! И молчать об этом я не собираюсь. Равно как и ждать окончания эпопеи с пропажей исследовательницы, что сам себе недавно обещал. К чему?

В гостиную я спустился только в одиннадцатом часу, умиротворенный и счастливый, напрочь забывший обо всех текущих проблемах и неприятностях. Ну сумасшедший, что с нас взять? Лада, правда, порывалась подняться с постели и бежать заниматься домашними делами, но была отчитана и заперта в спальне, в лучших традициях деспотичного Востока, «для вразумления». Ха! Придется сегодня виляющему Лейфу обходиться своими силами, а завтра я что-нибудь придумаю.

– Доброго дня, Ратыша. Уж прости, что заставил ждать. Так сказать, дела семейные... – повинился я перед наливающимся дармовым чаем охранителем-извозчиком, на что тот только пожал плечами. А вот глазенки пребывающего тут же повара эдак радостно сверкнули... Ну-ну. Я с тобой поговорю еще, сводник. Всю правду вытрясу, а если понадобится, то и полевыми методами не погнушаюсь.

Словно услышав мои мысли, сын ушкуйника тут же исчез

из комнаты.

– Пустое, ваше благородие, – отставив пиалу в сторонку, проговорил Ратыша. – Я хоть отдохнул по-человечески. Всю ж ночь по эдакой холодрыге мотался, исполняя поручение, устал, знаете ли. А тут покойно, тепло. Да и чаек отменный.

– Заметно, – кивнул я. – Маска сползла.

– Что? О чем это вы? – не понял «извозчик».

– По речи заметно, говорю, – охотно пояснил я. – Я ведь хоть и недолго в здешних местах обретаюсь, но уж говор извозчика от речи грамотного, образованного человека отличить смогу. Между прочим, после первой нашей встречи с поездкой в «Летцбург» вы как раз именно этими «мабуть» и «тудой» мне и запомнились... Ну и «Ведомостями», конечно.

– М-да уж. Вот это я опростоволосился. Устал... – вздохнул Ратыша, отдирая приклеенную бороду. После чего поднявшись с кресла, вытянулся во фрунт и коротко кивнул, одновременно звонко щелкнув каблуками подбитых сапог. – Ну уж коли так случилось... Позвольте отрекомендоваться, необмундированной службы Особой Государевой канцелярии, штабс-ротмистр Ратыша Гремиславич Липата.

– Прямо генералом себя чувствую... – улыбнулся я, пожимая руку собеседника.

– С чего бы это? – поинтересовался Ратыша.

– Так это ж у них даже на облучках карет «бла-ародия» сидят, – ответил я, и Ратыша расхохотался.

– Только вы уж о том помолчите, Виталий Родионович. А то эдак и Нишка ваш тоже себя высокопревосходительством возомнит.

– Безусловно, Ратыша Гремиславич, – согласился я. – А что Нискиня? Я полагаю, раз вы о нем упомянули, значит, сумели сыскать?

– Разумеется, Виталий Родионович, – уже серьезно кивнул штабс-ротмистр. – И погреб хороший присмотрел, где его подержать можно, без того чтоб в канцелярию доставлять. Вот только в толк не могу взять, чем вам подвалы наши не угодили.

– Что место подыскали, славно. У меня и собеседник на философские темы для столбовского разносчика найдется, чтоб не скучал в одиночестве. А насчет подвалов... – Я на миг замялся. – И оттуда сбежать можно. Коли не на свободу, так на тот свет. Были уже прецеденты.

– Наговора на верность опасаетесь? – смекнул Ратыша.

– Ну ежели это так именуется, то да, – кивнул я. – Но об этом можно и после поговорить, а сейчас, если не возражаете, нам пора ехать. Я обещался князю к полудню быть в присутствии. Негоже заставлять начальство ждать... по крайней мере, слишком долго.

– Согласен, – проговорил Ратыша, возвращая бутафорскую бороду на место. – Что ж, показывайте, где этот обещанный вами сосед для Нишки? Будем его в экипаж утрамбовывать.

– Простите, что вмешиваюсь, ваши благородия. Я уж философа устроил в экипаже-то, – прогудел, входя в гостиную Лейф. – Только... Ва... Виталий Родионович, там, почитай, места-то всего ничего осталось. Неудобно ехать будет.

– Подождите, философ? – нахмурился Ратыша. – Надо на него оградник нацепить, от лиха подальше. А ну как буяннить начнет...

– Не начнет, – отмахнулся Лейф с самодовольной улыбкой. – Я ж ему колыбельную спел, нашу, ушкуйную.

– Дельно, – коротко похвалил повара Ратыша и обернулся ко мне. – Ну что, тогда едем, Виталий Родионович?

– Едем, – кивнул я, сделав себе зарубку в памяти поподробнее расспросить Лейфа об этой самой «колыбельной»... да и вообще об ухватках ушкуйных. Кажется, это может быть оч-чень интересно.

Погреб, подобранный штабс-ротмистром, оказался не так далеко от канцелярии, на той же Торговой стороне, только ближе к Плотне. Проехав немного от Словенской набережной, вдоль Старого ручья, Ратыша загнал экипаж во двор довольно богатой, но почему-то нежилой усадьбы, в погребе которой и предстояло посидеть нашим пленникам. Расспрошенный мною еще по дороге, Нискиня поначалу не мог рассказать почти ничего внятного, кроме того, что наутро после исчезновения Хельги, о котором он, разумеется, ни сном ни духом, обнаружил в кармане три рубля серебром. Кто, что, откуда и за что, того он не знал. Знакомый почерк.

Нет, уже в брошенной усадьбе мне удалось отыскать ведро и воду, требовавшиеся для воздействия, и после Кононова наговора кое-что столбовской разносчик все же вспомнил. Вот только какой мне толк с его корявых описаний типа: «не кривой, не косо́й, глаз не злой... но стра-ашнай!»? Разве что очную ставку провести? Но это терпит. А вот князя терпеть не станут. Иначе говоря, до полудня осталось меньше часа, и в канцелярии меня уже ждут. Пора ехать.

Уже во дворе канцелярии я задержался рядом с «извозчиком».

– Ратыша Гремиславич... – начал было я, но был тут же перебит.

– Ваше благородие, вы уж меня без отчества величайте, будьте добры. Ну где это видано, чтоб солидный человек к извозчику по отчеству да на «вы» обращался? – пробухтел в бороду штабс-ротмистр. Конспирация-с.

– Извините. Вырвалось, – вздохнул я. – Ратыша, будь добр, поспрошай своих, как там со слежкой дела обстоят? А как узнаешь, сделай одолжение, тут же сообщи мне. Скорее всего, я буду в кабинете у князя, но Толстоватому о тебе сообщу, он задерживать не станет.

– Сделаем, вашбродие, – степенно кивнул извозчик. – Я уж прямо сейчас и поеду. Лошадок вот только перепрягу, они ж тоже замаялись, сердешные, почитай, за ночь весь Холмоград исколесили.

– Добро. И еще. Будь любезен, как вернешься, проследи,

чтоб выезды были готовы отправиться в путь хотя бы в течение четверти часа, – попросил я.

– Не сомневайтесь. Исполним в лучшем виде, вашбродие, – махнул рукой Ратьша, и я, развернувшись, окинул взглядом двор и направился к крыльцу здания канцелярии.

Секретарь князя, прижимая к уху телефонную трубку, приветствовал меня коротким кивком и тем же жестом указал на кресло в углу приемной. С удобством в нем разместившись, я взял с приставного столика то ли выложенную для форсу самим Толстоватым, то ли оставленную каким-то забывчивым посетителем книгу, оказавшуюся известным мне еще по «тому свету» трактатом Сунь Цзы. Помнится, даже курсовик по нему писал. Впрочем, взглянуть, насколько отличается здешнее учение древнего полуполюгендарного китайского полководца от известного в том мире, мне не удалось. Вент Мирославич закончил разговор по телефону и привлек мое внимание громким «бряком» трубки на телефонный рычаг.

– Добрый день, Виталий Родионович, – поприветствовав, секретарь поднялся из-за стола и, открыв несгораемый шкаф, вытащил из него небольшой кофр серой странно шероховатой кожи, – прошу, ваш печатный набор. Советую хранить его либо дома, либо здесь в канцелярии, как поступают большинство сотрудников.

– О... Станный материал, – заметил я, проводя рукой по покрытию обложки.

– Акулья кожа. На нее очень хорошо ложатся оберегающие и опознающие структуры, – просветил меня Толстоватый. – А сейчас нужно «привязать» эти структуры к вам. Откройте кофр, пожалуйста.

Несколько довольно простых манипуляций, чтобы увидеть которые, мне, правда, пришлось снять «сферу», и капля крови для закрепления результата, в лучших традициях читанной на «том свете» фантазийной литературы. Ну правильно, что может идентифицировать человека лучше, чем его собственная ДНК? А принцип здесь был, похоже, именно такой.

Справившись с привязкой кофра... а что, импринтинг чешодана... звучит! Той же процедуре подверглись и печати с короткими трехбуквенными оттисками ОГК, пикирующим соколом и незатейливым четырехзначным номером... М-да, это явно не унитаэ номер семь, что, впрочем, не может не радовать.

– Прошу обратить внимание, Виталий Родионович, порядковый номер на печатях соответствует порядковому номеру вашего удостоверения. Желательно выучить его наизусть.

– Уже, – кивнул я.

– Похвально. Весьма похвально. – Раздавшийся за моей спиной голос мог принадлежать только одному человеку.

– Добрый день, ваше сиятельство. – Я коротко поклонился, приветствуя Телепнева, и тот, кивнув в ответ, указал мне

на двери кабинета, после чего обратил свое внимание на секретаря: – Вент Мирославич, вы закончили?

– Так точно, ваше сиятельство, – молодцевато ответил секретарь.

– Одну секунду, Владимир Стоянович, – притормозил я разогнавшегося князя и протянул Толстоватому составленный мною по пути в канцелярию список. – Вент Мирославич, если вас не затруднит, не могли бы вы пригласить в кабинет его сиятельства господ, указанных в этом списке. И... когда появится Ратыша Гремиславич, препроводите его туда же.

Мы с секретарем одновременно выжидающе взглянули на князя.

– Сбор через полчаса, ротмистр. И пусть принесут стулья для посетителей, – кивнул Телепнев. – Да... вскоре должен прибыть Бернгардт Брючеславич с сопровождающими, пропустите и их. Идемте, Виталий Родионович, у нас не так много времени.

Первым, как и следовало ожидать, прибыл не скрывающий своего скепсиса глава государева сыска. Правда, этот настрой не помешал княжичу Туровскому вполне благодушно поздороваться со своим старым другом-недругом Телепневым и с некоторым интересом покоситься на меня. А вот его сопровождающим я явно не понравился. Особенно тому, что уселся в соседнем с княжичем кресле, одном из многих притащенных припряженными Толстоватым синемундирни-

ками для зрителей моего, все приближающегося «дебюта». Этот, довольно дородный господин с каким-то явно орденским знаком на шее, зыркал на меня совсем уж недобро. Но винить его в предвзятости я бы не стал. Глава окружного хольмградского сыска имел все основания смотреть на меня волком. Своим выступлением я перебежал дорожку именно его подчиненным.

Кабинет стремительно начал заполняться людьми, так что к назначенному сроку все принесенные охранителями по предполагаемому числу посетителей стулья были заняты. Кроме двух, один из которых предназначался мне.

– Добрый день, господа, всем, с кем еще сегодня не виделся. – Я отвесил собравшимся общий поклон, уловив со стороны окружного сыскаря тихий шепот сквозь зубы: «Фигляр». Ну и пусть. В кои-то веки довелось побыть в шкуре самого всамделишного «книжного» детектива... Сбылась детская мечта, можно сказать. Посему я гордо проигнорировал этот выпад «конкурента». – Некоторым присутствующим это известно, для тех же, кто еще не в курсе, спешу сообщить следующее: с разрешения и полного одобрения главы Особой канцелярии, его сиятельства князя Телепнева, я провожу негласный сыск по поиску пропавшего сотрудника исследовательского отдела, Хельги Милорадовны Высоковской.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.